

ISSN 2074-9848

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2012

4 (14)

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2012

БАЛТИЙСКИЙ

РЕГИОН

2012

4 (14)

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2012.
179 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 выпуска в год
на русском
и английском языках

Учредители:

Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел.: +7 4012 59-55-43
Факс: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

© БФУ им. И. Канта, 2012

Редакционный совет

А.П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политологии и социологии, ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель; *К.К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., проректор по организации работы ученых советов, зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ — сопредседатель; *С.С. Артоболевский*, д-р геогр. наук, проф., зав. отделом экономической и социальной географии Института географии РАН; *В.Г. Барановский*, д-р ист. наук, проф., зам. директора ИМЭМО РАН; *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф. Боннского университета (Германия); *К. Веллман*, д-р, исполняющий обязанности директора Отдела по вопросам исследований мира и конфликтов Института социальных наук Университета Христиана-Альбрехта, г. Киль (Германия); *А.В. Кортунов*, канд. ист. наук, президент «ИНО-Центра (Информация. Наука. Образование)»; *К. Люхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В.А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ; *А.Ю. Мельвил*, д-р филос. наук, проф., декан факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики; *Р.М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономического анализа организаций и рынков Государственного университета — Высшая школа экономики; *А.О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН.

Редакционная коллегия

Г.М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., зав. кафедрой социально-экономической географии и геополитики, проректор по научной работе БФУ им. И. Канта — сопредседатель; *Н.В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. кафедрой региональной политики и политической географии, проректор по учебно-методической работе СПбГУ — сопредседатель; *В.В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *Т.Р. Гареев*, канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой экономики фирмы и рынков, проректор по развитию и инновационной деятельности БФУ им. И. Канта; *Ю.М. Зверев*, канд. геогр. наук, доц., зам. проректора по научной работе БФУ им. И. Канта; *М.В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ; *Э. Кнатте*, д-р агрономии, руководитель направления «Региональная география Европы», Институт землепользования им. Лейбница, г. Лейпциг (Германия); *В.А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН; *Ю.В. Косов*, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой международных отношений Северо-Западного института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (РАНХ и ГС); *Г.В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., директор НОЦ «Балтийский регион» Института балтийских исследований БФУ им. И. Канта; *Н.М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ; *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., директор Института географии Гданьского университета (Польша); *В.А. Смирнов*, канд. полит. наук, директор Института балтийских исследований БФУ им. И. Канта; *Э. Спиряевас*, д-р географии, директор Центра трансграничных исследований, зав. кафедрой социальной географии, Клайпедский университет (Литва); *А.Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф. экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

ISSN 2074-9848

BALTIC REGION

2012

4 (14)

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2012

BALTIC
REGION
2012
4 (14)

Kaliningrad:
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2012.
179 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint-Petersburg
State University

Editorial Office

Address: 14, A. Nevski str.,
Kaliningrad, Russia 236041

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University of Russia, 2012

Editorial council

Prof. *Klemeshev Andrey*, rector, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia — co-chair; Prof. *Khudoley Konstantin*, vice-rector for Academic Council organisation, Saint-Petersburg State University, Russia — co-chair; Prof. *Artobolevsky Sergey*, head of the Department of Economic and Social Geography of the Institute of Geography, the Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. *Baranovsky Vladimir*, deputy director of the Institute of the World Economy and International Relations (IMEMO), the Russian Academy of Sciences, Russia; Prof., Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Prof. for Economic and Technological Change, University of Bonn (Germany); Prof. *Chubaryan Aleksander*, director of the Institute of World History, the Russian Academy of Sciences, Russia; Dr *Liuhio Kari*, director of the Pan-European Institute, Finland; Dr *Kortunov Andrey*, president of the INO-centre (Information. Science. Education), Russia; Prof. *Mau Vladimir*, rector, the Academy of National Economy, Russia; Prof. *Melville Andrey*, dean of the Faculty of Applied Political Science, National Research University Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nureev Rustem*, head of the Department of Economic Analysis of Organizations and Markets, National Research University Higher School of Economics, Russia; Dr *Wellmann Christian*, acting head of Division for Peace and Conflict Research of the Institute of Social Sciences of Kiel University (former SHIP), Kiel, Germany.

Editorial board

Prof. *Fedorov Gennady*, vice-rector for research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia — co-chair; Dr *Kaledin Nikolay*, vice-rector for academic affairs, Saint-Petersburg State University, Russia — co-chair; Dr *Gareev Timur*, head of the Department of Economics of the Firm and Markets, vice-rector for Innovation Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Ilyin Mikhail*, head of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Knappe Elke*, Leipzig, Germany; Prof. *Kolosov Vladimir*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Kosov Jury*, head of Department of International Relations, professor, North-West Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saint-Petersburg, Russia; Prof. *Kretinin Gennady*, director of the Baltic Region research and education centre of the Institute of Baltic Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Mezevich Nikolay*, head of the Center for the Cross-border Studies, Saint-Petersburg State University, Russia; Prof. *Palmowski Tadeusz*, director of the Institute of Geography, University of Gdansk, Poland; Prof. *Shastitko Andrey*, Department of Economics, Lomonosov Moscow State University, Russia; Dr *Smirnov Vadim*, director of the Institute of Baltic Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Dr *Spiriajevas Eduardas*, head of the Centre of Cross Border Studies and department of Social Geography, Klaipeda University (Lithuania); Dr *Voronov Viktor*, Associate Prof., Research Prof. of the Institute of Social Investigation at Daugavpils University, Latvia; Dr *Zverev Jury*, deputy vice-rector for research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы инновационного развития

<i>Воронов В. В.</i> Оценка и факторы роста инновационной конкурентоспособности регионов Латвии	7
<i>Волошенко К. Ю.</i> Методические основы сравнительной оценки научно-технического потенциала России и ЕС: региональный и международный аспекты.....	22
<i>Фидря Е. С., Левина Р. С.</i> Перспективы предпринимательства в формировании новых рынков высокотехнологичной продукции в регионе Балтийского моря	39
<i>Кривошеев В. В.</i> Об историческом контексте инновационного развития России	49
<i>Воробьев А. А.</i> Научно-технические соглашения в концессионной системе Норвегии в 70—90 годах XX века	59

Международное сотрудничество

<i>Хелминак М., Котович В.</i> Внешняя политика Польши и Калининградская область в 1989—2012 годах	72
<i>Кузнецова Т. Ю., Гапанович А. В.</i> Международное научное сотрудничество в Балтийском регионе: наукометрический анализ	82
<i>Кретинин Г. В., Федоров Г. М.</i> Исторические аспекты развития российско-литовских экономических отношений и современность.....	97
<i>Гриценко В. А., Жураховская П. М., Юров А. В.</i> Сходства и различия учебных планов подготовки бакалавров-океанологов в университетах Санкт-Петербурга, Клайпеды и Калининграда.....	111

Приглашаем к дискуссии

<i>Рингерт Ц.</i> Россия и Европейский союз: эфемерный поиск общих ценностей?	125
---	-----

Научные сообщения

<i>Белова А. В.</i> Инструменты научно-технического сотрудничества России и Европейского союза в инновационной сфере	137
<i>Баранова Ю. В.</i> О международном сотрудничестве Северо-Запада России в инновационной сфере на Балтике.....	150

Рецензии

<i>Грецкий И. В.</i> Внешняя политика современной Польши (Poland's Foreign Policy in the 21st Century / ed. by Stanisław Bieleń. Warsaw : Difin, 2011. 462 S.	167
<i>Сергунин А. А.</i> Александров О. Б. Северный вектор внешней политики России: внешняя политика России на Балтике, в регионе Северной Европы и в Арктике. М. : Спутник +, 2012. 205 с.	172

CONTENTS

Topical issue of innovative development

- Voronov V. V.* The evaluation and factors of increase in innovative competitiveness of Latvian regions..... 7
- Voloshenko K. Yu.* The methodological bases of comparative evaluation of scientific and technological potential of Russia and the EU: regional and international aspects..... 22
- Fidrya Ye. S., Levina R. S.* The prospects of entrepreneurship in the formation of new hi-tech markets in the Baltic Sea region 39
- Krivosheev V. V.* On the historical context of innovative development in Russia..... 49
- Vorobyov A. A.* Research and technology agreements in the Norwegian concession system of the 1970s—1990s..... 59

International cooperation

- Chelminiak M., Kotowicz W.* The foreign policy of Poland and the Kaliningrad region in 1989—2012. 72
- Kuznetsova T. Yu., Gapanovich A. V.* International research cooperation in the Baltic region: a scientometric analysis 82
- Kretinin G. V., Fedorov G. M.* The historical aspects and current issues of the development of Russian-Lithuanian economic relations 97
- Gritsenko V. A., Zhurakhovskaya P. M., Yurov A. V.* Similarities and differences in bachelor of oceanology curricula at Saint Petersburg, Klaipeda, and Kaliningrad universities..... 111

Academic discussion

- Ryngaert C.* Russia and the European Union: an elusive quest for common values? 125

Research reports

- Belova A. V.* The instruments of Russia — EU research and technological cooperation in the sphere of innovations 137
- Baranova Yu. V.* On the international cooperation of North-West Russia in the field of innovations in the Baltic..... 150

Reviews

- Gretsky I. V.* Poland's Foreign Policy in the 21st Century / ed. by Stanisław Bieleń. Warsaw : Difin, 2011. 462 S. 167
- Sergunin A. A.* Aleksandrov, O. B. 2012, Severnyj vektor vneshnej politiki Rossii: vneshnjaja politika Rossii na Baltike, v regione Severnoj Evropy i v Arktike [The northern vector of Russian foreign policy: Russian foreign policy in the Baltic, Northern Europe and the Arctic], Moscow, Izdatelstvo «Sputnik +», 205 p. 172

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

УДК 332.144

ОЦЕНКА И ФАКТОРЫ РОСТА ИННОВАЦИОННОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ ЛАТВИИ

В. В. Воронов*

Вхождение Латвии в процессы интеграции, глобализации в рамках Европейского союза вызывают необходимость дальнейшего совершенствования методов оценки и регулирования конкурентоспособности, прежде всего в ее региональной экономике как совокупности предприятий и отраслей, поставляющих продукцию на внутренний и внешний рынки. Это обстоятельство также требует разработки единых подходов к выбору критериев, показателей и методов конкурентной борьбы на микро-, мезо-, макроуровнях протекания экономических процессов. Определены стадии развития регионов Латвии, рассмотрены методы, опыт оценки и повышения конкурентоспособности регионов Латвии на основе выявления приоритетных направлений и инструментов для управления инновационным развитием регионов страны, анализа и обоснования условий, определяющих такое развитие регионов. Исследование исходит из существующего приоритета Европейского союза на внедрение инноваций и развитие социально-экономической деятельности для повышения конкурентоспособности и привлекательности регионов европейских стран.

Цель исследования — оценка конкурентоспособности регионов Латвии по методике Еврокомиссии и выявление приоритетных направлений и инструментов их инновационного развития на основе экспертного опроса по методу анализа иерархий.

Ключевые слова: регион, инновации, конкурентоспособность, кластеры, технологии производства, маркетинг территории

* Даугавпилский университет,
LV5401, Латвия,
Даугавпилс, ул. Парадес, 1.

Поступила в редакцию 12.09.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-1

© Воронов В. В., 2012

В 2007—2013 гг. третья часть средств общего бюджета Евросоюза (ЕС) в размере 313 млрд евро направлена на выполнение трех главных задач (кон-

вергенция, региональная конкурентоспособность и занятость, европейское территориальное сотрудничество). Рассмотрим вопросы региональной конкурентоспособности на примере Латвии как нового члена ЕС.

Анализ уровней развития регионов Латвии

При анализе регионов Латвии в работе использована унифицированная система деления территории на регионы, принятая в ЕС: NUTS (Nomenclature of Territorial Units for Statistics — Номенклатура территориально-статистических единиц). В Латвии, по классификации ЕС, представлен 3-й уровень регионального деления (NUTS — 3): количество населения в регионе от 150 до 800 тысяч человек. Он состоит из пяти регионов страны (Рижский, Курземе, Видземе, Земгале, Латгале), которые позволяют проводить более точную диагностику региональных проблем. При этом Рижский регион включает в себя город Ригу и районы, прилегающие к ней («Пиерига»). В Латвии такой анализ затруднен из-за фактического деления регионов *по экономическому потенциалу* на два: Рижский и все остальные, то есть, говоря геоэкономическим языком, на «центр» и «периферию». Официальная статистика показывает его концентрацию почти на 2/3 в Рижском регионе, который сосредоточивает у себя 66,8% ВВП страны (остальные регионы от 7 до 10% каждый), 64,0% выпуска промышленной продукции страны (остальные регионы — от 7 до 14%), 69,0% нефинансовых инвестиций страны (остальные регионы — от 6 до 12%), 48,6% постоянных жителей страны (остальные регионы — от 10 до 15%) [1]. Хозяйственная активность страны также концентрируется в Рижском регионе (табл. 1).

Таблица 1

Экономически активная деятельность предприятий, % от общего числа предприятий сектора (2009 г.)

Предприятия в секторах экономики	Латвия	Регион				
		Рижский	Видземе	Курземе	Земгале	Латгале
Сельское хозяйство, лесное, рыболовство	100,0	56,8	10,6	13,3	8,9	10,4
Промышленность	100,0	52,8	11,7	14,6	10,9	10,1
Среда и энергетика	100,0	69,8	6,7	10,3	7,6	5,6
Строительство	100,0	64,3	6,6	9,5	8,0	11,6
Торговля	100,0	71,7	6,4	8,7	6,8	6,4
Услуги	100,0	80,0	3,5	8,6	3,7	4,1
Финансы и страхование деятельности	100,0	70,8	0,0	4,2	16,7	8,3
Государственное управление	100,0	62,1	4,9	12,7	10,8	9,5
Образование	100,0	52,0	10,6	13,1	11,0	13,3
Охрана здоровья	100,0	55,2	10,9	12,0	11,9	10,0
Другое	100,0	51,2	14,9	9,6	4,0	20,3

Источник: [1].

Следовательно, Рижский регион как «центр» характеризуют: сильная концентрация социально-экономической активности в одной точке территории страны. Более активное, по сравнению с остальной территорией Латвии, использование новых технологий (информационных, финансово-посреднических, производственных, управленческих); значительно более высокий уровень доходов населения; высокий удельный вес инвестиций, работающих на дальнейшее развитие региона; более высокий уровень социально-экономического и социокультурного капитала.

Остальные четыре региона Латвии как «периферию» характеризуют обратные показатели: сравнительно большая площадь территории с низкой плотностью населения; невысокий уровень использования информационных и других современных технологий; размещение на этой территории низкооплачиваемых рабочих мест; относительно низкий приток инвестиций; более низкий уровень социально-экономического и социокультурного капитала. Как это все влияет на возможности инновационного развития регионов? Эксперты Всемирного экономического форума (World Economic Forum — WEF) выделяют три уровня (основные стадии и их критерии) развития регионов, а также переходные ступени, находящиеся между основными стадиями [2, р. 16]:

1. *Факторная стадия*, где основной фактор роста — мобилизация всех производственных факторов, обеспечивающих устойчивость макроэкономической среды. При этом ВВП на 1 чел. ниже 2 тыс. долларов США. Переходная ступень от факторной стадии к инвестиционной стадии — когда ВВП на 1 чел. составляет 2—3 тыс. долларов США.

2. *Инвестиционная стадия*, где основной фактор роста — эффективное использование мировых технологий во внутреннем производстве. При этом ВВП на 1 чел. — 3—9 тыс. долларов США. Переходная ступень от инвестиционной стадии к инновационной — когда ВВП на 1 чел. составляет 9—17 тыс. долларов США.

3. *Инновационная стадия*, где основной фактор роста — не импорт технологий, а создание своих технологий на основе высокого уровня образования. При этом ВВП на 1 чел. превышает 17 тыс. долларов США.

Латвийские регионы также можно идентифицировать по стадиям экономического развития с учетом принципов классификации WEF (табл. 2).

Таблица 2

Стадии экономического развития латвийских регионов (2009 г.) [1]

Статистические регионы Латвии	ВВП на 1 чел., в латах*	Стадия экономического развития
Рижский	12 234	Инновационная стадия
Видземе	4 503	Инвестиционная стадия
Курземе	5 579	Переход от инвестиционной стадии к инновационной стадии
Земгале	4 378	Инвестиционная стадия
Латгале	3 936	Инвестиционная стадия
Латвия в целом	7 144	Переход от инвестиционной стадии к инновационной стадии

* 1 LVL = 2 USD.

Тогда, в соответствии с методологией WEF по оценке конкурентоспособности, лишь Рижский регион может считаться конкурентоспособным на внешних рынках [3, с. 19—38], потому что находится на инновационной стадии развития, а остальные — на инвестиционной (Видземе и Латгале) или на ступени перехода от инвестиционной к инновационной (Курземе и Земгале).

Методы и опыт оценки конкурентоспособности регионов Латвии

Ряд исследователей в Латвии уже оценивали конкурентоспособность регионов страны. Были предложены разные методики анализа: «ромбов», «латвийского регионального индекса развитости» и другие [4, с. 131—141; 5]. Нахождение интегрированного показателя конкурентоспособности региона для сравнительных оценок проблемно, поскольку возникает необходимость сведения к однородной основе разных показателей с позиции рыночной экономики. Для среднеразвитой экономики такой страны Евросоюза, как Латвия, показатели конкурентоспособности регионов могут выражать уровень доходов населения, производительность труда как отношение созданной добавленной стоимости в экономике к числу занятых в ней и занятость. На наш взгляд, они вполне адекватно характеризуют состояние и динамику конкурентоспособности региона. Такое понимание есть в соответствующей рекомендации Еврокомиссии Европейского союза (ЕК ЕС) [6] и апробированном анализе конкурентоспособности литовских регионов, опубликованном в журнале «Социологические исследования» [7, с. 79—84]. Поэтому в представленном исследовании использована простая и вполне надежная оценка состояния и динамики конкурентоспособности региона — *индекс конкурентоспособности региона* на основе определенных показателей, позволяющих дать оценку конкурентоспособности регионов Латвии. Все виды показателей носят обобщенный характер, и при этом каждый из них характеризует определенное свойство или фактор конкурентоспособности региона. Показатели, в свою очередь, характеризуются группой индикаторов в соответствии с методиками, изложенными в научной литературе [8, с. 23—28].

ЕК ЕС предлагает рассматривать внутренний валовой продукт (ВВП) на одного жителя как основной показатель конкурентоспособности [6, р. 75], который в свою очередь зависит от производительности, уровня занятости и доли трудоспособного населения среди всех жителей:

$$\frac{ВВП}{Жители} = \left(\frac{ВВП}{УЗ} \right) \times \left(\frac{УЗ}{Жители\ ТВ} \right) \times \left(\frac{Жители\ ТВ}{Жители} \right),$$

где *ВВП* — внутренний валовой продукт; *УЗ* — уровень занятости; *Жители ТВ* — жители трудоспособного возраста; *Жители* — все жители страны или региона.

Конкурентоспособность определяется экспертами ЕК ЕС с точки зрения показателя *ВВП на одного жителя* и делится на две компоненты, которые совместно определяют ее уровень. Это показатель отношения ВВП к уровню занятости, который показывает продуктивность труда (как отношение созданной добавленной стоимости в экономике к числу занятых в ней), и общее число работающих людей по отношению к населению трудоспособного возраста, т. е. уровню занятости. Для высокой конкурентоспособности региона нужны как относительно высокий уровень продуктивности труда, так и большее количество рабочих мест.

Взаимосвязь между производительностью труда и занятостью очень сложна и имеет много скрытых факторов. Рост производительности труда, например, иногда рассматривается как показатель, несовместимый с увеличением занятости. Это может быть верно в условиях краткосрочной перспективы, например, в регионах, находящихся в процессе реструктуризации. В долгосрочной же перспективе эти два показателя будут друг друга дополнять — например, в регионах с высокими темпами роста производительности труда, условия для создания и привлечения инвестиций лучше, и соответственно имеются тенденции для дальнейшего развития и создания новых рабочих мест. Кроме того, скрытые факторы могут повлиять на один компонент больше, чем другие. Так, развитие капиталоемких и наукоемких производств самым прямым образом способствует повышению производительности, в то же время развитие инновационной, наукоемкой экономики знаний и повышение квалификации персонала может сказаться не только на повышении производительности труда, но и расширить возможности квалифицированных работников в дальнейшем трудоустройстве. В нашем исследовании регионы анализируются с использованием всех представленных в формуле показателей. В целях сравнения произведена комплексная оценка показателей и их индексация (*max* значение 1,00; *min* значение 0,00) (рис. 1).

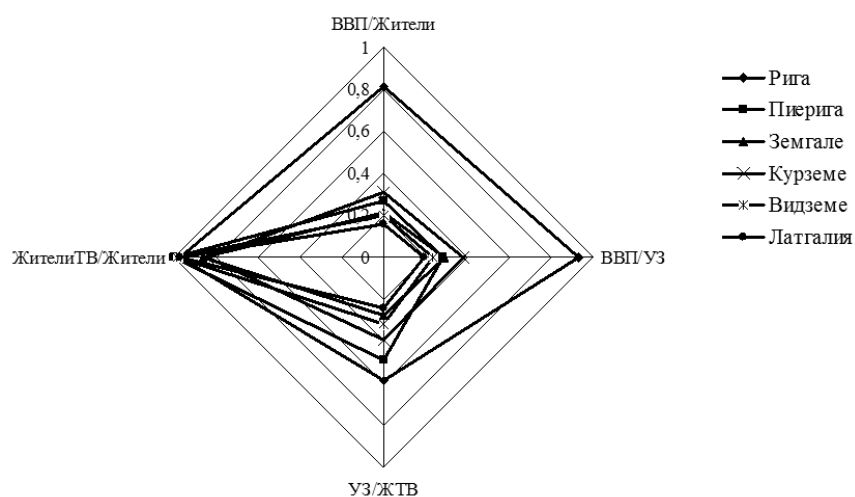

Рис. 1. Сравнительная конкурентоспособность регионов Латвии (2009 г.) [1]

Результаты анализа показывают сравнительно устойчивую динамику ранжирования оценок конкурентоспособности регионов Латвии после вступления страны в ЕС: на первом месте неизменно находится Рижский регион (г. Рига и районы, прилегающие к Риге), а на последних двух — южный сельский регион Земгале и восточный регион Латгале (Латгалия). Это свидетельствует об устойчивых проблемах в росте возможностей сбалансированного развития конкурентоспособности всех регионов Латвии из-за значительной дифференциации с позиции «центр-периферия» по их социально-экономическому и социокультурному потенциалам.

Управление инновационной конкурентоспособностью региона: приоритетные факторы и инструменты ее повышения в Латвии

Для экономического развития и повышения инновационной конкурентоспособности регионов Латвии нужна поддержка тех видов деятельности, которые имеют свойства «региональных мультипликаторов»: а) это производство товаров и услуг, порождающих новые организационные, хозяйственные, технологические цепочки; б) это производство товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью, имеющих широкие и стабильные рынки сбыта вне региона; в) это формирование бизнес-среды, привлекательной для внутренних и внешних инвесторов и отвечающей географическим особенностям региона. Тогда к основным направлениям управления («точкам роста» и «региональным мультипликаторам») повышением конкурентоспособности регионов Латвии можно отнести следующие три. *Первое* — повышение продуктивности экономики на основе ее кластеризации. В Латвии наблюдается тенденция роста коэффициента продуктивности экономики и ее следует устойчиво развивать на основе производственных кластеров. Их роль в повышении конкурентоспособности экономики широко известна и достаточно раскрыта в теории и на практике [9, р. 14—20; 10, с. 9—32]. Например, в Латвии несколько кластеров (лесной, транспортно-логистический, медицинского туризма) действуют в двух-трех регионах страны, но между этими кластерами нет еще тесных межрегиональных связей, как в предложенной автором модели (рис. 2).

Второе — подъем уровня технологичности экономики. В целом уровень технологичности экономики Латвии отстает от среднего уровня в ЕС и требует значительных усилий по его росту, в том числе: по занятости в средне-, высокотехнологичном производстве, по увеличению доли средне-, высокотехнологичного экспорта в общем экспорте, по разработке наукоемких технологий и другое (табл. 3).

Для этого необходимо изменение удельного веса отраслей средних и высоких технологий в структуре реального сектора экономики регионов Латвии. От нынешних 31 до 50% к 2013 г., а в долгосрочной перспективе (2015—2025 гг.) — до среднего уровня ЕС — 70%. В настоя-

щее время самое неблагоприятное положение с уровнем технологичности экономики — в регионе Видземе, а самое позитивное — в регионе Латгале, где еще сохраняется потенциал бывлой индустриальной силы, известного в прошлом крупного промышленного региона Латвии. *Третье* — маркетинг территории как средство роста конкурентоспособности региона. Современный регион интересен как территория, куда выгодно вкладывать инвестиции, перспективно переезжать жить и вести бизнес. Успешность этой конкуренции определяют, с одной стороны, географическое положение, климат, размер территории, природные ресурсы. С другой стороны, ряд факторов, которые формируются самим регионом: имидж, инвестиционный климат, качество менеджмента, образованность населения и другие социокультурные факторы.

Рис. 2. Модель инновационного развития регионов Латвии на основе межотраслевого и межрегионального кластерного подхода

Таблица 3

**Сравнительный уровень инновационного развития Латвии, ЕС-27*
и Финляндии по данным Евростата (2009 г.) [11]**

Показатели	ЕС-27	Латвия	Финляндия (справочно)
Занятые в средне-, высокотехнологичном производстве, % от числа всех работников	6,69	2,40	7,03
Занятые в сфере высокотехнологичного обслуживания, % от числа всех работников	14,53	11,22	16,49
Доля средне-, высокотехнологичного экспорта в общем экспорте, %	48,2	28,7	51,5
Экспорт наукоемких услуг, % к общему экспорту услуг	48,8	37,8	26,7
Затраты на ИТ технологии, % от ВВП	2,7	2,3	3,2
Количество патентов, выданных ЕРО в области высоких технологий, на 1 млн жителей	114,9	9,8	247,3

Поэтому маркетинг территории — инновативный инструмент развития региона. Привлекающая сила факторов маркетинга территории в Латвии характеризуется развитостью и значимостью этих факторов в регионе (возможности для бизнеса, техническая инфраструктура, наличие рабочих мест и др.), понимаемая как реальная маркетинговая сила того или иного фактора. Например, анализ и измерение по специальной методике реальной маркетинговой силы отдельных факторов (*max* значение 1,00; *min* значение 0,00), привлекающих в регионы Латвии работников, новые предприятия, инвестиции (по оценкам жителей, предпринимателей и руководящих работников самоуправлений регионов Латвии), показали, что важное значение придается таким факторам по убывающей: «выгодное географическое положение» (0,64), «хорошая экологическая обстановка» (0,43), «возможности для получения образования» (0,37), «положительный имидж региона» (0,37), развитая «социальная инфраструктура» (0,35), «возможности для бизнеса» (0,34), развитая «техническая инфраструктура» (0,32) и другое [12, p. 141].

**Исследование условий, определяющих рост
инновационной конкурентоспособности регионов Латвии,
по методу иерархического анализа Томаса Саати**

Оценку основных факторов и инструментов повышения инновационной конкурентоспособности регионов Латвии (*развитие кластеризации экономики, инноваций и повышение технологичности производства продукции, развитие маркетинга территорий*), обоснованных ра-

* 27 стран, входящих в ЕС в 2011 г.

нее в ряде работ [9; 12], реализуем на основе экспертного опроса. Интерпретацию результатов дадим на основе метода иерархического анализа (Analytic Hierarchy Process) американского ученого Т. Саати [13, с. 21—37]. Суть данного метода состоит в определении приоритетов основных факторов (направлений) с наибольшим собственным значением на основе попарного сравнения исследуемых характеристик, что обеспечивает упорядочение приоритетов оцениваемых характеристик в группе параметров исследования. Перед организацией опроса экспертов определен набор базовых индикаторов на основе информационной достоверности, описанной в других работах [9; 12] (рис. 3). В рамках темы исследования был проведен (апрель 2011 г.) опрос в каждом регионе Латвии пяти экспертов, исходя из методики надежности процедуры отбора экспертов (компетентных лиц), описанной в научной литературе [14, с. 170—180].

Рис. 3. Факторы и индикаторы инновационного развития регионов Латвии

Оценивая по методу Т. Саати главные элементы структуры первого уровня (факторы A , B , C) и второго уровня (индикаторы a_1 , a_2 , a_3 ; b_1 , b_2 , b_3 , b_4 , b_5 ; c_1 , c_2 , c_3), созданы 100 (20 на каждый из пяти регионов Лат-

вии) решений матрицы. Для каждого региона подсчитаны: главный вектор и приоритетный вектор. В результате получены следующие *медианные значения факторов и индикаторов*. Наибольшую весомость (*max* значение 1,00; *min* значение 0,00) в оценках экспертов получил фактор *B* «Инновации и технологии производства»: в Рижском регионе — 0,47; в Курземе — 0,47; в Видземе — 0,75; в Земгале — 0,29; в Латгале — 0,47. На втором месте — фактор *C* «Маркетинг территории». Соответственно: 0,47; 0,47; 0,18; 0,56; 0,33. На последнем месте неожиданно оказался фактор *A* «Кластеризация экономики» (достаточно весомый в экономике многих стран ЕС, таких, как Великобритания, Дания, Финляндия и другие). Соответственно: 0,05; 0,05; 0,06; 0,07; 0,09. Вместе с тем медианные значения индикаторов каждого из трех факторов показали определенную специфику условий, необходимых для развития конкретных регионов, специфику управленческих воздействий различных субъектов рынка на повышение конкурентоспособности регионов страны.

Вместе с тем медианные значения индикаторов каждого из трех факторов показали определенную специфику условий, необходимых для развития конкретных регионов, специфику управленческих воздействий различных субъектов рынка на повышение конкурентоспособности регионов страны.

Например, в регионе Латгале у самого весомого фактора *B* лишь один из пяти индикаторов — b_1 «Наличие учреждений высшего и профессионального образования» — имел значимый медианный вес (0,33), значение остальных индикаторов было гораздо ниже. Зато у самого низкого, по оценке экспертов, фактора *A* два из трех индикаторов — a_1 «Наличие совместных проектов самоуправлений, вузов и предпринимателей в регионе» и a_3 «Наличие опыта формирования транспортно-логистического, деревообработки, туристического и других видов кластеров» — получили значимые веса — 0,33 каждый. У фактора *C* «Маркетинг территории» все три значения индикаторов получили одну оценку у экспертов — 0,33. Эти данные свидетельствуют о необходимости продолжения опыта формирования кластеров в регионе Латгале, опираясь на возможности развития инноваций и технологий производства, маркетинга территории в регионе совместными усилиями самоуправлений, бизнеса и науки.

В Рижском регионе, по оценке экспертов, два самых весомых фактора — *B* и *C* — получили одинаковую оценку — 0,47. Однако оценка их индикаторов как приоритетов средств повышения конкурентоспособности региона здесь отлична от региона Латгале. Например, у фактора *B* два из пяти значений индикаторов получили более высокую оценку: b_1 — 0,39 и b_2 «Наличие научных учреждений» — 0,43. У фактора *C* в Рижском регионе два из трех индикаторов получили высокие оценки экспертов: c_2 «Участие в международных форумах, выставках и других мероприятиях с продвижением экономического потенциала и инвестиционной привлекательности региона» (0,78) и c_3 «Создание репрезентативных материалов и рекламы, которые раскрывают экономи-

ческий потенциал и инвестиционную привлекательность региона» (0,78). У самого низкого, по оценке экспертов, фактора A один из трех индикаторов — a_3 — получил также высокую оценку — 0,78. Следовательно, для Рижского региона повышение конкурентоспособности связано, по мнению экспертов, с развитием науки, наукоемких технологий и активизацией внешней пиар-деятельности. Эти средства выступают приоритетными при координации усилий самоуправлений региона, науки и бизнеса в стратегии его развития.

Ситуация в регионе Курземе аналогична с Рижским регионом в оценке экспертами самых весомых факторов (B и C). При этом весомость всех пяти индикаторов фактора B оказалась низкой: лишь индикатор b_3 «Наличие технологических парков и бизнес-инкубаторов» получил оценку 0,23; остальные были еще ниже. У фактора C в регионе Курземе два из трех индикаторов получили одинаковые оценки экспертов: c_2 и c_3 по 0,47. Самый низкий, по оценке экспертов, фактор A получил значимые оценки по двум из трех индикаторов: a_1 (0,33) и a_3 (0,47). По мнению экспертов, потенциал средств повышения конкурентоспособности региона Курземе заметно уступает Рижскому региону, но в целом превышает регион Латгале. Для региона Курземе основные средства повышения конкурентоспособности (как и в Латгале) — продолжение опыта формирования кластеров, опора на возможности развития технологических парков и активизация внешней пиар-деятельности совместными усилиями самоуправлений, бизнеса и науки.

В регионе Видземе самую высокую оценку у экспертов (среди всех регионов страны) получил фактор B (0,75). При этом у трех из пяти индикаторов фактора — значимые оценки: b_3 (0,30), b_4 «Наличие свободных экономических зон» (0,30), b_5 «Использование наукоемких и капиталоемких технологий» (0,47). У фактора C в регионе Видземе лишь один из трех индикаторов получил высокую оценку экспертов: c_3 — 0,65. В то же время самый низкий по оценке фактор A получил значимые одинаковые оценки по всем трем индикаторам; a_1 , a_2 , a_3 — 0,33. Следовательно, основными средствами повышения конкурентоспособности в регионе Видземе выступают развитие инноваций и наукоемких технологий производства, а также развитие опыта формирования кластеров. Эти средства являются приоритетными при координации усилий самоуправлений региона, науки и бизнеса в стратегии развития территории.

В регионе Земгале самую высокую оценку эксперты дали фактору C — 0,56 («Маркетинг территории»). У двух из трех индикаторов этого фактора также высокие оценки: c_2 и c_3 — по 0,78. Лишь один из пяти индикаторов фактора B получил высокую оценку экспертов: b_2 — 0,64. Как и в регионе Видземе, самый низкий по оценке фактор A получил значимые одинаковые оценки по всем трем индикаторам; a_1 , a_2 , a_3 — 0,33. Можно утверждать, что для региона Земгале основные средства повышения конкурентоспособности следующие: пиар-деятельность активных субъектов региона, направленная на привлечение внешних инвесторов и формирование позитивного имиджа территории, более эффективное использование потенциала учреждений науки в регионе, развитие опыта формирования кластеров.

Результаты исследования могут иметь определенный практический интерес для самоуправлений в регионах, для бизнеса, научных учреждений и выступать достоверными индикаторами эффективности их управления по социокультурному и иному развитию регионов Латвии.

По результатам исследования сделаем некоторые выводы.

Во-первых, социально-экономическое развитие регионов Латвии имеет выраженное различие по потенциалу и возможностям привлечения квалифицированных людских, инвестиционных, технологических ресурсов. Лишь Рижский регион находится на стадии инноваций, другие регионы — на стадии инвестиций или перехода к стадии инноваций.

Во-вторых, к основным факторам повышения конкурентоспособности регионов Латвии можно отнести следующие: повышение продуктивности экономики на основе кластерного подхода, повышение уровня технологичности производства товаров и услуг, использование инструментов маркетинга территории для привлечения в регион предприятий, работников, инвестиций.

В-третьих, в силу заметной дифференциации развития регионов Латвии, во всех регионах, кроме Рижского, отсутствуют условия эффективного и системного влияния основных факторов (кластеризация, технологичность производства, маркетинг территории) на рост конкурентоспособности региона, вследствие того, что развитость этих факторов в регионах ниже их значимости, согласно оценке экспертов.

В-четвертых, выявленные конкретные и приоритетные для каждого региона Латвии средства повышения их конкурентоспособности для эффективного управления ими, нуждаются в согласованных усилиях государства и местных органов власти, региональных вузов, бизнеса. В настоящее время это затруднено из-за значительного влияния неэкономических факторов на развитие страны.

И последнее. Этот опыт применим при научной разработке аналогичных проблем в регионах Российской Федерации.

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы, ГК 14.740.11.1377.

Список литературы

1. LR Centrālā statistikas pārvalde. URL: <http://www.csb.gov.lv/dati/statistikas-datubazes> (дата обращения: 12.08.2012).
2. Porter M. E., Sachs J. D., McArthur J. W. The Global Competitiveness Report 2001—2002. Executive Summary: Competitiveness and Stages of Economic Development. New York, Oxford, 2002.
3. Boronenko V. Identification of actual clusters and the ir roles measurement in the development of regional competitiveness: the case of Latvia // Reģionālais ziņojums. Pētījumu materiāli. 2009. Nr. 5. Daugavpils, 2010.
4. Рачко Э. Опыт оценки конкурентоспособности региональной экономики Латвии // Kapital ludzki w procesie przemian europy srodkowej i wschodnej. Aspekty makroekonomiczne i regionalne / pod red. naukowa W. Kosiedowskiego. Torun, 2010.

5. Шенфельде М. Н., Денисов М. В. Сравнение методов расчета регионального индекса развития. URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/prvs/2008_2/0502.pdf (дата обращения: 12.03.2012).
6. Sixth Periodic Report on the Social and Economic Situation and Development of Regions in the European Union, 1999. Available: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/toc_en.htm (accessed 05 January 2012).
7. Брунецкене Ю., Дагилене Ж., Симанавичене Ж. и др. Опыт оценки конкурентоспособности регионов // Социологические исследования. 2009. № 2.
8. Ковалёв М. М., Шатко А. А. Рейтинговые модели конкурентоспособности регионов // Управление в социальных и экономических системах : материалы XVI международной научно-практической конференции 16—17 июня 2007 г. / Минский институт управления. Минск, 2007.
9. Voronovs V., Petrova I., Račko E. Reģionālās ekonomikas konkurētspējas paaugstināšana un aktīvā adaptācija globalizācijas apstākļos. Daugavpils, 2006.
10. Шаститко А. Е. Кластеры как форма пространственной организации экономической деятельности: теория вопроса и эмпирические наблюдения // Балтийский регион. 2009. № 2.
11. European Innovation Scoreboard (EIS) 2009. Available: <http://www.proinno-europe.eu/page/european-innovation-scoreboard-2009> (accessed 26 August 2012).
12. Ignatjevs S. Teritorijas mārketinga kā reģiona stratēģiskās attīstības faktors. Rēzekne, 2011.
13. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / пер. с англ. Р. Г. Вачнадзе. М., 1993.
14. Экспертные оценки в социологических исследованиях. Киев, 1990.

Об авторе

Воронов Виктор Васильевич, доктор социологических наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет, Латвия; эксперт по социологии и экономике, Совет по науке Латвийской академии наук.

E-mail: viktor.voronov@du.lv

THE EVALUATION AND FACTORS OF INCREASE IN INNOVATIVE COMPETITIVENESS OF LATVIAN REGIONS

V. V. Voronov

Daugavpils University
1, Parades, Daugavpils, LV-5401, Latvia

Received on September 12, 2012

The Latvian participation in the process of integration and globalization within the European Union creates a need to improve the procedures of competitiveness assessment and management, especially in the framework of regional economy, i. e. a set of companies and industries that supply products into the domestic and foreign markets. It also requires the development of common approaches to selection crite-

ria and competition indicators and methods at the micro-, meso-, and macro-levels of economic processes. This study identifies the stage of development of Latvian regions and considers the methods as well as the experience of evaluation and improvement of the competitiveness of Latvian regions through the determination of priorities and tools for regional innovative development and the analysis and justification of conditions affecting regional development. This work takes into account the current priority of the European Union — the innovation and development of socio-economic activities in order to enhance the competitiveness and attractiveness of European regions.

This study sets out to evaluate the competitiveness of Latvian region using the method developed by the European Commission and identify the priority areas and instruments for their innovative development with the help of an expert survey based on the analytic hierarchy process.

Key words: region, innovation, competitiveness, clusters, technology, marketing territory

References

1. LR Centrālā statistikas pārvalde. [Latvian Central Statistical Bureau.], available at: <http://www.csb.gov.lv/dati/statistikas-datubazes> (accessed 12 August 2012).
2. Porter, M.E., Sachs, J.D., McArthur, J.W. 2002, *The Global Competitiveness Report 2001—2002. Executive Summary: Competitiveness and Stages of Economic Development*, New York, Oxford, Oxford University Press.
3. Boronenko, V. 2009, Identification of actual clusters and the ir roles measurement in the development of regional competitiveness: the case of Latvia, *Reģionālais ziņojums. Pētījumu materiāli* [Regional Report. Research materials], no. 5, Daugavpils.
4. Rachko, E. 2010, Opit ocenki konkurentosposobnosti regionalnoj ekonomiki Latviji [Experience in evaluation of the competitiveness of the regional economy of Latvia.]. In: Kosiedowski, W. (ed.), *Kapital ludzki w procesie przemian europy srodkowej i wschodniej. Aspekty makroekonomiczne i regionalne*, Torun, Wydawnictwo “Dom Organizatora”.
5. Schenfelde, M.N., Denisov, M.V. 2008, *Sravnienie metodov rascheta regionalnogo indeksa razvitija* [Comparison of methods for calculating the regional development index], available at: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/prvs/2008_2/0502.pdf (accessed 12 March 2012).
6. Sixth Periodic Report on the Social and Economic Situation and Development of Regions in the European Union, 1999, available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/toc_en.htm (accessed 05 January 2012).
7. Bruneckene, J., Dagilene, J., Simanavichene, J., Dapkus, M. 2009, Opit ocenki konkurentosposobnosti regionov [Experience in assessing the competitiveness of regions], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 2.
8. Kovalev, M.M., Schatko, A.A. 2007, Reytingovie modeli konkurentosposobnosti regionov [Rating models of regional competitiveness.], *Upravlenie v socialnih i ekonomiceskih sistemah: materialy XVI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoj konferencii 16—17 junja 2007 g.* [Management in social and economic systems: Materials XVI International Scientific-Practical Conference on 16—17 June 2007, Minskiy institut upravlenija. Minsk, Izdatelstvo MIU.

9. Voronovs, V., Petrova I., Račko, E. 2006, *Reģionālās ekonomikas konkurētspējas paaugstināšana un aktīvā adaptācija globalizācijas apstākļos* [Improving the competitiveness of the regional economy as its active adaptation in the context of globalization.], Daugavpils, Akadēm. apg. „Saule”.

10. Shastitko, A.E. 2009, Clusters as a Form of Spatial Organisation of Economic Activity: Theory and Practical Observations, *Baltic region*, no 2, p. 7—25. doi: 10.5922/2079-8555-2009-2-2, available at: <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/23a/Shastitko.pdf> (accessed 12 March 2012).

11. *European Innovation Scoreboard* (EIS), 2009, available at: <http://www.proinno-europe.eu/page/european-innovation-scoreboard-2009> (accessed 26 August 2012).

12. Ignatjevs, S. 2011, *Teritorijas mārketinga kā reģiona stratēģiskās attīstības faktors* [Territorial marketing as a strategic factor for the development of the region], Rēzekne, Izd. „Druka”.

13. Saati, T. 1993, *Prinjatie rescheniy. Metod analiza ierarhiy* [Decision-making. The analytic hierarchy process.], Moscow, „Radio i svjaz”.

14. *Ekspertnie ocenki v sociologicheskikh issledovaniyah* [Expert assessments in sociological research.], 1990, Kiev, Naukova Dumka.

About author

Dr hab. Victor V. Voronov, leading researcher, Institute for Social Research, Daugavpils University, Latvia; expert in sociology and economics, Science Council of the Latvian Academy of Sciences.

E-mail: viktor.voronov@du.lv

**МЕТОДИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ОЦЕНКИ НАУЧНО-
ТЕХНИЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ
И ЕС: РЕГИОНАЛЬНЫЙ
И МЕЖДУНАРОДНЫЙ
АСПЕКТЫ**

К. Ю. Волошенко*

Анализируются подходы к определению категорий «научно-технический потенциал» и «инновационный потенциал» с учетом их ресурсно-структурной, процессной и результирующей компонент, уточняется понятие научно-технического потенциала посредством выделения его ресурсной составляющей и направленности преобразующих возможностей. На основе оценки существующих в отечественной и зарубежной практике методов сравнительного анализа научно-технического и инновационного потенциала территорий предложена авторская методика оценки научно-технического потенциала применительно к региональным и международным сопоставлениям. Расчет интегрального индекса проводится на основе специально формируемой информационно-статистической базы данных нормированных показателей посредством нахождения и последующей свертки субиндексов, характеризующих отдельные составляющие потенциала. В состав субиндексов включены удельные показатели оценки, представленные в различных системах статистического учета, в частности РФ и ЕС, что позволило обеспечить сопоставимость данных.

Приводятся результаты апробации методики на основе проведения сравнительной оценки научно-технического потенциала России (СЗФО) и стран ЕС, входящих в состав Балтийского региона. По результатам экспериментальной проверки предлагается ее дальнейшее совершенствование для проведения кластеризации регионов России и ЕС по уровню инновационного развития.

Ключевые слова: научно-технический потенциал, сравнительная оценка, кадровая, материально-техническая, научно-исследовательская составляющие, преобразующие возможности, индексный метод

В настоящее время важным условием и основой развития принципов, различных форм и методов международного сотрудничества в инновационной

---

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 12.08.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-2

© Волошенко К. Ю., 2012

сфере, в частности России и ЕС, является оценка концентрации научно-технического (научно-технологического) и инновационного потенциалов с учетом качественного состава и характеристик их основных компонентов. При этом задача сопоставления научно-технического потенциала, учитывая его комплексный характер, а также опосредованное влияние условий и факторов развития конкретной территории, имеет международный и региональный аспекты. Это обусловлено особенностями сравнительного анализа и спецификой формируемого научно-технического потенциала — значение имеют собственно границы концентрации его составляющих и компонент, а также реализации его преобразующих возможностей, что проявляется в пределах территорий различных уровней (страна, регион или город) и позволяет провести, по своей сути, сопоставление различных объектов. Поэтому в отношении России и ЕС обоснованным является выделение в качестве объектов сравнения таких территориальных систем, как «страна — страна», «регион — регион» или «страна — регион». Однако это накладывает существенное ограничение по обеспечению сопоставимости данных, в частности выполнения требований их характерности, инвариантности, транзитивности и согласованности.

В настоящий момент времени отмечается многокритериальность подходов к научно-техническому и инновационному развитию, направлениям формирования экономики инновационного типа на региональном уровне, что определяет множественность оценок терминологической сущности и соотношений таких понятий, как «научно-технический потенциал» и «инновационный потенциал». Обзор отдельных дефиниций позволяет применить следующие виды совместимости указанных категорий: равнозначность (тождественность), пересечение и подчинение.

Совместимости вида «равнозначность (тождественность)» придерживаются такие авторы, как Ю. В. Будавей [5], М. С. Данько [8], В. А. Калашников [23], А. И. Николаев [21], Б. А. Райзберг и др. [22], Э. А. Уткин [25] и др. Авторами преимущественно подчеркивается значимость потенциала для экономического развития, разработки новой продукции, знаний и технологий без выделения особенностей научно-технологической и инновационной составляющих, а также уровней, по отношению к которым применимо данное понятие.

Наиболее распространены такие виды совместимости, как «пересечение» и «подчинение». Совместимость «пересечение» часто обнаруживается в подходах авторов, выделяющих ресурсную составляющую потенциала, так как с методологической точки зрения достаточно сложно определить, какая часть ресурсов и факторов составляет научно-технический потенциал, а что относится к инновационному потенциалу. К числу авторов, придерживающихся совместимости «пересечение», могут быть отнесены О. Ф. Балацкий [29], Д. М. Гвишиани [4], П. Н. Завлин и др. [10], В. И. Кушлин и А. М. Фоломьев [19], Б. К. Лисин и В. Н. Фридлянов [14] и др.

Совместимость «подчинение» возникает вследствие рассмотрения особенностей инновационной деятельности и исследования возможностей использования производительной силы потенциала, включающего

определенный набор ресурсов и факторов. Потенциал характеризует способности различных систем к трансформации в качественно новое состояние, что неразрывно связано не просто с потенциальными, а инновационными. В рамках указанного подхода могут быть приведены определенные категории таких авторов, как В.Н. Гунин [7], Г.И. Жиц [9], С.И. Кравченко и И.С. Кладченко [12], В.Г. Матвейкин и др. [11], Е.А. Монастырный [16], В.И. Суслов [24], И.В. Шляхто [27] и др.

Многокритериальность подходов к изучению и отсутствие единого понимания процессов, связанных с функционированием сектора науки, технологий и инноваций, порождает множественность дефиниций родовых и видовых понятий. Наблюдаемое разнообразие используемых категорий в описании различных сторон научно-технической и инновационной сфер, в отношении которых авторы нередко пренебрегают приведением толкований, создает проблемы не только верной интерпретации, но и их терминологической четкости и ясности, что выступает необходимым условием при осуществлении методологического выбора в исследованиях при их изучении. Показателен перечень таких связанных понятий, как «научно-технологический», «инновационно-технологический», «научно-технический», «научный и научно-технический», «научно-технический и технологический», «технологический», «инновационный» в сочетании с категориями «развитие», «сотрудничество» или «потенциал» применительно к вопросам развития территории (страна или регион), формированию модели экономики, внешним связям или использованию потенциала.

Представляется целесообразным, исключая подробный анализ обширного множества существующих категорий и их определений применительно к научно-технической и инновационной сферам, установить соответствие в отношении научно-технологического, научно-технического, инновационного потенциалов.

Исходным пунктом рассуждений о потенциале может служить понимание «потенции» как совокупности возможностей, которые могут быть использованы для выполнения задач или достижения определенных целей¹.

В качестве такой цели и связанных вытекающих задач в определении научно-технологического потенциала и научно-технического потенциала является развитие на основе достижений и поддержки научно-технической и научно-технологической сфер (научно-технологическое и научно-техническое развитие) — новое научное знание, технология, техника и т. д. При этом потенциал составляют факторы-ресурсы и факторы-процессы (по А.Н. Фоломьеву), необходимые для осуществления такого развития на основе технической и технологической компонент, взаимосвязь и взаимообусловленность которых определяется спецификой функционирования научно-технической и научно-технологических сфер, по сути, представляющих единую систему «наука — технология — техника» с учетом ориентации на потребности сферы общественного производства.

¹ Потенция (от лат. *potentia* — сила) — скрытая возможность, способность, сила, могущая проявиться при известных условиях // Большой энциклопедический словарь: А—Я / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 1997.

В целях дальнейшего исследования автором, принимая во внимание существующие подходы и дефиниции к указанным категориям, предлагается рассматривать «научно-технологический потенциал» и «научно-технический потенциал» как тождественные понятия: *научно-технологический потенциал (научно-технологический потенциал) — система факторов-ресурсов, факторов-процессов и условий, предназначенных и необходимых для решения задач научно-технического (научно-технологического) развития по обеспечению роста конкурентоспособности экономики, укрепления ее национальной, в том числе и научно-технической (научно-технологической), безопасности.*

Исключение составляют условия применимости понятий — в случае необходимости выделения важности и существенности технологической составляющей в развитии предлагается использовать понятие «научно-технологический потенциал», в противном случае — «научно-технический потенциал».

При этом автор придерживается той точки зрения, что понятие «инновационный потенциал», когда речь идет не о структуре или компонентном составе потенциала, несколько шире, чем научно-технический (научно-технологический) потенциал. В формулировках инновационного потенциала большинством исследователей подчеркивается ресурсная составляющая, возможности производительного использования инновационного потенциала, выделяется в качестве необходимой меры осуществления инновационной деятельности на различных уровнях, что незначительно отличает его от научно-технического (научно-технологического) потенциала.

Однако, на наш взгляд, существенная разница обусловлена направленностью преобразующих возможностей потенциалов. Если в научно-техническом (научно-технологическом) потенциале преобразующая способность направлена в сферу научно-технического прогресса, достижения которого могут прямо и опосредованно воздействовать на социально-экономическую сферу, то возможности инновационного потенциала в большей степени характеризуются направленностью на ее трансформацию, обновление и развитие. Кроме этого инновационный потенциал как ресурс для осуществления инновационной деятельности предполагает обязательную ориентацию на коммерциализацию результатов: новый продукт, услуги или технологии обязательно должны приносить прибыль, создавая условия для воспроизводства исследовательской базы, проведения дальнейших инновационных разработок.

Таким образом, понятие «инновационный потенциал» имеет большую практическую плоскость приложения и прикладное значение, по сути, обеспечивая воспроизводство существующего научно-технического (научно-технологического) потенциала, что определяет ключевую роль ресурсной составляющей. В целях дальнейшего исследования предлагается рассматривать инновационный потенциал как совокупность ресурсов, процессов и условий, необходимых и достаточных для реализации инновационной деятельности для достижения целей инновационно-технологического развития.

Структура научно-технического и инновационного потенциалов представлена единством следующих его составляющих: 1) кадровая

компонента — характеризует численность исследователей и занятых лиц в сфере производства высокотехнологичной продукции; 2) материально-техническая компонента — уровень материально-технического оснащения научно-технической и инновационной деятельности; 3) научно-исследовательская компонента — активность процессов создания и использования научных разработок и инноваций; 4) преобразующие способности потенциала — характеризуют прирост возможностей систем (технические, технологические, информационные, квалификационные, интеллектуальные, организационно-управленческие и пр.).

При разработке методических основ проведения сравнительной оценки научно-технического потенциала в контексте исследования сотрудничества России и ЕС необходимо учитывать как существующий положительный опыт сопоставлений, так и в целом применяемый инструментарий. Среди наиболее значимых исследований по проблемам оценки инновационного и научно-технического потенциала могут быть названы:

— подходы Всемирного банка, Национального научного фонда США, Всемирного экономического форума (ВЭФ), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Маастрихтского института экономических исследований в области инноваций и технологий (MERIT — (Нидерланды)) и Комиссии европейских сообществ (КЕС), Института экономики РАН, Независимого института социальной политики Российской Федерации, Центра стратегических разработок «Северо-Запад», рейтингового агентства «Эксперт РА»;

— методики зарубежных авторов: Х. Брюйн, Н. Вайзарт, Ф. Геелс, Р. Зейлер, Г. Калушев, Б. Лундвалл, Н. Матеев, К. Наувелаерс, Р. Нельсон, Т. Петер, Д. Прайс, Е. Роберте, М. Фишер, Дж. Фрелих, К. Фриман и др. [31—37];

— методики отечественных авторов: В. И. Акопов, Э. П. Амосенок, О. Ф. Балацкий, В. А. Бажанов, А. Е. Варшавский, Ю. А. Гаджиев, А. Б. Гусев, С. И. Дворецкий, К. А. Задумкин, Д. В. Колечков, И. А. Кондаков, С. В. Кортков, В. И. Кушлин, О. И. Летунова, В. Г. Матвейкин, Л. В. Минько, С. И. Орленко, М. М. Стыров, В. П. Таров, В. В. Тихомиров, В. В. Фаузер, А. Н. Фоломьев, Л. Н. Чайникова, Т. А. Штерцер и др. [см., например: 1—6; 15; 17; 18; 20; 26; 28; 30].

Представленные подходы к оценке научно-технического и инновационного потенциала в той или иной мере обладают такими характеристиками, как доступность и объективность исходных данных; наглядность представленных результатов; возможности воспроизведения расчетов и моделирования по отношению к другим объектам; возможность оценки потенциала с точки зрения изучения его структуры и состава, функционирования, содержания и организации. Методики применимы к исследованию и оценке научно-технического потенциала страны или конкретного региона, однако отличаются слабой проработанностью в отношении исследования российских и зарубежных регионов. В этой связи при разработке методических основ сравнительной оценки научно-технического потенциала необходимо учитывать ряд следующих положений.

Во-первых, обеспечить сопоставимость результатов международных и региональных сравнений. Во-вторых, в большей мере ориентироваться на использование официальных источников данных статистики, исключая экспертные оценки и результаты опросов. В-третьих, обеспечить необходимость и достаточность выбранной системы показателей для отображения состояния научно-технического потенциала. Указанные требования определяют направления формирования и содержание сопоставимой информационно-статистической базы данных. При этом следует учитывать, что на сегодняшний день наблюдается расхождение в системах учета статистической информации РФ и ЕС — Росстат и Евростат (EIS). Кроме того, обнаруживаются проблемы несоответствия объектов, по которым ведется статистический учет в сфере научно-технического и инновационного развития Евростатом (EIS), так как применяемая номенклатура территориальных единиц ЕС (NUTS 2)² рассматривает часть территорий (например, Литву, Латвию и Эстонию) без учета отдельных административно-территориальных образований.

Преодолеть указанное расхождение можно с помощью включения в систему индикаторов сравнительной оценки потенциала только тех показателей, которые имеют удельное выражение. Это дает возможность провести сопоставления как на уровне стран (регионов), так и при изучении взаимодействия регионов и стран РФ и ЕС, например Северо-Западного федерального округа РФ (СЗФО) со странами-членами ЕС.

Сравнительный анализ индикаторов по методологии Росстата и Евростата позволил выявить группы показателей, которые можно обоснованно включить в информационно-статистическую базу данных для оценки и последующего проведения сравнительного анализа научно-технического потенциала при соблюдении требований непротиворечивости, сопоставимости, достаточности и релевантности.

1. Кадровая компонента:

— число исследователей в общей численности экономически активного населения (ЭАН), %;

— численность исследователей к среднегодовой численности занятого населения, %;

— доля населения с высшим образованием, %.

2. Научно-исследовательская компонента:

— внутренние затраты на научные исследования и разработки, % от ВВП (ВРП);

— доля занятых лиц в сфере производства высокотехнологичной продукции, %;

— доля предприятий и компаний, осуществляющих инновации (технологические, организационные, маркетинговые и т. д.), %.

---

² Номенклатура территориальных единиц для статистического учета ЕС (Regulation No 1059/2003). Выделяют три уровня регионов NUTS, которые обычно совпадают с национальными сетками административно-территориальных единиц. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/nuts_nomenclature/introduction (дата обращения: 13.04.2012).

3. Материально-техническая компонента:

— интенсивность затрат на технологические инновации, %;

— охват услугами интернет-связи, %;

— расходы на информационные и коммуникационные технологии и объекты, в % от ВВП/ВРП.

4. Преобразующие возможности научно-технического потенциала:

— число патентных заявок на 1 млн жителей;

— доля оборота новой продукции в общем обороте, %;

— экспорт высокотехнологичной продукции, в % от общего объема экспорта.

Расчет сводного индекса научно-технического потенциала предлагается проводить на основе модифицированной методики Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического факультета (А. К. Казанцев, С. Н. Леора, И. А. Никитина, Д. А. Рубвальтер, С. А. Фирсова) [12] в такой последовательности.

На первом этапе анализируется структура показателей по группам научно-технического потенциала, проводится сбор первичных данных в соответствии с его выявленной структурой и составляющими.

На втором этапе формируется база данных по группам показателей, которые подлежат расчету в составе потенциала, осуществляется непосредственно их измерение. Нормирование показателей научно-технического потенциала предлагается проводить на основе традиционного линейного масштабирования, используемого большинством исследователей при оценке научно-технического и инновационного потенциала. Процедура линейного преобразования приводит данные к единому масштабу. Все расчетные величины находятся в интервале $[0; 1]$, где 0 соответствует минимальному значению признака, а 1 — максимальному. Такие данные легко интерпретируются [12, с. 42]. Нормирование показателей на основе линейного масштабирования осуществляется в каждый исследуемый год. При этом максимумы и минимумы каждой переменной фиксируются для всего изучаемого временного периода. В ином случае полученные значения будут динамически несопоставимы: невозможно будет сравнивать масштабированные значения для разных лет.

Далее рассчитываются сводные индексы по группам показателей на основе простой средней арифметической. Расчет сводного индекса научно-технического потенциала в региональных сопоставлениях на межстрановом уровне производится путем нахождения среднего значения из сводных индексов, рассчитанных по группам, в составе научно-технического потенциала.

Экспериментальная проверка методики была проведена на примере сравнительной оценки научно-технического потенциала СЗФО России и стран ЕС, входящих в состав Балтийского региона (Дания, Швеция, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония) в течение 2008—2010 гг. Следует отметить, что специально сформированная информационно-статисти-

ческая база удельных показателей, а также допущение о границах формирования научно-технического потенциала определили возможность получения объективных данных о состоянии научно-технического потенциала. Однако требуется соблюдение таких обязательных условий метода сравнительного анализа, как единство методик учета и сопоставимость исчисления показателей, единство периодов времени, сопоставимость структуры и условий функционирования объекта сравнения (научно-технический потенциал).

В процессе формирования информационно-статистической базы данных о состоянии научно-технического потенциала отобранных регионов было выявлено, что в течение 2008—2010 гг. некоторые статистические данные, характеризующие научно-техническое и инновационное развитие стран, отсутствуют. Это связано с тем, что их учет проводится на базе периодических выборочных обследований, например в странах ЕС-27 — Инновационное обследование Европейского сообщества (Community Innovation Survey — CIS). Кроме того, в ходе сбора статистической информации обнаружены несоответствия и расхождения в сведениях, публикуемых в различных источниках. Например, сведения Центральным статистическим бюро (Литва, Латвия и Эстония) не соответствуют данным Евростата, а также отмечаются расхождения в ежегодных отчетах ОЭСР. Аналогичная ситуация наблюдается и по СЗФО.

Сложности в измерении и сравнительной оценке научно-технического потенциала решены с помощью следующих допущений. Во-первых, недостающие сведения заменялись имеющимися значениями: в случае, если недоступны сведения за последний период, их заменяют данными за предыдущий год; если пропущены значения в середине исследуемого периода, их также заменяют данными за предыдущий год; если пропущены значения в начале анализируемого периода, их заменяют значениями индикаторов в последующий год. Во-вторых, внесены коррективы в количественный состав индикаторов: уменьшено число индикаторов, по которым статистический учет ведется не в полном объеме, и включены дополнительные индикаторы, характеризующие состояние науки и технологий. В-третьих, качественно усовершенствованы показатели научно-технического потенциала, они заменены обобщающими индикаторами, так как наиболее доступными данными в сфере статистики инноваций на региональном уровне являются сводные показатели. По ряду показателей учитывались публикуемые в официальных источниках результаты выборочных обследований и экспертные оценки.

На основе нормированных показателей были рассчитаны средние значения по каждой из четырех групп индикаторов и осуществлена свертка индивидуальных значений индексов по группам, проведен расчет сводных индексов для каждого исследуемого региона. В результате проведенного анализа для СЗФО, Северных стран и Прибалтики за период 2008—2010 гг. получены следующие значения интегральных оценок (табл.).

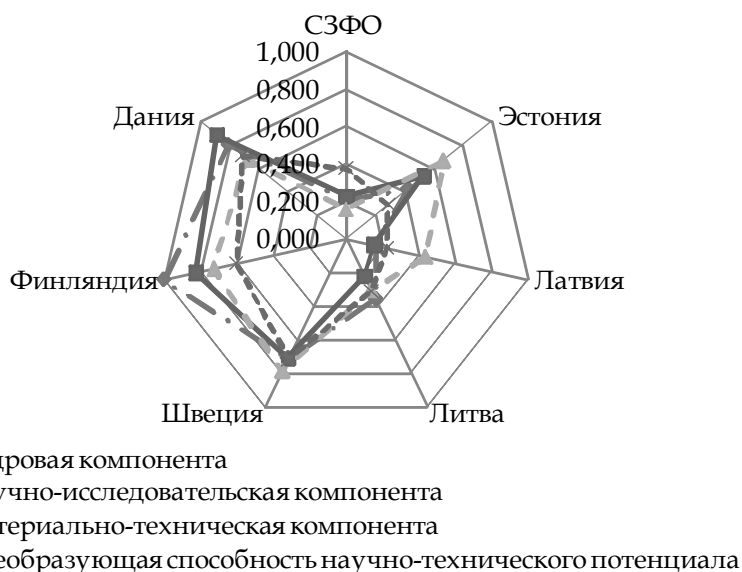
**Интегральная оценка научно-технического потенциала СЗФО,
Северных стран и Прибалтики за период 2008—2010 гг.**

Страны/регион	2008	2009	2010	Темпы прироста за 2008—2010 гг., %
СЗФО	0,180	0,178	0,242	34,1
Латвия	0,196	0,216	0,244	24,9
Литва	0,295	0,304	0,302	2,2
Эстония	0,454	0,501	0,478	5,3
Швеция	0,781	0,810	0,734	-6,0
Дания	0,742	0,757	0,769	3,6
Финляндия	0,850	0,862	0,788	-7,2

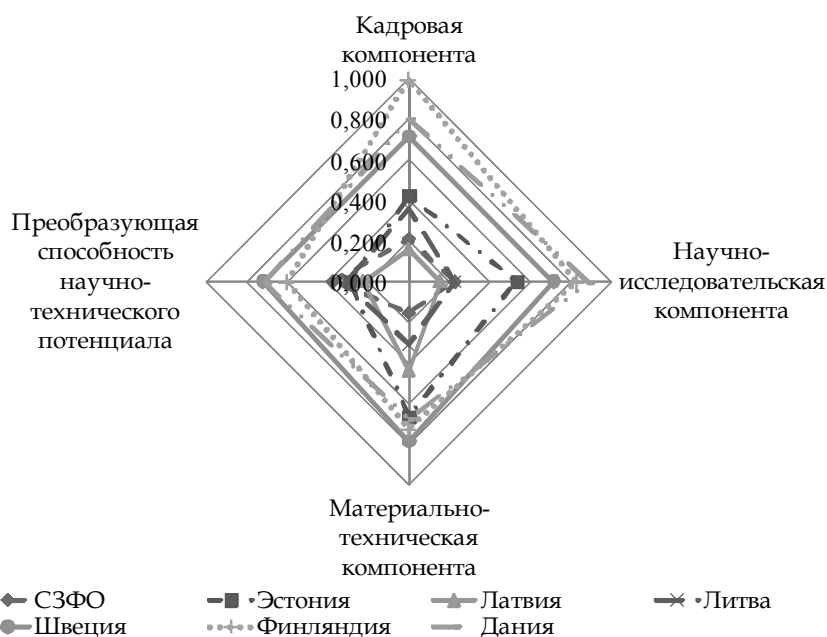
Высокий уровень и концентрация потенциала отмечается в Северных странах. Если для Дании характерно наращение потенциала, то в Швеции и Финляндии наблюдается обратная ситуация — сокращение концентрации научно-технического потенциала (справочно: в 2010 г. по сравнению с 2008 г. потенциал стран соответственно сократился на 6,0 и 7,2%).

Для научно-технического потенциала стран Прибалтики, несмотря на положительную динамику изменения в сравнении с высокоразвитыми в инновационном плане регионами, все еще характерна его невысокая концентрация, о чем свидетельствует величина интегрального показателя, которая в течение последних трех лет не превышает 0,5. В СЗФО в сравнении с регионами Северных стран и Прибалтики отмечены наименьшие показатели в связи с сохраняющимся существенным научно-технологическим и инновационным отставанием региона. На протяжении всего рассматриваемого периода (2008—2010 гг.) СЗФО демонстрировал более чем трехкратный разрыв по сравнению с ведущими странами Балтийского региона в уровне научно-технологического развития, несмотря на высокие темпы прироста интегрального показателя (34% за последние три года).

Изменение величины сводного индекса напрямую определяется состоянием его структурных компонентов. Наиболее существенным структурным изменениям в течение 2008—2010 гг. подверглась интегральная оценка научно-технологического развития СЗФО. В течение трех лет произошли позитивные сдвиги в области наращивания кадрового и материально-технического потенциала региона, в основном за счет увеличения расходов на коммуникационные и информационные технологии и охвата услугами интернет-связи. На 4,5% вырос индекс, характеризующий преобразующую способность научно-технического потенциала. Положительная динамика связана с ростом выпуска новой и экспорта высокотехнологичной продукции. Однако следует обратить внимание на существующие проблемы в связи с низкой инновационной активностью хозяйствующих субъектов в сравнении с другими странами Балтийского региона, недостаточное финансирование сферы НИОКР, снижающиеся относительные показатели численности исследователей. Все эти факторы негативно отражаются на возможности дальнейшего усиления позиций СЗФО в научно-техническом и инновационном пространстве Балтийского региона и требуют выработки эффективного механизма по их решению (рис.).

a

b

Рис. Сопоставление структуры научно-технического потенциала СЗФО, Северных стран и Прибалтики в 2010 г.:

a — сопоставление позиций стран по структурным компонентам;
b — сопоставление структурных компонентов по странам

Сост. по данным Росстата, Евростата (Eurostat regional yearbook, 2011), Европейской кластерной обсерватории (URL: <http://www.clusterobservatory.eu/> (дата обращения: 10.07.2012)).

В результате сравнительного анализа структуры научно-технического потенциала исследуемых стран были выявлены существенные различия как в уровне его концентрации, так и в направлениях развития. Несмотря на разнонаправленный характер прироста, наиболее сходной с СЗФО величиной научно-технического потенциала обладают Латвия и Литва. Для Латвии свойственна ориентация на материально-техническую составляющую, для Литвы — на кадровую компоненту. Для СЗФО характерно смещение акцента на преобразующую способность потенциала, что во многом обусловлено высокой патентной активностью в регионе.

Основой наращивания научно-технического потенциала Северных стран выступили научно-исследовательская и кадровая составляющие.

Результаты экспериментальных расчетов интегральной оценки научно-технического потенциала подтвердили возможность проведения сравнительного анализа в разрезе «регион — страна», но и обнаружили ряд недостатков.

В качестве наиболее существенного замечания может быть назван выбранный период исследования, который вносит определенный субъективизм, а также влияет на репрезентативность статистических данных. Выявление параметров научно-технического потенциала, их сравнительный анализ целесообразно проводить на более длительном временном горизонте. Кроме того, может быть отмечена проблема полноты охвата показателей, характеризующих составляющие научно-технического потенциала. Ограниченное число анализируемых индикаторов в составе групп кадровой, научно-исследовательской, материально-технической и преобразующей составляющих научно-технического потенциала не позволяют в полной мере оценить качество и направленность протекающих инновационных и научно-технических процессов, выявить их объективное влияние на состояние как региональной экономики, так и международных рынков, в том числе в едином научно-технологическом и инновационном пространстве Балтийского региона. Это ведет к необходимости, несмотря на первоначальное элиминирование экспертных оценок и данных выборочных обследований из состава системы показателей, к их включению с целью достижения следующих обязательных условий: характерность, инвариантность, внутренняя и внешняя согласованность.

Во-первых, требуется расширить количественный и качественный состав индикаторов, чтобы исключить существенный разрыв по показателям научно-технологического развития, как это было выявлено в отношении преобразующей способности потенциала. Во-вторых, привести ряд показателей к унифицированному виду для использования только официальных источников статистики, а в отношении отдельных показателей включить экспертные оценки и результаты выборочных обследований на уровне исследуемых стран (регионов). В-третьих, результаты анализа оказываются малоинформативными в случае сравнения нескольких стран или регионов, поэтому применение методики требует увеличения охвата регионов и стран.

Исключение названных недостатков и поставленных задач — следующий этап исследования с целью развития методики сравнительного анализа научно-технологического потенциала в межрегиональных сопоставлениях. Предложенный методический подход может быть впоследствии усовершенствован для проведения кластеризации регионов по уровню инновационного развития, что послужит основой для разработки направлений инновационного и научно-технологического сотрудничества РФ и ЕС.

Список литературы

1. *Авдулов А. Н., Кулькин А. М.* Показатели научно-технического потенциала. Методы сравнительного анализа. URL: <http://sci.informika.ru/text/magaz/newpaper/messedu/cour0112/2700.htm> (дата обращения: 13.02.2012).
2. *Амосенок Э. П., Бажанов В. А.* Интегральная оценка инновационного потенциала регионов России // Регион: экономика и социология. 2006. №2. С. 134—145. URL: <http://elibrary.ru/download/29424874.pdf> (дата обращения: 12.03.2012).
3. *Бендиков М. А.* Методологические основы исследования механизма инновационного развития в современной экономике // Менеджмент в России и за рубежом. 2007. №2. С. 3—14.
4. *Большая советская энциклопедия* : в 30 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1969—1978. Т. 24, ч. 1.
5. *Будавей Ю. В.* Долгосрочные народнохозяйственные программы. М., 1980.
6. *Варшавский А. Е.* Проблемы и показатели развития инновационных систем // Инновационный путь развития для новой России / отв. ред. В. П. Горегляд. М., 2005. С. 201—204.
7. *Гунин В. Н., Баранчев В. Н., Устинов В. А. и др.* Управление инновациями: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». М., 2000.
8. *Данько М.* Инновационный потенциал в промышленности Украины // Экономист. 1999. №10. С. 26—32.
9. *Жиц Г. И.* Инновационный потенциал. Саратов : Изд-во СГТУ, 1999.
10. *Инновационный менеджмент* : справ. пособие / под ред. П. Н. Завлина, Л. К. Казанцева, Л. Э. Миндели. СПб., 1997.
11. *Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития* : монография / В. Г. Матвейкин, С. И. Дворецкий, Л. В. Минько [и др.]. М., 2007.
12. *Казанцев А. К., Леора С. Н., Никитина И. А. и др.* Региональные научно-технологические комплексы России: индикаторы оценки и методика сравнительного анализа. URL: http://77.108.127.29/inform/IAB/iab_2009_1.pdf (дата обращения: 24.04.2012).
13. *Кравченко С. И., Кладченко И. С.* Исследование сущности инновационного потенциала // Научные труды Донецкого национального технического университета. Сер. : экономическая. Вып. 68. Донецк, 2003. С. 88—96.
14. *Лисин Б., Фридлянов В.* Инновационный потенциал как фактор развития // Инновации. 2002. №7. С. 17—34.
15. *Макроэкономическая динамика северных регионов России* / под общ. ред. В. В. Фаузер. Сыктывкар, 2009.

16. *Монастырный Е. А.* Термины и определения в инновационной сфере // *Инновации*. 2008. №2. С. 28—31.
17. *Москвина О. С.* Инновационный потенциал как фактор устойчивого развития региона. URL: http://www.vssc.ac.ru/new_site/jou/30/art30_02.php (дата обращения: 23.09.2012).
18. *Научно-технический потенциал региона: оценка состояния и перспективы развития* : монография / К. А. Задумкин, И. А. Кондаков. Вологда, 2010.
19. *Научно-технический потенциал России и его использование* : монография / под общ. ред. В. И. Кушлина, А. М. Фоломьева. М., 2001. URL: http://www.rtt.ru/_files/fileslibrary/79.PDF (дата обращения: 13.02.2012).
20. *Национальная инновационная система и государственная инновационная политика Российской Федерации* // Базовый доклад к обзору ОЭСР национальной инновационной системы Российской Федерации. М., 2009. URL: <http://www.ifar.ru/library/book449.pdf> (дата обращения: 14.02.2012).
21. *Николаев А. И.* Инновационное развитие и инновационная культура // *Наука и наукознание*. 2001. №2. С. 54—65.
22. *Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
23. *Рынок*: Бизнес. Коммерция. Экономика: толковый терминологический словарь / сост. В. А. Калашников ; под общ. ред. А. П. Дашкова. 4-е изд., испр. и доп. М., 1998.
24. *Толковый словарь «Инновационная деятельность»: термины инновационного менеджмента и смежных областей (от А до Я)* / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва ; отв. ред. чл.-кор. Суслов В. И. 2-е изд., доп. Новосибирск, 2008.
25. *Уткин Э. А.* Инновационный менеджмент. М., 1996.
26. *Чугунов А. В.* Система индикаторов и мониторинг развития информационного общества и экономики знаний // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2006. №7. URL: http://www.gosbook.ru/system/files/documents/2011/05/24/analytical_material.pdf (дата обращения: 13.01.2012).
27. *Шляхто И. В.* Оценка инновационного потенциала региона // *Управление общественными и экономическими системами*. 2007. №1. URL: <http://umc.gu-unprk.ru/umc/arhiv/2007/1/Shlyyhto.pdf> (дата обращения: 11.01.2012).
28. *Штерцер Т. А.* Анализ взаимосвязи экономического роста и характеристик российской инновационной системы : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Ин-т экономики и организации пром. пр-ва СО РАН. Новосибирск, 2007. URL: <http://econom.nsc.ru/ieie/news/zashiti/avtoref/shtercer.pdf> (дата обращения: 10.01.2012).
29. *Экономический потенциал административных и производственных систем* : монография / под общ. ред. О. Ф. Балацкого. Сумы, 2006.
30. *Эксперт РА* Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов 2009—2010 гг.: новый потенциал. URL: http://www.auditinvest.ru/downloads/docs/v_reytinge_investicionnoy_privlekatelnosti_regoionov.pdf (дата обращения: 15.04.2012).
31. *Bruijn H., Voort H., Dicke W. et al.* *Creating System Innovation: How Large Scale Transitions Emerge*. N. Y., 2004.
32. *Fischer M., Fröhlich J.* *Knowledge, Complexity and Innovation Systems*. Berlin, 2001.
33. *Freeman C.* The 'National System of Innovation' in historical perspective // *Cambridge Journal of Economics*. 1995. №19. P. 5—24.
34. *Geels F.* *Technological Transitions and System Innovations: A Co-evolutionary and Socio-technical Analysis*. N. Y., 2005.

35. *Lundvall B.* National Systems of Innovation: Toward a Theory of Innovation and Interactive Learning. N. Y., 2010.

36. *Nauwelaers C., Wintjes R.* Innovation Policy in Europe: Measurement and Strategy. N. Y., 2008.

37. *Nelson R.* National Innovation Systems: a comparative analysis. Oxford University Press, 1993.

Об авторе

Волошенко Ксения Юрьевна, кандидат экономических наук, директор НОЦ «Социально-экономическое и инновационное развитие региона», Институт балтийских исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

THE METHODOLOGICAL BASES OF COMPARATIVE EVALUATION OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL POTENTIAL OF RUSSIAN AND THE EU: REGIONAL AND INTERNATIONAL ASPECTS

K. Yu. Voloshenko

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on August 12, 2012

This article analyses approaches to the definition of the categories of “scientific and technological potential” and “innovative potential” in view of their resource and structural, procedural and resultant components, and gives a more accurate definition of the scientific and technological potential through identifying its resource component and orientation towards transformation opportunities. On the basis of evaluation of existing methods of comparative analysis of territorial research and technological and innovative potential used in Russia and abroad, the author proposes a methodology for evaluating the scientific and technological potential in the context of regional and international comparisons. The integral index is calculated on the basis of a customised information and statistical database of normalised indicators through the identification and convolution of subindices characterising individual components of the potential. Subindices include specific indicators applied in different statistical systems, in particular, those used in Russia and the EU, which made it possible to compare the data.

The article presents the result of the application of a methodology based on a comparative evaluation of the scientific and technological potential of Russia (Northwestern Federal district) and EU states of the Baltic region. The experimental check suggests that the methodology be further improved for future clustering of Russian and EU regions according to the level of innovative development.

Key words: scientific and technological potential; comparative evaluation; human resources, infrastructural and research components; transformation opportunities, index method

References

1. Avdulov, A. N., Kulkin, A. M. *Pokazateli nauchno-tehnicheskogo potenciala. Metody sravnitel'nogo analiza* [Indicators of scientific and technological capacity. Methods of comparative analysis], available at: <http://sci.informika.ru/text/magaz/newspaper/messedu/cour0112/270.htm> (accessed 13 February 2012).
2. Amosenok, E. P., Bazhanov, V. A. 2006, Integral'naja ocenka innovacionnogo potenciala regionov Rossii [Integral assessment of innovation potential of Russian regions], *Region: ekonomika i sociologija* [Region: Economics and Sociology], no. 2, pp. 134—145], available at: <http://elibrary.ru/download/29424874.pdf> (accessed 12 March 2012).
3. Bendikov, M. A. 2007, Metodologicheskie osnovy issledovaniya mehanizma innovacionnogo razvitiya v sovremennoj ekonomike [Methodological foundations of research on the mechanism of innovation development in the modern economy], *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad], no. 2, pp. 3—14.
4. *Bol'shaja sovetskaja enciklopedija* [Great Soviet Encyclopedia]. 1969—1978, Vol. 24, P. I, Moscow, "Sovetskaja enciklopedija", 18240 p.
5. Budavey, Yu. V. 1980, *Dolgosrochnye narodnohozjajstvennye programmy* [Long-term economic programs], Moscow, Mysl, 207 p.
6. Varshavskij, A. E. 2005, Problemy i pokazateli razvitiya innovacionnyh sistem [Problems and indicators of innovation systems]. In: Goreglyad V. P. (ed.), *Innovacionnyj put' razvitiya dlja novej Rossii* [Innovative way of development for the new Russia], Moscow, Nauka, pp. 201—204.
7. Gunin, V. N., Barancheev, V. N., Ustinov, V. A. and all. 2000, *Upravlenie innovacijami: 17-modul'naja programma dlja menedzherov "Upravlenie razvitiem organizacii"* [Managing Innovation: 17-module program for managers to "Management of organization"], Moscow, INFRA-M, 272 p.
8. Dan'ko, M. 1999, *Innovacionnyj potencial v promyshlennosti Ukrainy* [Innovative capacity in the industry of Ukraine], *Economist*, no. 10, pp. 26—32.
9. Zhits, G. I. 1999, *Innovacionnyj potencial* [Innovative potential], Saratov, Saratovskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 132 p.
10. Zavlina, P. N., Kazantseva, L. K., Mindeli, L. E. (ed.), 1997, *Innovacionnyj menedzhment: sprav. posobie* [Innovation Management: ref. allowance], Saint Petersburg, Nauka, 560 p.
11. Matveykin, V. G., Dvoretckij, S. I., Min'ko, L. V., Tarov, V. P. Chainikova, L. N., Letunova, O. I. (ed.), 2007, *Innovacionnyj potencial: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya* [Innovation potential: current state and prospects of development], Moscow, "Izdatel'stvo Mashinostroenie-1", 284 p.
12. Kazantsev, A. K., Leora, S. N., Nikitina, I. A., Rubvalter, D. A., Firsova, S. A. *Regional'nye nauchno-tehnologičeskie komplekсы Rossii: indikatory ocenki i metodika sravnitel'nogo analiza* [Regional scientific and technological complex of Russia: evaluation indicators and methods of comparative analysis], available at: http://77.108.127.29/inform/IAB/iab_2009_1.pdf (accessed 24 April 2012).
13. Kravchenko, S. I., Kladchenko, I. S. 2003, Issledovanie suwnosti innovacionnogo potenciala [Innovation potential of research entities]. In: *Nauchnye trudy Doneckogo nacional'nogo tehničeskogo universiteta. Serija: ekonomičeskaja* [Scientific papers of Donetsk National Technical University. Series: Economic.], Vol. 68, Donetsk, Doneckij nacional'nyj tehničeskij universitet, pp. 88—96.

14. Lisin, B., Fridlyanov, V. 2002, Innovacionnyj potencial kak faktor razvitija [Innovative potential as a factor of development], *Innovacii* [Innovations], no. 7, pp. 17—34.
15. Fauzer, V. V. (ed.), 2009, *Makroekonomicheskaja dinamika severnyh regionov Rossii* [Macroeconomic Dynamics northern Russia], Syktyvkar, Komi nauchnyj centr Ural'skogo otdelenija RAN, 331 p.
16. Monastyrnij, Ye. A. 2008, Terminy i opredelenija v innovacionnoj sfere [The terms and definitions in innovation], *Innovacii* [Innovations], no. 2, pp. 28—31.
17. Moskvina, O. S. *Innovacionnyj potencial kak faktor ustojchivogo razvitija regiona* [Innovative potential as a factor of sustainable development in the region], available at: http://www.vscac.ru/newsite/jou/30/art30_02.php (accessed 23 September 2012).
18. Zadumkin, K. A., Kondakov, I. A. (ed.), 2010, *Nauchno-tehnicheskij potencial regiona: ocenka sostojanija i perspektivy razvitija* [Scientific and technical potential of the region: assessment and prospects], Vologda, ISJeRT RAN, 205 p.
19. Kushlina, V. I., Folomeva, A. M. 2001, *Nauchno-tehnicheskij potencial Rossii i ego ispol'zovanie* [Scientific and technical potential of Russia and its use], available at: http://www.rttm.ru/_files/fileslibrary/79.PDF (accessed 13 February 2012).
20. Nacional'naja innovacionnaja sistema i gosudarstvennaja innovacionnaja politika Rossijskoj Federacii. Bazovyj doklad k obzoru OJeSR nacional'noj innovacionnoj sistemy Rossijskoj Federacii Moskva [National innovation system and state innovation policy of the Russian Federation. Baseline Report for the OECD review of the national innovation system of the Russian Federation, Moscow], 2009, available at: <http://www.ifap.ru/library/book449.pdf> (accessed 14 February 2012).
21. Nikolaev, A. I. 2001, Innovacionnoe razvitie i innovacionnaja kul'tura [Innovative development and innovation culture], *Nauka i naukoznanie* [Science and naukoznanie], no. 2, pp. 54—65.
22. Raizberg, B. A., Lozovskij, L. Sh., Starodubtseva, Ye. B. 2007, *Sovremennyj jekonomicheskij slovar'* [Modern Dictionary of Economics], Moscow, INFRA-M, 495 p.
23. Dashkova, A. P. (ed.), Kalashnikov, V. A. (comp.), 1998, *Rynok: Biznes. Kommercija. Jekonomika: tolkovyj terminologicheskij slovar'* [Market: Business. Commerce. Economy: definitions and terminology], Moscow, Marketing, 231 p.
24. Suslov, V. I. (ed.), 2008, *Tolkovyj slovar' "Innovacionnaja dejatel'nost'": terminy innovacionnogo menedzhmenta i smezhnyh oblastej (ot A do Ja)* [Dictionary "Innovation": The terms of innovation management and related areas (A to Z)], Novosibirsk, Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo, 223 p.
25. Utkin, E. A., 1996, *Innovacionnyj menedzhment* [Innovation management], Moscow, AKALIS, 207 c.
26. Chugunov, A. V. 2006, Sistema indikatorov i monitoring razvitija informacionnogo obvestva i jekonomiki znanij [The system of indicators and monitoring of the development of the information society and knowledge economy], *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika* [International Organisations Research Journal], no. 7, available at: http://www.gosbook.ru/system/files/documents/2011/05/24/analytical_material.pdf (accessed 13 January 2012).
27. Shlyakhto, I. V. 2007, *Ocenka innovacionnogo potenciala regiona, Upravlenie obvestvennymi i jekonomicheskimi sistemami* [Estimation of the innovation potential of the region, the Office of Social and economic systems], no. 1, available at: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2007/1/Shlyakhto.pdf> (accessed 11 January 2012).
28. Shtertser, T. A. 2007, *Analiz vzaimosvjazi jekonomicheskogo rosta i harakteristik rossijskoj innovacionnoj sistemy: avtoreferat dis. ... kandidata jekonomicheskikh nauk: 08.00.05* [Analysis of the relationship between economic growth and the

characteristics of the Russian innovation system: summary of dis... candidate of economic sciences: 08.00.05], Novosibirsk, Institut jekonomiki i organizacii promyshlennogo proizvodstva SO RAN, 16 p., available at: <http://econom.nsc.ru/ieie/news/zashiti/avtoref/shtercer.pdf> (accessed 10 January 2012).

29. Balatsky, O.F. (ed.), 2006, *Jekonomicheskij potencial administrativnyh i proizvodstvennyh sistem* [The economic potential of the administrative and production systems], Sumi, ITD "Universitetskaja kniga", 973 p.

30. *The rating agency "Expert RA" (In Russ.)*, Rejting investicionnoj privlekatel'nosti regionov 2009—2010 gg.: novyj potencial [Rating of investment attractiveness of regions 2009—2010: A new potential], available at: http://www.auditinvest.ru/downloads/docs/v_reytinge_investicionnoy_privlekatel'nosti_regoionov.pdf (accessed 15 April 2012).

31. Bruijn, H., Voort, H., Dicke, W., Jong, M., Veeneman, W. 2004, *Creating System Innovation: How Large Scale Transitions Emerge*, N. Y., Taylor & Francis.

32. Fischer, M., Fröhlich, J. 2001, *Knowledge, Complexity and Innovation Systems*, Berlin, Springer.

33. Freeman, C. 1995, The 'National System of Innovation' in historical perspective, *Cambridge Journal of Economics*, no. 19, pp. 5—24.

34. Geels, F. 2005, *Technological Transitions and System Innovations: A Co-evolutionary and Socio-technical Analysis*, N. Y., Edward Elgar Publishing.

35. Geels, F. 2005, *Technological Transitions and System Innovations: A Co-evolutionary and Socio-technical Analysis*, N. Y., Edward Elgar Publishing.

36. Lundvall, B. 2010, *National Systems of Innovation: Toward a Theory of Innovation and Interactive Learning*, N. Y., Anthem Press.

37. Nauwelaers, C., Wintjes, R. 2005, *Innovation Policy in Europe: Measurement and Strategy*, N. Y., Edward Elgar Publishing.

38. Nelson, R. 1993, *National Innovation Systems: a comparative analysis*, Oxford University Press.

About author

Dr Ksenya Yu. Voloshenko, director of the Socioeconomic and Innovative Development of the Region research and education centre, Institute for Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

УДК 332.146, 334.021

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВ
А
В ФОРМИРОВАНИИ
НОВЫХ РЫНКОВ
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ
ПРОДУКЦИИ
В РЕГИОНЕ
БАЛТИЙСКОГО МОРЯ**

**Е. С. Фидря
Р. С. Левина***

Дается аналитический обзор перспектив формирования новых рынков высокотехнологичной продукции в регионе Балтийского моря при участии малого и среднего бизнеса. Учитывая существенные характеристики предпринимательства, его перспективы в развитии и внедрении инноваций довольно привлекательны, однако в текущем экономическом контексте для осуществления роста требуются специальные меры. Авторы рассматривают меры, предпринимаемые Европейским союзом и отдельными странами для стимулирования участия малого и среднего бизнеса в развитии НИОКР и инноваций, приводят условия, необходимые для реализации инновационного потенциала, отмечают основные отрасли, которые могут стать двигателями инновационной экономики в Европе, а также приводят по-страновый перечень основных рынков, которые в ближайшей перспективе могут быть сформированы и развиты малыми и средними предприятиями. В структуре самого региона Балтийского моря выделяются «северные страны» — Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия — являющиеся основными инноваторами, а также группа юго-восточных регионов, играющих роль потребителей инноваций. Наиболее позитивные ожидания связываются с секторами информационно-коммуникационных технологий и биотехнологий, вокруг которых предположительно и будут образовываться основные кластеры малых и средних предприятий.

Ключевые слова: малые и средние предприятия, новые рынки, высокотехнологичная продукция, регион Балтийского моря

Малому и среднему бизнесу отводится значительная роль в формировании новых рынков и развитии инновационного потенциала как в регионе

---

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 21.09.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-3

© Фидря Е. С., Левина Р. С., 2012

Балтийского моря, так и в Евросоюзе в целом. Европейская комиссия отмечает, что 99 % всех европейских предприятий — это малый и средний бизнес. Около 85 % всех новых рабочих мест в Евросоюзе в период с 2002 по 2010 г. были созданы именно малыми и средними предприятиями [1]. Кроме того, малый бизнес отличается повышенной способностью к быстрой адаптации и освоению новых рыночных возможностей, привнося инновационные идеи на рынки.

Но совершенно очевидно, что реальная ситуация, в которой планируется осуществлять это развитие, довольно сложная. Говоря о формировании новых рынков стран региона Балтийского моря, прежде всего следует описать общий социально-экономический контекст, в котором функционируют эти рынки. Нужно отметить, что в настоящий момент его нельзя назвать благоприятным. Так, экспертно-консалтинговое агентство «АТ Kearney» отмечает, что индустрия высоких технологий в Европе переживает спад во всех ключевых сегментах. Даже информационно-коммуникационная отрасль, обычно выступающая «локомотивом» инновационного сегмента, сегодня находится в кризисе — всего 10 % от общего объема продаж ста крупнейших ИТ-компаний приходится на долю европейских фирм. Ведущие роли на этом рынке в настоящий момент играют американские компании, инновационный потенциал которых находится на более высоком уровне, а также азиатские фирмы, пользующиеся выгодами производственных зон с низкими издержками. Рабочие места в высокотехнологичных отраслях в такой ситуации также «перетекают» в неевропейские страны.

Каким же образом будет реализовано участие малого и среднего бизнеса в «выведении» инновационных технологий и научных разработок на рынок? Какие формы и модели применяются для достижения этой задачи? Каковы основные условия реализации инновационного потенциала региона Балтийского моря и в каких секторах мы можем ожидать формирование новых рынков в ближайшее время? Существует ли страновая специфика и как она повлияет на процесс создания новых рынков высокотехнологичной продукции в странах региона Балтийского моря? На эти вопросы мы попытаемся ответить в рамках данной работы.

Согласно программам развития НИОКР и инноваций ЕС, в рамках развития европейских рынков высоких технологий участие малого и среднего бизнеса принимает следующие формы:

- участие малых и средних предприятий в совместных НИОКР или инновационных проектах;
- специальный инструмент для поддержки предпринимательства (ассигнования из статей, направленных на адаптацию к новым социальным вызовам, а также программ Лидерства в промышленных технологиях (Industrial Technology Leadership Programme));
- поддержка инноваций в стартапах, спин-оффах (новых фирмах, отделившихся от крупных материнских компаний) и молодых компаниях (Eurostars и другие меры);

— обеспечение доступа к финансированию рисков (долговые и другие финансовые льготы);

— обеспечение научного обмена и мобильности исследователей, вовлеченных в деятельность малого и среднего бизнеса (программа «Марии Кюри» — «Marie Curie programme»);

— информирование и осуществление посредничества в поиске источников финансирования.

Обеспечение этих мер приводит к увеличению инновационной и наукоемкой составляющей в деятельности малых и средних предприятий, расширяет возможности доступа к международным сетям, новым рынкам и клиентам, квалифицированному персоналу, повышает репутацию и признание предприятий на европейском уровне.

На данный момент основные ожидания в развитии участия малого и среднего бизнеса в инновационной деятельности связываются со следующей трехфазной моделью:

1. Оценка концепции и достижимости результатов (бизнес-план, выполнимость поставленных задач, оценка рисков, поиск партнеров, проектные расчеты, область применения, бизнес-план II). На этом этапе выделяется однократное финансирование в объеме 50 тыс. евро на 6 месяцев.

2. НИОКР, демонстрация, изготовление промышленного образца (разработка, прототипирование, тестирование; апробация инновационных процессов, продуктов и сервисов, изготовление модели/пилотного образца, планирование и рыночное масштабирование (определение рыночного сегмента, объема рынка, процессов и т. п.); рыночное тиражирование; бизнес-план III). На данном этапе возмещаются издержки предприятия Еврокомиссией в объеме 1—3 млн евро, этап длится от одного до двух лет.

3. Коммерциализация (присвоение знака качества успешным проектам; содействие в получении доступа к частному финансированию; поддержка через включение в сети, обучение, информирование, распространение знания; обеспечение доступа к финансовым инструментам ЕС). На этом этапе прямое финансирование не осуществляется.

Надо отметить, что формирование новых рынков не является приоритетным направлением приложения усилий региональных стейкхолдеров. Опрос, проведенный компанией Technopolis и представленный в информационной системе ERAWATCH, показывает, что такую меру, как «поддержка создания новых рынков», не назвал ни один из опрошенных экспертов [2, р. 34].

Общемировые объемы продаж в секторах ИТ-услуг, ИТ-оборудования, персональных компьютеров и ноутбуков, программного обеспечения, телекоммуникационного оборудования, телефонов, бытовой электроники, полупроводников и электронных комплектующих составили в 2011 г. 2,8 трлн дол. США, из которых наибольшую долю (815 млрд) обеспечил ведущий сектор — ИТ-услуги; за ним следовали секторы

бытовой электроники (378 млрд дол.), полупроводников (317 млрд дол.) и программного обеспечения (297 млрд дол.). Европейский рынок ИТ-технологий значительно потерял в объемах мировых продаж по сравнению с азиатским и североамериканским (доля продаж европейских ИТ-компаний на мировом рынке составляет всего 24%, а из всего объема ИТ-продукции, реализуемой европейскими компаниями, 45% ограничиваются внутренним рынком) [3].

Таким образом, на глобальном рынке высоких технологий Европа теряет свои позиции, хотя это никоим образом не говорит о макроэкономической незначительности европейского высокотехнологического сектора — автомобильная, механическая и инженерная промышленность по-прежнему сильно зависят от европейских инновационных секторов. Кроме того, указанный кризис вполне преодолим. Основные ожидания эксперты связывают с принятием совместной европейской стратегии в отношении высокотехнологических отраслей, которая заостряет внимание на сегментах, привлекательных в долгосрочной перспективе, а также на новых высокотехнологических секторах, и направлена на улучшение координации в области европейских инвестиций и максимизацию эффективного использования сильных сторон высокотехнологических кластеров. Что касается мер, принимаемых исключительно на национальном уровне, они признаются недостаточными.

Хотя в секторе бытовой электроники Европа вряд ли сможет конкурировать с азиатскими компаниями, ее перспективы на рынке высоких технологий выглядят по-прежнему привлекательно. Тем не менее эксперты называют ряд ключевых условий для реализации европейским высокотехнологическим сектором своего потенциала на мировом уровне:

1. **Концентрация на развитии рынков в секторе B2B (услуги бизнеса бизнесу).** Сильные стороны европейского рынка могут быть оптимально раскрыты скорее в комплексных B2B-секторах, чем в секторе «бизнес для потребителя» (B2C). Европа может обнаружить скрытый потенциал в комплексных программных решениях, встроенных системах (компьютерных системах, работающих совместно с другим оборудованием, либо обслуживающих его, и размещаемых с ним либо в одном конструктиве, либо внутри данного оборудования) или интеллектуальных сетях. Особенно перспективными выглядят усилия, прилагаемые в применении информационных и коммуникационных технологий для разработки уникальных торговых предложений для промышленного применения (например, автомобильной отрасли или машиностроения).

2. **Всеобщая эффективность и объединенные инновационные кластеры.** Чтобы избежать распыления ограниченных финансовых ресурсов, что снижает их эффект, необходимо сформировать общеевропейские кластеры, которые связывают индивидуальные предприятия в цепочки добавления стоимости. Подобное сотрудничество позволит отдельным компаниям улучшать свою производительность, а также по-

вышать эффективность и инновационный потенциал европейской индустрии высоких технологий в целом. Хорошим примером подобного сотрудничества являются EADS (Европейский аэрокосмический и оборонный концерн) и авиастроительная корпорация «Airbus».

3. **Долгосрочное финансирование и обучение желающих организовать высокотехнологичные «стартапы».** Одной из ведущих целей европейских правительств и институтов Евросоюза должно стать обеспечение высокотехнологичных «стартапов» достаточным финансированием — например, путем развития предоставления венчурного капитала на длительный срок и повышения привлекательности инвестиций в «стартапы». Поддержка, впрочем, не должна ограничиваться разовой помощью на начальном этапе, а включать также финансирование роста и глобализации компаний, чтобы они могли достичь критической массы.

4. **Техническое образование и иммиграция квалифицированного персонала.** Образовательная система должна обеспечивать рост числа квалифицированных выпускников в так называемых дисциплинах MINT (математика, информатика, естественные науки, технология). Страны Северной Европы, например, уже увеличили число технических университетов и предлагают технические курсы даже в начальной школе. Чтобы восполнить недостаток специалистов в Западной Европе, правительствам нужно также обеспечить стратегический найм квалифицированных профессионалов из неевропейских стран.

5. **Обеспечение поставок важного сырья.** Будущий рост высокотехнологичных отраслей также зависит от доступности необходимого сырья. Европейским правительствам следует заключить дополнительные торговые соглашения, в особенности с Китаем, а также другими сырьевыми источниками (Монголией, Гренландией, Австралией) для обеспечения надежных поставок редкоземельных металлов. Более того, для победы в мировой «гонке» за ценными металлами необходимо широко наладить изъятие таких металлов из отжившей свой срок электронной техники. Германия, надо отметить, уже лидирует во всех упомянутых выше направлениях.

В этих условиях некоторые из государств региона Балтийского моря прилагают значительные усилия для создания новых рынков в сфере высоких технологий.

В частности, страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония) делают шаги в направлении совместного создания кластера инновационных предприятий в сфере биотехнологий и наук о жизни. Отметим, что для развития этого направления использовались наработки Объединенного научно-исследовательского института прикладной энзимологии, существующего в Литве с советских времен, а также государственная поддержка, благодаря которой были созданы ряд фармацевтических предприятий. В настоящее время балтийские высокотехнологичные компании, работающие в фармацевтике и медицине (ведущих секторах биотехнологий), сотрудничают с голландскими, американскими, израильскими, российскими и польскими партнерами, выходят на новые рынки [5].

Следует ожидать развития рынка компьютерных технологий в Польше, связанного с усилением присутствия в этой стране IBM, открывающей новые отделения не только в Варшаве и Катовице, но также в Кракове и Познани. Интерес IBM вызван не только растущим польским внутренним рынком, но и теми возможностями, которые открывает расширенное присутствие в Восточной Европе в целом. Работки IBM востребованы в государственном и частном секторе Польши, послужат муниципалитету Кракова, Научно-технологическому университету, управлению муниципальной инфраструктуры и транспорта для создания интеллектуальной системы переработки отходов, комплекса регулирования дорожного движения, развития «облачных» компьютерных технологий, подготовки студентов в области информационных и компьютерных технологий [4].

Для малых и средних предприятий перспективными считаются рынки микро- и нанооптики, информационных технологий и медиа-, биотехнологий.

В целом в Европе основным драйвером роста высокотехнологичного сектора станет, как обычно, индустрия информационных и коммуникационных технологий. Ожидается интенсивный рост рынков, связанных с применением информационных и коммуникационных технологий в промышленности (электронный бизнес и электронная торговля), государственном управлении (электронное правительство), здравоохранении, транспорте и частной жизни.

В частности, ожидается рост следующих секторов:

1. **Интеллектуальные продукты:** разработка следующего поколения мобильных, встроенных и радиоэлементов для интернет-коммуникаций между объектами повседневной жизни и их средой. Разработка подобных технологий внесет большой вклад в развитие «Интернета вещей».

2. **Виртуальная и дополненная реальность:** разработка эффективных технологий в контексте виртуальной и дополненной реальности. Эти технологии найдут применение в разработке и производстве машин и механизмов, в сфере услуг, образования и обучения.

3. **Интернет-услуги:** развитие инфраструктуры знаний на основе сети Интернет, что дает возможность пользователям сети получить доступ к глобальному знанию и сделает стремительно растущий объем информации в различных областях доступным всем.

4. **Передача данных:** с установлением общеевропейских базовых технических стандартов вырастет объем передачи данных, а с ним и спрос на технологии, обеспечивающие передачу информации с более высокой скоростью и эффективностью.

5. **Экономия ресурсов в процессе производства:** растущее число промышленных кластеров, университетов, научно-исследовательских институтов и инвесторов объединяют усилия для развития применения биотехнологий с целью экономии ресурсов в промышленном производстве, в частности в химической и фармацевтической отраслях.

Основное внимание уделяется сфере телекоммуникаций и информационных технологий. Ожидается, что и в перспективе развитие будет зависеть, прежде всего, от технологических инноваций, а наиболее мощным «локомотивом» для развития и внедрения технологий по-прежнему останется информационная и коммуникационная сфера.

Формирование новых рынков в странах региона Балтийского моря, вероятнее всего, можно ожидать в следующих секторах [2, р. 17—24]:

1. **Эстония:** информационные и коммуникационные технологии, биотехнологии, материаловедение. При этом Эстония уже обладает предпосылками в виде развитых отраслей транспорта и логистики, энергетики, строительства, телекоммуникаций, пищевой промышленности и услуг бизнесу (B2B).

2. **Финляндия:** информационные и коммуникационные технологии, бизнес-услуги, инновационные услуги, здравоохранение и здоровый образ жизни, технологии защиты окружающей среды, оптические и сенсорные технологии, измерительная техника, биотехнологии и медицинские технологии, оптоэлектроника и лазерные технологии, автоматика, машиностроение, нанотехнологии и материаловедение.

3. **Дания:** переработка, возобновляемая энергия (ветряная, солнечная энергетика, биомасса, гидроэнергетика, биотопливо), информационные технологии, экологически чистый транспорт, науки о жизни и биотехнологии, робототехника.

4. **Латвия:** энергетика и окружающая среда, инновационные материалы и технологии, здравоохранение.

5. **Литва:** биотехнологические экосистемы, биомедицинские технологии, лазерные технологии и материаловедение, химия и механотроника, сельское и морское хозяйство.

6. **Германия:** здравоохранение, биомедицина, плазменные технологии.

7. **Швеция:** техническая химия, технологии биоочистки, волоконно-оптические технологии, металлообработка, электроника, информационные и коммуникационные технологии, биотехнологии, креативные индустрии, электронное здравоохранение.

8. **Польша:** информационные и коммуникационные технологии, экологически чистая энергетика, химическая промышленность.

Таким образом, регион Балтийского моря не является однородной инновационной системой как в экономических, демографических, так и в социальных и институциональных терминах, что накладывает свой отпечаток и на процесс образования новых секторов и рынков. Обобщая, можно сделать следующие выводы относительно потенциала формирования новых рынков в странах региона Балтийского моря.

1. Хотя регионы «юго-восточного побережья» региона Балтийского моря значительно слабее в плане технологических инновационных мощностей и потенциала, они могут быть обозначены как «регионы потребления знаний» в том смысле, что приоритетным для них является повышение продуктивности бизнес-сектора через «встраивание инно-

ваций» (приобретение оборудования и механизмов, переобучения и т. п.). Однако возникающие в немецких и польских регионах, а также странах Балтии кластеры образуют некий базис, вокруг которого может строиться политика инновационной специализации и образовываться соответствующие рыночные секторы.

2. Значительная доля текущей активности в бизнес-секторе связана с естественной специализацией традиционных производств, выступающих одновременно и основными работодателями, и развитием данных секторов, среди основных приоритетов которых не всегда числится инновационное развитие. В число таких отраслей входит деревообработка, целлюлозно-бумажное производство, добыча полезных ископаемых и металлообработка, а также пищевая промышленность. Эти секторы должны быть приняты во внимание при разработке инновационной политики и определении приоритетов размещения инвестиций в инновационную инфраструктуру, поскольку инновационное развитие этих отраслей может оказать огромное влияние на формирование и развитие рынков высокотехнологичной продукции. Внимания также заслуживают транспортная отрасль (особенно морской транспорт), сфера финансовых и бизнес-услуг.

3. В целом все страны региона Балтийского моря наиболее активно специализируются в информационно-коммуникационных технологиях и биотехнологиях, что, с одной стороны, дает основания полагать, что основные рыночные секторы продолжают формироваться и развиваться именно в этих сегментах, а с другой — открывает широкие возможности научно-технологического сотрудничества в регионе и развитие его потенциала на мировом уровне.

Список литературы и источников

1. *Daly M.* SMEs in HORIZON 2020 and support under WP2013 // Unit "Communication" DG Research and Innovation EU Commission report, 2012.
2. *Innovation in the Baltic Sea* // Final Report to the European Commission, Directorate-General Regional Policy region. Technopolis group, 2011.
3. *European High-Tech Industry Becomes Increasingly Marginalized.* URL: http://www.atkearney.com/news-media/news-releases/news-release/-/asset_publisher/00OIL7Jc67KL/content/id/646522 (дата обращения: 25.09.2012).
4. *IBM Continues Business Expansion in Poland with New Branches in Krakow and Poznan.* URL: <http://www.equities.com/news/headline-story?dt=2012-09-12&val=471211&cat=tech> (дата обращения: 25.09.2012).
5. *Jegelevicius L.* Bio-tech Baltics bridge connections and bring first-ever Nobel Prize winner a step closer // *The Baltic Times*. 2012. Sept. 19. URL: <http://www.baltictimes.com/news/articles/31877/> (дата обращения: 25.09.2012).
6. *The European Union Strategy for the Baltic Sea Region. Background and Analysis.* Luxembourg, Office for Official Publications of the European Union, 2010. DOI: 10.2776/18241.
7. *Schwab K.* (ed.) *Global Competitiveness Report 2010—2011.* Geneva: World Economic Forum, 2011.

Об авторах

Фидря Ефим Сергеевич, кандидат социологических наук, заместитель директора НОЦ «Социально-экономическое и инновационное развитие региона», Институт балтийских исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: EFidrya@kantiana.ru

Левина Роза Салиховна, доктор экономических наук, старший научный сотрудник НОЦ «Социально-экономическое и инновационное развитие региона», Институт балтийских исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: RLevina@kantiana.ru

THE PROSPECTS OF ENTREPRENEURSHIP IN THE FORMATION OF NEW HI-TECH MARKETS IN THE BALTIC SEA REGION

Ye. S. Fidrya, R. S. Levina

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on September 21, 2012

This article offers an analytical review of the prospects for the formation of new hi-tech markets in the Baltic Sea region with the participation of small and medium businesses. In view of the essential features of entrepreneurship, its prospects in the development and implementation of innovations seem to be quite attractive, however, in the current economic context, growth requires special measures. The authors consider the measures taken by the European Union and individual countries in order to strengthen the participation of small and medium business in R&D and innovations, describe the conditions necessary for unlocking the innovative potential, identify new industries that might become the driver of innovative economy in Europe, and offer a country-specific list of basic markets, which can be developed by small and medium enterprises in a short-term perspective. In the structure of the Baltic Sea region a special position is held by the Nordic countries — Sweden, Norway, Denmark, and Finland — major regional innovators, as well as a group of South-eastern regions that serve as innovation consumers. Best hopes rest with the sectors of information and communications technologies and biotechnologies, which are expected to become the centre of major clusters of small and medium enterprises.

Key words: small and medium businesses, new markets, hi-tech products, Baltic Sea region

References

1. Daly, M. 2012, SMEs in HORIZON 2020 and support under WP2013. In: *Unit "Communication" DG Research and Innovation EU Commission report*.
2. Innovation in the Baltic Sea, 2011. In: *Final Report to the European Commission, Directorate-General Regional Policy region. Technopolis group*.
3. European High-Tech Industry Becomes Increasingly Marginalized, 2012, 24 September, available at: http://www.atkearney.com/news-media/news-releases/news-release/-/asset_publisher/00OIL7Jc67KL/content/id/646522 (accessed 25 September 2012).
4. IBM Continues Business Expansion in Poland with New Branches in Krakow and Poznan, 2012, 12 September, available at: <http://www.equities.com/news/headline-story?dt=2012-09-12&val=471211&cat=tech> (accessed 25 September 2012).
5. Jegelevicius, L. 2012, Bio-tech Baltics bridge connections and bring first-ever Nobel Prize winner a step closer, *The Baltic Times*, 19 September, available at: <http://www.baltictimes.com/news/articles/31877/> (accessed 25 September 2012).
6. *The European Union Strategy for the Baltic Sea Region. Background and Analysis*, 2010, Luxembourg, Office for Official Publications of the European Union. doi: 10.2776/18241.
7. Schwab, K. and all (ed.), 2011, *Global Competitiveness Report 2010—2011*, Geneva, World Economic Forum.

About authors

Dr Yefim S. Fidrya, Deputy Director of the Socioeconomic and Innovative Regional Development research and education centre, Baltic Studies Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: EFidrya@kantiana.ru

Prof. Roza S. Levina, Senior Research Fellow, Socioeconomic and Innovative Regional Development research and education centre, Baltic Studies Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: RLevina@kantiana.ru

УДК 316.4+316.422

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В. В. Кривошеев*

В основе представленного анализа лежит институциональная модель исследования социальных процессов. В силу этого представление о возможной модернизации российского общества строится на рассмотрении ситуации в сфере экономики, управления, науки. На основе вторичного анализа статистических данных, исследований отечественных и зарубежных социологов раскрываются основные концептуальные положения, касающиеся идеи модернизации российского общества. В частности, говорится о критике модернизационного проекта со стороны сил, позиционирующих себя в качестве консервативных. При этом фиксируются немалые проблемы, стоящие на пути модернизации российского социума, коренящиеся как в объективных условиях развертывания этого процесса, так и в субъективном факторе. Показывается, как возникла и развивалась сама идея модернизации России. Предложенная статья представляется актуальной, поскольку раскрывает особенности перехода российского общества в новое качество, отражающее существо глобальных инновационных процессов.

Ключевые слова: инновация, модернизация, социальная безопасность, история концепции модернизации

Инновационный подход к дальнейшему развитию российского общества, достаточно настойчиво и последовательно пропагандируемый высшим политическим руководством страны последнее десятилетие, в сущности своей отражает глубинные потребности транзитарного социума, не является в силу этого субъективным желанием или чьей-то склонностью оперировать актуальными категориями. Дело в том, что негативные социальные, экономические и иные процессы, происходившие в об-

---

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 17.10.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-4

© Кривошеев В. В., 2012

ществе в конце 1980-х — 1990-е гг., во многом, как показывают статистические данные, экспертные оценки, социологические исследования, пролонгированы и далее, в 2000-е и теперь уже в 2010-е гг. И эти процессы не оставляют достаточно широкого маневра системы управления для возвращения стране положения сколь-нибудь заметной индустриальной и научной державы. Все это, казалось бы, делает осуществление модернизации достаточно проблематичным.

Но прежде чем говорить об истории возникновения идеи осовременивания российского общества, развить положения о возможных механизмах и социальных технологиях перевода России на рельсы устойчивого развития по постиндустриальному сценарию, фиксировать возможные угрозы и риски на этом пути, представляется целесообразным более детально остановиться на реальной ситуации, которая сложилась в экономике, в частности в сфере инвестиций, в обществе в целом к началу 2000-х гг. да и к настоящему времени.

В результате крайнего снижения управляемости всеми сферами жизнедеятельности страны в конце 1980-х гг. и в ходе так называемых реформ 1990-х гг. российская экономика пережила беспрецедентный для мирного времени спад. По самым скромным оценкам, показатель ВВП упал к 1998 г. (низшая точка падения за период с 1990 г.) более чем на 40 %, а промышленное производство — более чем на 50 %. Хуже всего обстояло дело с динамикой инвестиций. Объем инвестиций в основной капитал сократился в 1998 г. почти в 5 раз (21 % от уровня 1989 г.). Даже в предкризисном 2008 г., после, казалось бы, относительно успешных предшествующих лет, их объем составил только 60 % от уровня далеко не лучшего 1989 г. Несмотря на то что в 2007 г. реальный ВВП впервые превзошел по своему объему уровень 1990 г., по отношению к промышленному производству такого восстановления не произошло. Более того, по многим позициям промышленной номенклатуры спад продолжался и в более благополучные 2000-е гг. [1, с. 34]. Известно, что в середине 1980-х гг. национальный доход СССР составлял к уровню США 66 %, а выпуск промышленной продукции достигал более 80 % [2, с. 13]. И если в ту пору производительность труда в промышленности составляла в стране более 55 % к уровню США [2, с. 13], то в конце 1990-х гг. — лишь 20—24 % [3]. В конце 1990-х гг. наша страна все в большей мере принимала черты слаборазвитой, воспроизводящей либо раннеиндустриальные, либо даже архаичные формы социальной и экономической жизни: вывоз необработанного сырья, кустарничество, извоз, мелкая розничная торговля. Если, например, доля СССР в мировом ВВП в 1985 г. была 4 %, что соответствовало 6-му месту в мире в иерархии стран, то в 1995 г. доля России была около 2 % (11-е место). К концу 1990-х гг. по этому показателю наша страна вошла лишь в третий десяток государств [4, с. 26].

Пореформенная Россия практически перестала экспортировать промышленную продукцию и вывозит лишь сырье и продукты его первичного передела. В 1985 г. из СССР на экспорт отгружалось 20 % произведенных легковых автомобилей, 28,2 % часов и 39,4 % фотоаппаратов,

но зато лишь 5 % угля, 5,55 % круглого леса, 10,7 % газа и 19,7 % нефти. В 2009 г. экспорт из России в «дальнее зарубежье» готовых товаров составил лишь 4,7%, тогда как круглого леса — 23,8%, газа — 28,8%, угля — 35,2%, нефти — 66,4% [1, с. 34]. По данным Всемирного банка, если в 2001 г. на долю нефти и газа приходилось менее половины российского экспорта, то в 2010 г. эта доля составила две трети, причем еще 15% приходилось на экспорт других ископаемых ресурсов. Доля высокотехнологичной продукции составила лишь 9%, и это был в основном экспорт вооружений и другой военной техники [5].

Теперь посмотрим, что происходило с технологическим обновлением производства и состоянием научных исследований, в первую очередь прикладных. По оценке Института экономических исследований (ФРГ), к примеру, на которую ссылается академик Н. Я. Петраков, в конце 1990-х гг. в нашей стране 40% машин и оборудования было полностью физически (!) изношено [6]. Доля оборудования со сроком эксплуатации до 5 лет, по данным официальной статистики, сократилась с 29% в 1990 г. до 4,5% в 1998-м [3]. Можно с полным основанием констатировать, что потрясающая открытость внутреннего российского рынка продукции IBM, других подобных компаний, по сути, полностью уничтожила отечественную электронную промышленность.

Не в лучшем положении находились да и находятся и другие отрасли и подотрасли экономики, определяющие уровень технического и технологического прогресса, занимающиеся инновационной деятельностью, разработкой и внедрением IT-технологий. Инвестиции в фундаментальную, прикладную науку, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) осуществляются на уровне, который не в состоянии обеспечить даже простого воспроизводства научных школ, отдельных направлений, подготовки кадров, реализации целевых программ и больших исследовательских задач и т. п., словом, не дает возможности обеспечить научную преемственность, эволюционную смену поколений ученых, конструкторов, разработчиков.

Опыт развитых стран, как полагают многие специалисты, показывает, что доля от ВВП государственных ассигнований на науку никак не может быть ниже 2%. Если доля снижается до 1,5%, то это означает медленное угасание фундаментальной науки в стране, т. е. основы основ и науки в целом и системы воспроизводства научных кадров. В Израиле этот показатель в середине 1990-х гг. был 3,5%, в Японии — 3,05%; в США — 2,75%; в России — 0,32% [7, с. 178]. Не случайно на рынке наукоемкой продукции гражданского назначения доля российских изделий составляет менее 1%, тогда как продукции США — 36%, Японии — 30% [3].

Сейчас, правда, руководство страны намерено более основательно поддерживать научные исследования, науку в целом. В соответствии с указом Президента «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» правительство обязано «обеспечить достижение следующих показателей в области науки: увеличение к 2018 г. общего объема финансирования государственных научных фон-

дов до 25 млрд рублей; увеличение к 2015 г. внутренних затрат на исследования и разработки до 1,77 процента внутреннего валового продукта с увеличением доли образовательных учреждений высшего профессионального образования в таких затратах до 11,4 процента» [8]. Нетрудно заметить, что относительно 1990-х гг., действительно, планируется весьма существенно поднять долю ВВП, направляемую на науку. В то же время даже такой рост не очень поднимет фундаментальные и прикладные исследования с нижнего предела выживаемости науки, воспроизводства научных кадров высшей квалификации.

Теперь посмотрим, что происходит с человеческим капиталом в стране, без высокой степени развития которого, естественно, не приходится говорить об успехе модернизационного проекта. Так вот, Россия заняла 66-е место в рейтинге человеческого развития, опубликованном ООН. Таким образом, за год страна, занимавшая в 2010 г. 65-е место, опустилась на одну строчку, хотя абсолютный показатель — индекс развития человеческого потенциала — поднялся с 0,719 до 0,755. В 2011 г. Россия расположилась между Беларусью и Гренадой. Выше нее оказались такие страны, как Ливия и Куба. Первое место в рейтинге, как и два года подряд до этого, заняла Норвегия. Последняя позиция досталась Демократической республике Конго. Всего рейтинг учитывает 187 стран по сравнению с 169 годом ранее. Индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index, HDI) учитывает такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования и показатель ВВП на душу населения. С 1990 г. он публикуется ООН вместе с докладом о человеческом развитии. Доклад 2011 г. обращает внимание на то, что рост индекса зачастую сопровождается экологическими проблемами, а также на то, что расширение прав и возможностей способствует улучшению уровня жизни. Кроме того, доклад показывает взаимосвязь между устойчивостью развития и равенством возможностей [9].

Начало 2000-х гг. породило не только ожидание существенного экономического подъема, но и, казалось бы, реальную возможность полного преодоления негативных последствий дефолта 1998 г. Так, средние темпы прироста реального ВВП за 2000—2003 гг. составили около 6%, а норма накопления выросла с 16 до почти 20%. По данным Госкомстата, в 2003 г. темп прироста реального ВВП достиг 7,3%. Причем происходило все это на фоне стагнации экономики ведущих развитых государств — кризисные явления в Японии и странах Европейского союза заметны до сих пор. Основные движущие силы российского подъема этих лет достаточно очевидны: двукратная в реальном выражении девальвация рубля после дефолта; запас незагруженных мощностей как следствие предшествовавшего длительного кризиса; высокие цены на нефть [10]. Не случайно, что именно в этот период, в 2003 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем ежегодном послании Федеральному собранию выдвигает весьма амбициозную задачу: «За десятилетие мы должны как минимум удвоить валовой внутренний продукт страны» [11]. Но вот Президент Д. А. Медведев в

своем послании в 2009 г. отмечает, что «в XXI в. нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям» [12].

Положение о необходимости модернизации, высказанное в послании, опирается на более детальное освещение данной проблемы, содержащееся в статье Д. А. Медведева «Россия, вперед!» В ней изложены основные направления модернизации, в частности экономической сферы общества. Во-первых, речь идет о том, чтобы стать одной из лидирующих стран по эффективности производства, транспортировки и использования энергии, для чего надо разработать и вывести на внутренние и внешние рынки новые виды топлива. Во-вторых, предстоит сохранить и поднять на новый качественный уровень ядерные технологии. В-третьих, российским специалистам необходимо совершенствовать информационные технологии, добиться серьезного влияния на процессы развития глобальных общедоступных информационных сетей, используя суперкомпьютеры и другую необходимую материальную базу. В-четвертых, страна должна будет располагать собственной наземной и космической инфраструктурой передачи всех видов информации; чтобы наши спутники могли «видеть» весь мир, помогать нашим гражданам и людям всех стран общаться, путешествовать, заниматься научными исследованиями, сельскохозяйственным и промышленным производством. В-пятых, России предстоит занять передовые позиции в производстве отдельных видов медицинского оборудования, сверхсовременных средств диагностики, медикаментов для лечения вирусных, сердечно-сосудистых, онкологических и неврологических заболеваний [13]. Нетрудно заметить, что, с одной стороны, задача удвоения ВВП как будто корреспондируется с задачей модернизации, но, с другой — выглядит несколько автономной, несводимой лишь к количественным параметрам роста, а подразумевающим ее качественную составляющую.

Но если обратиться к истории, то российское общество, что теперь становится все более очевидным, в XX в. пережило достаточно продолжительную и в целом успешную стадию так называемой советской модернизации. В классическом понимании под модернизацией понимался процесс, идущий параллельно индустриализации, решающим фактором которого выступает преодоление и замена традиционных ценностей, препятствующих социальным изменениям и экономическому росту, на ценности, мотивирующие хозяйствующих субъектов на инновационную деятельность, т.е. на разработку, создание и распространение новых технологий и генерирование новых организационно-экономических отношений. Под модернизацией понимался процесс вытеснения традиции современностью или восходящее развитие от традиционного общества к современному. При этом традиция, как прави-

ло, признавалась таковой, что тормозит социальный прогресс, и которую необходимо преодолеть и сломать. Развитие всех стран и народов рассматривалось с универсалистских позиций — оно должно происходить в одном направлении, иметь одни и те же стадии и закономерности. Признавалось наличие национальных особенностей модернизации, однако считалось, что они имеют второстепенное значение [14, с. 233—247].

Советская модернизация действительно кардинально преобразовала страну, превратила ее из в основном аграрной в индустриальную, что неизбежно сопровождалось изменением социальной структуры общества, появлением значительной прослойки инженерно-технических работников, преодолением неграмотности значительной доли населения, нивелированием существенных различий в социально-культурном развитии многих регионов страны. За короткие сроки были не только созданы целые отрасли промышленности, которых прежде в стране не было, но и возникла мощная самостоятельная база для фундаментальных и прикладных научных исследований. В позднесоветский период (1985—1990 гг.) идеи «ускорения», «перестройки» по сути были, возможно, неудачно сформулированной идеей о необходимости новой модернизации. Очевидно, что в настоящее время можно говорить о переходе к постиндустриальному обществу, что и может быть в основе неомодернизации.

Но эта идея, идея модернизации современного российского общества подвергается критике, причем, что называется, с разных сторон и по разным основаниям. Часто критика носит, во-первых, концептуальный, теоретический характер. Так, А. Г. Дугин в своем докладе «Критика концепта модернизации. Консервативный ответ на основании четвертой политической теории» утверждает, что «есть развитие, но есть и упадок. Те, кто ставят только на рост и развитие, выступают против всех норм социологических законов. Такой модернизации, такого роста, такого развития, такого прогресса нет» [15]. Речь, таким образом, идет не столько о модернизации, сколько о более плавном, эволюционном процессе, основанном, в частности, на неких традиционных ценностях и нормах. Следует иметь в виду, что такая трансформация — достаточно длительный процесс, состоящий из нескольких этапов. П. Штомпка полагает, например, что путь модернизационных трансформаций состоит из последовательных этапов-отрезков, или стадий, например, «традиционная — переходная — современная», «традиционная — стадия достижения предварительных условий для начала изменений — начало непрерывного роста — созревание — достижение уровня массового потребления» [16, с. 172]. Отсюда возникает вопрос о том, насколько общество достигло этапа созревания, включая ментальные свои элементы, т. е. готовность массового сознания не только воспринять, но и поддержать подобные преобразования.

И в этой связи нетрудно заметить, что уже с конца 1991 г. процесс реформаторства в нашей стране сталкивается со стандартным набором системообразующих («system-development») проблем или «кризисов», которые должны быть приемлемым способом «разрешены» (или «пре-

одолены»), если только наше государственное устройство претендует на статус «современного» в соответствии с критериями «дифференциации», «равенства», «дееспособности», «демократии» и т. п.

Согласно классификации Дж. Коулмена, на пути модернизации могут оказаться проблемы «национальной идентичности»; «политической легитимации» модернизирующей элиты; «проникновения» (penetration), т. е. централизации власти, и преодоления разрывов в политической коммуникации; «участия» (participation), т. е. создания институтов, соответствующих типично «современному» требованию «масс» на участие в процессе принятия решений; «интеграции», т. е. придания политическому процессу качеств, при которых в нем адекватно представлены общественно значимые интересы при ориентации на достижение общественно значимых целей и «распределения», т. е. «эффективного использования власти правительства для обеспечения экономического роста, мобилизации ресурсов и распределения товаров, услуг и ценностей в ответ на массовые требования и ожидания» [17, с. 400].

Как представляется, наиболее опасным в настоящее время является кризис участия, который, как, впрочем, и все остальные, имеет в России свои специфические черты. Блокирующим элементом модернизации может выступать даже не столько неготовность создавать институты включения значительных масс людей в социальные, политические и иные процессы, сколько их внутренняя неготовность к такому включению.

Касаюсь перспектив проведения в России успешной модернизации, М. Горшков, директор Института социологии РАН, опираясь на данные многочисленных социологических исследований, отметил негативный тренд, суть которого сводится к тому, что «даже в составе самой молодежной группы (до 26 лет) со значительным перевесом доминируют те, кто признаются в невозможности самостоятельного определения своей судьбы. И это молодежь сегодняшнего мира, сегодняшней России! Только в старших возрастных группах роль собственного выбора становится доминирующей: человек приходит к мысли, что мой голос должен быть услышан, и я готов быть хозяином своей судьбы. На мой взгляд, пирамида полностью перевернута — с точки зрения развития цивилизованного мира. Она не должна быть такой в современной России. Иначе мы никакими реформами эту модернизацию не проведем в своей стране» [18].

Из всего сказанного мы можем сделать вывод, что модернизация современной России может означать, во-первых, полную деархаизацию отношений, взаимодействий, которая стала вновь проявляться с начала 1990-х гг. Иными словами, речь идет о том, что своеобразный цивилизационный откат, который был характерен для России 1990-х гг., должен быть не только преодолен, но и достаточно опережающими темпами нивелирован. Во-вторых, сам этот процесс может осуществляться на основе всестороннего развертывания таких институтов гражданского общества, которые не выглядели бы декорацией демократического процесса, а на деле обеспечивали бы включения самых деятельных и активных слоев общества в осовременивание российского социума. В-третьих, мо-

дернизация современной России по сути своей отражает возможность минимизации рисков и угроз дальнейшего продвижения социума к информационному обществу.

Список литературы и источников

1. Голубович А. Д., Идрисов А. Б., Иноземцев В. Л. и др. Выход из кризиса: отказ от сырьевой модели. Новая индустриализация // Ежегодный экономический доклад «Деловой России». М., 2009.
2. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.
3. Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // Калининградская правда. 2000. 12 янв.
4. Салмин А. М. Россия, Европа и новый мировой порядок // Политические исследования. 1999. №2. С. 10—31.
5. Башкатова А. Отток капитала и утечка мозгов — вместо развития // Независимая газета. 2011. 9 июня.
6. Петраков Н. Я. Все взгляды в наш карман // Деловой вторник. 1999. 17 авг.
7. Осипов Г. В., Левашов В. К., Локосов В. В. и др. Перестройка и радикальные реформы: десять лет спустя // Социально-политический журнал. 1996. №1. С. 170—184.
8. Указ о мерах по реализации государственной политики в области образования и науки // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2012. 7 мая. URL: <http://kremlin.ru/acts/15236> (дата обращения: 07.09.2012).
9. Россия потеряла позицию в рейтинге человеческого развития // Рамблер-Новости. 2011. 5 ноября. URL: <http://news.rambler.ru/11674697> (дата обращения: 14.06.2012).
10. Путин В. В. Послание Федеральному собранию Российской Федерации // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2003. 16 мая. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> (дата обращения: 15.07.2012).
11. Григорьев Л. М. В поисках пути // Стратегия России. 2004. №2. С. 13—24. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1076446310&archive=1076446855&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 17.07.2012).
12. Медведев Д. А. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 12.11.2009. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=93657> (дата обращения: 20.08.2012).
13. Медведев Д. А. Россия, вперед! // Газета. Ру. 2009. 10 сентября. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения: 28.08.2012).
14. Ермаханова С. А. Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2005. С. 233—247.
15. Дугин А. Г. Критика концепта модернизации. Консервативный ответ на основании четвертой политической теории // Центр Консервативных Исследований. 2010. 21 марта. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/210310203701.xhtml> (дата обращения: 26.08.2012).
16. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
17. Coleman J. J. Modernization. Political aspects // International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1968. Vol. 10.
18. Россия: ценности современного общества // ПОЛИТКОМ. RU. 2008. 12 ноября. URL: <http://www.politcom.ru/7234.html> (дата обращения: 27.08.2012).

Об авторе

Кривошеев Владимир Вениаминович, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии Балтийского федерального университета им. И. Канта.

E-mail: krivs48@rambler.ru

ON THE HISTORICAL CONTEXT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT IN RUSSIA

V. V. Krivosheev

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on October 17, 2012

This analysis is based on the institutional model of research on social processes. Thus, the idea of possible modernisation of Russian society rests on the consideration of the current situation in the field of economics, management, and science. On the basis of a secondary analysis of statistical data and the works of Russian and international sociologists, this article describes the fundamental conceptual framework of the idea of the modernisation of Russian society. In particular, it focuses on the criticism of the modernisation project from the forces that present themselves as conservative. The author also mentions significant problems arising on the way of modernisation of Russian society rooted in both objective conditions of the unfolding process and the subjective factor. The article addresses the emergence and development of the modernisation idea in Russia. The relevance of this work lies in the identification of the features of the transition of Russian society into a new phase, which reflects the trends of global innovative processes.

Key words: innovation, modernization, social safety, history of modernization concept

References

1. Golubovich, A.D., Idrisov, A.B., Inozemtsev, V.L., Titov, B. Yu., Spiegel, M.M. 2009, Vyhod iz krizisa: otkaz ot syr'evoj modeli. Novaja industrializacija [Out of the crisis: the rejection of raw model. new Industrialization], *Ezhegodnyj jekonomicheskij doklad «Delovoj Rossii»* [The annual economic report "Business Russia"], Moscow.
2. *Narodnoe hozjajstvo SSSR za 70 let. Jubilejnyj statisticheskij ezhegodnik* [The national economy of the USSR for 70 years. Jubilee Statistical Yearbook], 1987, Moscow, Finansy i statistika.
3. Putin, V. V. 2000, Rossiya na rubezhe tysjacheletij [Russia at the turn Millennium], *Kaliningradskaja Pravda*, 12 January.
4. Salmin, A. M. 1999, Rossiya, Evropa i novyj mirovoj porjadok [Russia, Europe and the New World Order], *Polis*, no. 2, p. 10—31.
5. Bashkatova, A. 2011, Ottok kapitala i utechka mozgov — vmesto razvitija [Capital flight and brain drain — instead of development], *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper], 9 June.

6. Petrakov, 1999, N. Ya. Vse vzglyady v nash karman [All views in our pocket], *Delovoj vtornik* [Business Tuesday], 17 August.
7. Osipov, G. V., Levashov, V. K., Lokosov, V. V., Hlopiev, A. T. 1996, Perestrojka i radikal'nye reformy: desjat' let spustja [Restructuring and radical reform: ten years later], *Social'no-politicheskij zhurnal* [Socio-political journal], no. 1, p. 170—184.
8. Executive Order on implementing state policy in science and education, 2012, *President of Russia*, 7 May, available at: <http://eng.kremlin.ru/acts/3768> (accessed 7 September 2012).
9. Rossiya poterjala poziciju v rejtinge chelovecheskogo razvitija [Russia lost its position in the ranking of human development], 2011, *Rambler-Novosti* [Rambler-News], 5 November, available at: <http://news.rambler.ru/11674697> (accessed 14 June 2012).
10. Putin, V. V. 2003, Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation, *President of Russia*, 16 May, available at: http://archive.kremlin.ru/eng/speeches/2003/05/16/0000_type70029type82912_44692.shtml (accessed 15 July 2012).
11. Grigoriev, L. M. 2004, V poiskah puti [Finding the way], *Strategija Rossii* [Russia's Strategy], no. 2, p. 13—24, available at: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1076446310&archive=1076446855&start_from=&ucat=14& (accessed 17 July 2012).
12. Medvedev, D. A. 2009, Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation, *President of Russia*, 12 November, available at: http://archive.kremlin.ru/eng/speeches/2009/11/12/1321_type70029type82912_222702.shtml (accessed 20 August 2012).
13. Medvedev, D. A. 2009, Rossiya, vpered! [Russia let's go!], *Gazeta. Ru*, 10 September, available at: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (accessed 28 August 2012).
14. Ermahanova, S. A. 2005, Teorija modernizacii: istorija i sovremennost' [Modernization theory: Past and Present]. In: *Aktual'nye problemy social'no-jekonomiceskogo razvitija: vzgljad molodyh uchenyh* [Actual problems of social and economic development: a view of young scientists], Novosibirsk, p. 233—247.
15. Dugin, A. G. 2010, Kritika koncepta modernizacii. Konservativnyj otvet na osnovanii chetvertoj politicheskoy teorii [Criticism of the concept of modernization. The conservative answer on the basis of the Fourth Political Theory], *Centr Konservativnyh Issledovanij* [Center for Conservative Studies], 21 March, available at: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/210310203701.xhtml> (accessed 26 August 2012).
16. Shtompka, P. 1996, *Sociologija social'nyh izmenenij* [Sociology of social change], Moscow.
17. Coleman, J. J. 1968, Modernization. Political aspects, *International Encyclopedia of the Social Sciences*, Vol. 10, N. Y.
18. Rossiya: cennosti sovremennogo obshestva [Russia: the values of modern society], 2008, *POLITKOM. RU*, 12 November, available at: <http://www.politcom.ru/7234.html> (accessed 27 August 2012).

About author

Prof. Vladimir V. Krivosheev, Department of Political Science and Sociology, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: krivs48@rambler.ru

УДК 94 (48+4-012.1+481)

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ
СОГЛАШЕНИЯ
В КОНЦЕССИОННОЙ
СИСТЕМЕ НОРВЕГИИ
В 70-90-х ГОДАХ XX ВЕКА**

А. А. Воробьев*

Рассматривается формирование и использование в Норвегии системы научно-технических соглашений, которые оказали плодотворное влияние на выстраивание отношений с иностранными нефтегазовыми компаниями в период становления норвежской нефтегазовой промышленности. В статье, основанной на архивных и других документах, анализируется опыт заключения научно-технических соглашений для обеспечения передачи национальным нефтегазовым компаниям новейших технологий разведки, добычи нефти и газа и становления высокотехнологичной норвежской нефтегазовой промышленности. Автор делает выводы о том, что Норвегии удалось добиться значительного научного и технического прогресса, наладив соответствующее сотрудничество с иностранными компаниями. Успешный опыт этого государства мог бы быть применен российскими государственными властями для выстраивания отношений с иностранными компаниями в ходе освоения российского шельфа Баренцева моря, путем заключения подобных соглашений между российскими государственными структурами и иностранными нефтегазовыми компаниями, что может дать импульс развитию технологической составляющей российского нефтегазового сектора. Научно-технические соглашения использовались норвежцами для диверсификации своей экономики и предотвращения ее слишком сильной зависимости от энергосектора, что также является одной из актуальных задач для России.

---

* Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Поступила в редакцию 8.06.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-5

© Воробьев А. А., 2012

Ключевые слова: Норвегия, нефтегазовая промышленность, шельф, концессии, государственная политика, научно-технические соглашения

Для эффективного использования природных ресурсов на благо общества в Норвегии в течение длительного времени применяется система предостав-

ления концессий, которые регулируют отношения между государством и компаниями в условиях, когда природные ресурсы Норвегии рассматриваются как национальное достояние страны [1, с. 177]. Опыт освоения норвежских нефтегазовых ресурсов на шельфе Северного моря, начало которому было положено в 1965—1975 гг., показал эффективность применения концессионной системы для обеспечения национальных интересов, сохранения контроля государства над природными ресурсами, поднятия технологического уровня норвежской нефтегазовой индустрии, диверсификации экономики, решения природоохранных и социально-экономических задач. Неотъемлемая часть норвежской концессионной системы и политики предоставления лицензий на эксплуатацию природных ресурсов страны — это применявшаяся в ней практика заключения научно-технических соглашений с иностранными компаниями. Учитывая активизацию разведки и освоения углеводородных и иных природных ресурсов на российском континентальном шельфе, ознакомление с этим норвежским опытом может оказаться и полезным, и поучительным для выгодного выстраивания деловых отношений с иностранными компаниями, развития научной деятельности в энергетическом секторе, а также использования современных научных разработок, используемых иностранными компаниями в работе по освоению месторождений.

В начальный период разработки нефтегазовых ресурсов на шельфе Северного моря в 1960-е гг. Норвегия не располагала ни необходимым опытом, ни квалифицированными кадрами, ни технологиями добычи нефти и газа на шельфе. Для восполнения этого пробела норвежское правительство разработало и активно применяло систему научно-технологических соглашений с зарубежными компаниями, получающими лицензии на эксплуатацию ресурсов, которые были призваны обеспечить наряду с передачей инноваций и технологий национальным норвежским компаниям энергетической отрасли социально-экономическое развитие страны и диверсификацию структуры национальной экономики.

По свидетельству Л. Блихера, соглашения о технологическом сотрудничестве с иностранными компаниями в конце 1970-х гг. были разработаны в основном в Министерстве нефти и энергетики Норвегии с участием представителей других ведомств [2, с. 11].

Идея заключения таких соглашений была высказана представителями нескольких крупных зарубежных компаний, которые стали обращаться в Министерство топлива и энергетики Норвегии с просьбами об оказании содействия развитию сотрудничества с норвежскими фирмами и учреждениями в области промышленности, энергетики и развития технологий [3].

Со своей стороны норвежские власти также осознавали потребность норвежской промышленности в получении доступа к соответствующим технологиям в области строительства, разведки и освоения нефтегазовых ресурсов на шельфе. Они стремились обеспечить национальным норвежским компаниям возможности, действуя в конкурентной среде, выступать операторами на месторождениях в ходе освоения норвежского континентального шельфа (НКШ).

Одновременно норвежские власти испытывали определенные опасения в том, что добыча углеводородов на НКШ в долгосрочной перспективе могла сделать норвежскую экономику слишком зависимой от ее нефтегазового сектора [4, s. 150, 162]. И поэтому они рассматривали международное сотрудничество в других секторах норвежской экономики в качестве важного средства ее диверсификации.

В результате норвежские власти разработали определенный набор различных типовых соглашений о технологическом сотрудничестве с зарубежными странами и компаниями и стали широко применять их на практике.

Первый тип такого рода соглашений — двусторонние межгосударственные документы о сотрудничестве в области энергетики, которые были заключены Норвегией с такими странами, как Швеция, ФРГ и Франция. Хотя данные политические декларации не оказывали существенного влияния на реализацию конкретных проектов развития технического и научного сотрудничества в области энергетики в Норвегии, они, тем не менее, давали важные политические сигналы о намерениях сторон и их приоритетах [3, s. 5; 5, s. 57; 6, s. 10].

Второй тип соглашений о технологическом сотрудничестве стал результатом обсуждений, организованных Министерством топлива и энергетики с участием Норвежского совета по научным и промышленным исследованиям и представителей иностранных нефтяных компаний, целью которых стало определение принципов, положений и статей будущих соглашений. Процесс их согласования и утверждения проходил в течение 1979 г. вплоть до проведения четвертого концессионного раунда по распределению участков шельфа [2, s. 20]. Выработанные таким путем соглашения упорядочили взаимоотношения между нефтяными компаниями и Министерством топлива и энергетики Норвегии [7, s. 245].

Наконец, в практике взаимодействия норвежских и иностранных компаний в технологической сфере определенное распространение получили соглашения «доброй воли» («goodwill agreement»), которые представляют собой по сути односторонние декларации о намерениях.

В согласованных текстах соглашений содержались определения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, которых касалось сотрудничество. В частности, было согласовано, что в рамках взаимодействия в области оффшорных нефтяных технологических исследований стороны будут сотрудничать в проведении изучений, модернизаций и испытаний отдельных технических решений и продуктов, а также в области технико-экономических и инженерных исследований в таких сферах, как разведка, бурение, обустройство месторождений, добыча углеводородов, хранение и транспортировка нефти и газа, развитие и строительство таких морских объектов, как платформы, подводные системы и конструкции, морское погрузочное оборудование и трубопроводы. При этом было специально оговорено, что научно-техническая деятельность в областях, непосредственно не связанных с нефтяной деятельностью на континентальном шельфе, не должна включаться в подобные соглашения.

Как видно из приведенного круга вопросов сотрудничества, в такого рода типовых соглашениях не раскрываются такие понятия, как технология и техника, не делается различий между фундаментальными и прикладными исследованиями и опытно-конструкторскими работами. Тем не менее именно такие общие положения включаются, как правило, в соглашения о технологическом сотрудничестве. Некоторые отступления от согласованных формулировок могут содержаться в соглашениях, заключаемых отдельными нефтяными компаниями с Министерством топлива и энергетики страны [7]. Все типы разработанных соглашений должны охватывать только исследования в области разведки и производственной деятельности и не включают такие сферы, как маркетинг и переработка.

Согласно первому типу соглашений, который получил название «Пятидесятипроцентные соглашения» («The 50%-Agreement»), оператор или дольщик концессии обязывается взять на себя ответственность за выполнение в Норвегии по крайней мере 50 % от всех исследовательских работ, необходимых для разработки нефтяного или газового месторождения [7, s. 257].

Начиная с четвертого концессионного раунда (1978 г.), «Пятидесятипроцентные соглашения» стали рассматриваться как неотъемлемая часть политики предоставления концессий. Они должны подписываться всеми нефтяными компаниями, включая норвежские, которые выполняют функции оператора месторождения. Все аспекты, связанные с реализацией положений «Пятидесятипроцентных соглашений», непосредственно контролируются департаментом нефти и газа Министерства топлива и энергетики Норвегии, который одновременно внимательно отслеживает деятельность нефтяных компаний по привлечению поставщиков и субпоставщиков.

Для оценки объемов проводимых исследований в рамках данного типа соглашения используются сведения, публикуемые в изданиях «White Paper № 54 (1982—1983)», «White Paper № 56 (1984—1985)», «White Paper № 9 (1984—1985)» и «White Paper № 46 (1986—1987)». К примеру, компания «Шелл», которая была оператором на месторождении «Тролль, фаза 1», на ведение исследовательской деятельности потратила 415 млн норвежских крон, из которых 73 % использовано на услуги норвежских фирм и институтов. В рамках проекта «Драуген» на эти цели потрачено 157 млн норв. крон, причем 80 % выделенных средств — было направлено норвежским подрядчикам. Как видим, в обоих случаях минимальное требование — 50 % от объема выделенных средств было превышено.

Наряду с «Пятидесятипроцентными соглашениями» были разработаны типовые соглашения по финансированию, подписывая которые оператор берет на себя обязательства выполнить определенные научно-исследовательские проекты на территории Норвегии в течение установленного соглашением времени с заранее установленным бюджетом [7, s. 264].

Среди компаний, подписавших такие соглашения, были «ELF» («ЕЛФ»), «ESSO» («Эссо») и «SHELL» («Шелл»). Другие компании для сокращения расходов могли подписывать соглашения уже с тремя вышеперечисленными. К примеру, компания «Total» («Тоталь») подписала соглашение с «ЕЛФ» в 1979 г., согласно которому она брала на себя обязательство выполнить проекты на сумму, соответствующую 1/3 от стоимости проектов «ЕЛФ», и профинансировать их.

В результате в рамках соглашений о финансировании компания «ЕЛФ» выделила на финансирование проектов «Grondin» и «Skuld» 143 млн крон (1979—1984), компания «Эссо» на проект «Guyed Tower» — 112,5 млн крон (1979—1985), компания «Шелл» на проект «Deer-EX» — 30 млн крон (1979—1984), компания «Коноко» на проект «Tension-leg-platform» — 100 млн крон (1980—1984) [7, s. 269].

Соглашения о финансировании сыграли весьма важную роль в налаживании сотрудничества между иностранными нефтяными компаниями и норвежскими учреждениями в сфере научно-технических исследований. Тем не менее наиболее распространенными и предпочитаемыми среди иностранных компаний стали «Соглашения доброй воли».

Подписывая такие соглашения, иностранные нефтяные компании заявляли о своем намерении выполнить столько научно-технических исследований в области энергетики, насколько это возможно в Норвегии. В отличие от «Пятидесятипроцентного соглашения» и соглашения по финансированию, этот тип соглашений не нес жестких юридических обязательств, однако требовал от иностранных компаний представлять годовые отчеты о проделанной работе Норвежскому исследовательскому совету [8, s. 268]. Как правило, такие соглашения заключались в тех случаях, когда иностранные нефтяные компании не были участниками ни «Пятидесятипроцентного соглашения», ни соглашения о финансировании [9, s. 8].

Используя «Соглашения доброй воли», норвежская сторона привлекала иностранные компании к ведению научно-технической деятельности общей направленности в сфере энергетики без каких-либо определенных обязательств в отличие от других соглашений. Проекты, осуществляемые в рамках «Соглашений доброй воли», были связаны главным образом с работой иностранных компаний по подготовке заявок на получение лицензий в рамках концессионных раундов. В отличие от научно-исследовательских работ, проводимых в рамках «Пятидесятипроцентных соглашений», когда эти работы ограничивались каким-либо конкретным месторождением, проекты, реализуемые в соответствии с «Соглашениями доброй воли», были в большей степени нацелены на освоение будущих месторождений. Нередко после выполнения условий соглашений о финансировании иностранные компании продолжали вести научно-исследовательскую деятельность, но уже в рамках «Соглашений доброй воли».

Таблица 1

Подписанные соглашения нефтегазовыми компаниями на 01.03.1981 г.

Компания	Соглашение		
	«Пятидесятипроцентное»	«Финансовое»	«Доброй воли»
AGIP	—	—	X
AMOCO	X	—	—
ARCO	—	—	X
CHEVRON	—	—	X
CONOCO	—	X	—
DEMINEX	—	—	X
ELF	—	X	—
ESSO	—	X	—
FINA	—	—	X
GULF	X	—	—
HYDRO	X	—	—
MOBIL	—	—	X
PHILLIPS	—	—	X
SAGA	X	—	—
SHELL	X	X	—
STATOIL	X	—	—
SUPERIOR	—	—	X
TEXACO	—	—	X
TOTAL	—	—	X
UNION	—	—	X

Как следует из таблицы 1, больше половины соглашений иностранных фирм с норвежскими властями приходилось на «Соглашения доброй воли». Все нефтегазовые компании, за исключением «Шелл», заключили только какой-либо один тип соглашений. В рамках последующих концессионных раундов иностранные нефтяные компании, ставшие операторами месторождений, как правило, заключали «Пятидесятипроцентные соглашения», что сопровождалось увеличением с их стороны научно-технических исследований. Фактически такой порядок приводил к тому, что компании, получавшие лицензии на эксплуатацию того или иного месторождения, были обязаны соблюдать, по крайней мере, два типа технологических соглашений.

В рамках четвертого концессионного раунда в качестве дополнительного требования для иностранных нефтяных компаний норвежские власти ввели требование обязательного заключения так называемых «Промышленных соглашений» [3, с. 9]. Речь в них шла об обязательстве иностранных компаний сотрудничать с норвежской промышленностью и исследовательскими организациями при распределении заказов на оборудование. Этот принцип использовался также и ранее, но теперь норвежские власти попытались придать этому сотрудничеству более обязательный характер.

Важно подчеркнуть, что «Промышленные соглашения» о сотрудничестве включали в себя взаимодействие между иностранной нефтегазовой компанией и норвежскими фирмами и научно-исследовательскими институтами в областях, непосредственно не связанных с нефтяной деятельностью [10]. Целью этих соглашений было не только облегчить для норвежской промышленности возможность использования огромного промышленного потенциала, который появлялся в ходе наращивания активности иностранных компаний на норвежском континентальном шельфе (НКШ), но и способствовать ее отраслевой диверсификации.

В рамках «Промышленных соглашений» сотрудничество должно было осуществляться в соответствии с рыночными принципами, то есть партнерам приходилось выбирать друг друга добровольно, без вмешательства со стороны властей. Цель состояла в том, чтобы использовать компетенцию и технологии иностранных нефтяных компаний, которые также работают в других отраслях промышленности, в интересах развития новых отраслей национальной экономики. Различные типы соглашений о технологическом сотрудничестве внесли весомый вклад в обогащение норвежских компаний новыми знаниями о технологиях, рынках, предпринимательстве, образовании и глобализации.

Этот вид соглашений находился в ведении Министерства промышленности Норвегии, которое применяло ограничительную политику в отношении публикации информации о финансовом объеме и характере проектов. Согласно докладу Министерства промышленности, на 1 января 1984 г. 22 иностранные нефтегазовые компании вложили 1 млрд крон в 95 проектов в области химии, инжиниринга (электроника, обработка данных, продукты оффшорной деятельности) и горной промышленности. Только 35 % проектов включало в себя научно-техническую составляющую [11, с. 2].

Начиная с пятого концессионного раунда (1979 г.), при принятии властями решений о выдаче лицензии иностранным компаниям рассматривались научно-технические проекты, которые были реализованы или запланированы претендентами на лицензию в рамках соглашений по техническому и промышленному сотрудничеству. Задача администрирования и координирования технологических соглашений с иностранными фирмами в рамках четвертого и пятого концессионных раундов была возложена на Норвежский исследовательский совет. Фактически, норвежские власти увязали возможность получения иностранными компаниями лицензий на эксплуатацию ресурсов с необходимостью проведения ими определенных научно-технических работ на территории Норвегии, тем самым способствуя наращиванию потенциала собственной промышленности за счет новых знаний и технологий, в том числе в области создания собственной конкурентоспособной нефтегазовой промышленности.

Следует при этом учитывать, что выполнение этой задачи было возложено на Научный исследовательский совет, у которого были налажены тесные контакты с норвежской промышленностью и который

финансировал научно-технические проекты нефтегазовой сферы, осуществлявшиеся в основном в исследовательских институтах Совета [12, s. 10].

В результате Научный исследовательский совет Норвегии стал увязывать потребности нефтегазовых компаний в области решения тех или иных научно-технических задач с финансированием деятельности норвежских фирм и институтов в практической реализации требуемых научно-технических задач. Одной из важнейших задач Научного совета стал сбор информации и отчетов иностранных нефтяных компаний о вновь начатых, текущих и будущих проектах, которая служит основой оценки научно-технической деятельности и потребностей нефтяных компаний в рамках технологических соглашений. В свою очередь, данные и оценки Научного исследовательского совета не только доводятся до сведения Министерства топлива и энергетики, но и учитываются при проведении концессионных раундов.

Для успешного выполнения своих функций министерство поставило в этой связи перед Научным исследовательским советом следующие задачи [13]:

- информировать министерство на постоянной основе о планах и ходе реализации технологических соглашений;
- выпускать ежеквартальный информационный бюллетень для информирования норвежского научного сообщества о рамочных соглашениях и их возможностях;
- организовать дважды в год встречи представителей норвежских научно-исследовательских институтов и промышленных компаний, которые участвуют в реализации проектов в рамках технологических соглашений;
- собирать и ежегодно обновлять предложения и идеи научно-исследовательских институтов;
- создать архив, содержащий научно-исследовательские контракты и доклады о ходе работы.

Таким образом, работа совета, как и стратегия правительства, были нацелены на то, чтобы в долгосрочной перспективе сделать Норвегию технологически независимой в нефтегазовом секторе посредством обширной «норвегизации» процессов разведки, бурения, добычи, доставки и переработки добываемой продукции. Поставленные задачи были успешно реализованы за счет создания механизмов передачи технических знаний и опыта иностранными нефтегазовыми компаниями, работающими на норвежском континентальном шельфе, национальным компаниям. Одним из способов такой передачи знаний и инноваций стали технологические соглашения [14, s. 1].

В 1984 г. правительство подтвердило их значимость, подчеркнув неизменность руководящих принципов, но поставило новые цели [6, s. 4]:

- использовать нефтяные ресурсы для обеспечения сбалансированного и конкурентоспособного развития страны в долгосрочной перспективе;

— использовать возможности сотрудничества с иностранными нефтяными компаниями для развития компетенций и технологий в норвежской промышленности и научном сообществе;

— организовать норвежскую сеть поставщиков товаров и услуг для оффшорного рынка;

— создавать выгодные возможности для развития норвежской промышленности в других областях экономики.

Таким образом, норвежское правительство рассматривало технологическое и промышленное сотрудничество с норвежскими компаниями как неотъемлемую часть деятельности иностранных компаний в Норвегии. Это означало, что они были обязаны внести свой вклад в промышленный рост, сотрудничая с норвежскими компаниями и научно-исследовательскими учреждениями в рамках их компетенции. Главной целью сотрудничества стала передача технологий и маркетингового опыта, которые могут быть использованы в коммерческих целях. В то время как первоначально суть технологических соглашений была направлена на инвестиции в научно-исследовательскую инфраструктуру, то теперь технологические соглашения приобрели более рыночную направленность [15, s. 5].

С 1985 г. Совет стал применять три основных оценочных критерия.

Во-первых, оценивался уровень активности иностранной компании по реализации научно-исследовательской деятельности в рамках «Соглашений доброй воли».

Во-вторых, совет оценивал качество каждого отдельного проекта по «Соглашению доброй воли». Руководящим принципом по этому критерию было старое высказывание: «Количество не является гарантией качества». Главное требование «Соглашений доброй воли» заключалось в необходимости реализации проектов в Норвегии.

В целом процесс передачи технологий и знаний может осуществляться либо путем предоставления норвежским партнерам доступа в лаборатории иностранных нефтегазовых компаний, либо путем назначения экспертов из иностранной нефтяной компании для участия в норвежской команде по реализации проекта.

Наконец, совет оценивал научно-исследовательский профиль иностранных нефтегазовых компаний. Нефтяным компаниям было предложено сосредоточить усилия в тех областях, в которых они обладают высокой степенью компетентности и которые имеют отношение к их деятельности в Норвегии.

Официально процедуру использования системы соглашений прекратили в начале 1994 г., когда Норвегия стала членом Европейского экономического пространства. Причиной отказа послужили правила Европейского союза, исключаящие какие-либо дискриминационные барьеры в отношении тех компаний, которые были зарегистрированы в странах-членах ЕЭП.

Несмотря на то что в последующих концессионных раундах условие заключения соглашений было не обязательным, иностранным компаниям по-прежнему предлагалось сообщать о своей научно-исследо-

вательской деятельности Министерству топлива и энергетики и Норвежскому исследовательскому совету. В рамках концессионных соглашений после 1994 г. одним из условий получения лицензии на добычу была необходимость доказать компании свою технологическую состоятельность для работы на шельфе. Кроме того, Министерство топлива и энергетики заявило, что информация, касающаяся исследований и технологического развития, имеющая отношение к освоению НКШ, необходима в статистических целях и финансирования исследовательской деятельности [16].

В связи с этим был пересмотрен нефтяной Закон 1985 г. и дополнен следующим определением: «Лицензиат обязан по требованию Министерства предоставить информацию о планируемых и текущих научно-исследовательских проектах, имеющих отношение к нефтяной деятельности на норвежском континентальном шельфе» [17].

Тем не менее данная информация не могла больше использоваться в качестве официального критерия оценки компании в ходе концессионного раунда. Начиная с 15-го раунда заявителям предлагалось изложить свой технологический опыт, в частности, распространив информацию о проводимой ими научно-исследовательской деятельности. Интересно отметить, что Министерство промышленности и энергетики при рассмотрении заявок компаний в рамках 15-го раунда очень строго учитывала достижения компаний по научным проектам, реализованным в ходе предыдущих раундов. Так, две компании «Коноко» и «ЕЛФ» были «наказаны» за плохую организацию проектов в рамках освоения месторождений «Хейдрун» и «Фрэй/Лилле-Фригг». Этим иностранным компаниям не удалось получить операторские лицензии [18].

Итак, система технологических соглашений активно использовалась норвежским правительством для передачи инноваций и технических возможностей от иностранных нефтегазовых компаний к национальным норвежским компаниям в период становления национальной нефтегазовой промышленности и отсутствия научных и технологических достижений.

В целом соглашения оказали плодотворное влияние не только на формирование норвежской энергетической отрасли, но и социально-экономическое развитие государства, способствуя созданию эффективной и современной нефтегазовой отрасли и диверсификации структуры норвежской промышленности. Норвежский опыт заслуживает изучения и использования при привлечении иностранных компаний к освоению нефтегазовых месторождений на территории России, для заимствования современных научных разработок и обеспечения условий для инновационного развития страны. Российским органам власти, ответственным за освоение углеводородных ресурсов на территории России, было бы целесообразно применять норвежский опыт заключения научно-технических соглашений с иностранными компаниями для получения доступа к западным научным разработкам и стимулирования создания современных технологий для нефтегазового сектора на территории России, инвестируя средства в уже существующие НИИ и создание новых,

специализирующихся на данной области. Использование норвежского опыта могло бы сыграть позитивную роль в диверсификации российской экономики и ее слишком глубокой зависимости от нефтегазового сектора. Российским органам власти, принимающим решения о предоставлении лицензий на освоения месторождений, по примеру Норвегии следовало бы учитывать уровень научно-технической активности иностранных компаний в России, их результативность и уровень содействия развитию деловой активности. Таким образом, иностранные компании будут вынуждены не только формально проводить инвестирования, но и быть заинтересованными в результативности своих инвестиций.

Список литературы

1. Воробьев А. А. Роль концессионной системы Норвегии в освоении шельфа // Вестник МГИМО (У). 2011. № 6 (21). С. 177—182.
2. Blichner L. S. Institusjonelle betingelser for styring — en studie av teknologiavtalene. Bergen, 1984.
3. White Paper № 63. (1978—1979) / Ministry of petroleum and energy. Oslo, 1979.
4. Bjerkholt O., Offerdal E., Stroom S. Olje og gas i norske økonomi. Oslo, 1985.
5. White Paper. № 54 (1982—1983) / Ministry of petroleum and energy. Oslo, 1983. URL: <http://www.nb.no/nbsok/nb/b61ba52dceb20bb4ee1a223d075647c4.nbdigital?lang=en#0> (дата обращения: 15.04.2011).
6. White Paper № 9 (1984—1985) / Ministry of petroleum and energy. Oslo, 1985.
7. Askheim L. O., Gisvold M., Tapper J. K. Kontrakter I petroleumsvirksomheten. Oslo, 1983. URL: <http://www.nb.no/nbsok/nb/bf60e9f65a425490b0301cb29b048f74?index=0#23> (дата обращения: 15.04.2011).
8. Good Will avtaler. Gjennomgaelse av synspunkter fra endel selskaper, notat forhandlings og planleggingskontoret / Ministry of petroleum and energy. Oslo, 1980.
9. Offshorerelaterte teknologiavtaler for forskning og utvikling I forbindelse med 4 og 5 konsesjonrunde / Ministry of petroleum and energy. Oslo, 1980.
10. Meddelelse av utvinningstillatelse for petroleum paa NKS-9 konsesjonrunde / Ministry of petroleum and energy. Oslo, 1983.
11. Olje- og energidepartementet, «Raport om tekniske og industrielle samarbeide med utenlandse selskaper». Oslo, 1985.
12. Skaug E. Oljeselskapenes samarbeid med forskningsmiljoer og norsk industri. Oslo, 1984.
13. Retningslinjer for NTNf i forbindelse med arbeid knyttet til teknologiavtalene under 4 og 5 konsesjonrunde / Ministry of petroleum and energy. Oslo, 1980.
14. Бюллетень. № 3 / Forskningsrådet. Oslo, 1993. URL: http://www.forskningsradet.no/bibliotek/publikasjoner/institutt/pol_rapport_3/kap01.html (дата обращения: 15.04.2011).
15. Новые компоненты и системы в оффшорном секторе / Исследовательский совет Норвегии. Осло, 1989.
16. Forsknings og teknologisamarbeid med myndighetene, leter to the oil companies / Ministry of industry and energy. Oslo, 1994.
17. Regulations 1985: Regulations to Act relating to petroleum activities, § 39 / Ministry of petroleum and energy. Oslo, 1985. URL: <http://www.lovdato.no/all/tl-19961129-072-002.html#2-1> (дата обращения: 15.04.2011).
18. Pedersen H. ELF og Conoco — straffet // Aftenposten. 1996. 24.01.

Об авторе

Воробьев Алексей Анатольевич, соискатель, Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России.

E-mail: vlex@yandex.ru

RESEARCH AND TECHNOLOGY AGREEMENTS
IN THE NORWEGIAN CONCESSION SYSTEM OF THE 1970s—1990s

A. A. Vorobyov

MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Received on June 8, 2012

This article is devoted to the formation and use of research and technology agreements in Norway, which had positive influence on the development of relations with foreign oil and gas companies during the period of formation of the Norwegian oil and gas industry. On the basis of archival documents, this article considers Norwegian experience of conclusion of research and technology agreements in order to provide transference of the latest technologies of exploration and oil and gas production to national oil and gas companies during the formation of the Norwegian oil and gas industry. The author comes to a conclusion that Norway has made significant scientific and technological progress through promoting active cooperation with foreign companies. Norway's successful experience could be applied by the Russian state authorities in order to develop relations with foreign oil companies that could take part in offshore exploration in the Russian Barents Sea through concluding similar agreements between Russian state institutions and foreign oil and gas companies, which can give impetus to the development of the technological component of Russian oil and gas sector. Research and technology agreements have been used by Norwegians in order to diversify the economy and prevent excessive dependence on the energy sector, which is one of the major challenges faced by Russia.

Key words: Norway, oil and gas industry, offshore, concessions, public policy, research and technology agreements

References

1. Vorobyov, A. A. 2011, Rol koncessionnoy sistemy Norvegii v osvoenii shel'fa [The Role of the Norwegian Concession System in the Development of Shelf], *Vestnik MGIMO* [Bulletin of MGIMO], no. 6 (21), p. 177—182.
2. Blichner, L. S. 1984, *Institusjonelle betingelser for styring — en studie av teknologivitalene*, Bergen.

3. *White Paper*, 1979, no. 63 (1978—1979), Oslo, Ministry of petroleum and energy.
4. Bjerkholt, O., Offerdal, E., Stroom, S. 1985, *Olje og gas i norske oekonomi*, Oslo, Universitetsforlaget.
5. *White Paper*, 1983, no. 54 (1982—1983), Oslo, Universitetsforlaget, available at: <http://www.nb.no/nbsok/nb/b61ba52dceb20bb4ee1a223d075647c4.nbdigital?lang=en#0> (accessed 15 April 2011).
6. *White Paper*, 1985, no. 9 (1984—1985), Oslo, Ministry of petroleum and energy.
7. Askheim, L. O., Gisvold, M., Tapper, J. K. 1983, *Kontrakter i petroleumsvirksomheten*, Oslo, Sjørettsfondet, available at: <http://www.nb.no/nbsok/nb/bf60e9f65a425490b0301cb29b048f74?index=0#23> (accessed 15 April 2011).
8. *Good Will avtaler. Gjennomgaelse av synspunkter fra endel selskaper, notat forhandlings og planleggingskontoret*, 1980, 13 Oktober, Oslo, Ministry of petroleum and energy.
9. *Offshorerelaterte teknologiavtaler for forskning og utvikling I forbindelse med 4 og 5 konsesjonrunde*, 1980, 13 March, Oslo, Ministry of petroleum and energy.
10. *Meddelelse av utvinningstillatelser for petroleum paa NKS-9 konsesjonrunde*, 1983, 1 March, Oslo, Ministry of petroleum and energy.
11. *Rapport om tekniske og industrielle samarbeide med utenlandse selskaper* [Report on the technical and industrial cooperation with foreign companies], 1985, 14 August, Oslo, OED.
12. Skaug, E. 1984, *Oljeselskapenes samarbeid med norske forskningsmiljøer og norsk industry*, Oslo, NTNf.
13. *Retningslinjer for NTNf i forbindelse med arbeid knyttet til teknologiavtalene under 4 og 5 konsesjonrunde*, 1980, 6 March, Oslo, Ministry of petroleum and energy.
14. *Bulletin no. 3*, 1993, Oslo, Forskningsrådet, available at: http://www.forskningsradet.no/bibliotek/publikasjoner/institutt/pol_rapport_3/kap01.html (accessed 15 April 2011).
15. *Novie komponenti i sistemi v offshornom sectore* [New components and systems in the offshore sector], 1989, Oslo, Research Council of Norway.
16. *Forskning og teknologisamarbeid med myndighetene, leter to the oil companies*, 1994, 21 February, Oslo, Ministry of industry and energy.
17. *Regulations 1985: Regulations to Act relating to petroleum activities*, 1985, § 39, Oslo, Ministry of petroleum and energy, available at: <http://www.lovdata.no/all/tl-19961129-072-002.html#2-1> (accessed 15 April 2011).
18. Pedersen, H. 1996, ELF og Conoco — straffet, *Aftenposten*, 24 January.

About author

Alexey A. Vorobyov, PhD student, Moscow State Institute of International Relations.
E-mail: vlex@yandex.ru

УДК 327 (438+470.26)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ И КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ В 1989—2012 ГОДАХ

М. Хелминак
В. Котович*

Цель статьи — проанализировать роль Калининградской области во внешней политике Польши после 1989 г. Анализ касается политических и региональных детерминант, влияние которых на отношения между Польшей и Калининградской областью было наиболее значимым. Используемая методология представляет собой характеристику политической науки, которая основывается на анализе первоисточников (документов) и вспомогательных источников (научные публикации, печатные статьи). Также использовался системный анализ и анализ решений. Рассматривается период после 1989 г., когда отмена Ялтинско-Постдамской системы повлекла геополитические изменения, в результате которых Польша смогла пересмотреть приоритеты своей внешней политики. Одним из серьезных вызовов для польской дипломатии после 1989 г. стало развитие экономических и политических отношений с Российской Федерацией. Приграничное сотрудничество между Польшей и Россией осуществляется в том числе в рамках еврорегиональных структур, которые функционируют в приграничных районах. Анализ этого вопроса является важным для дальнейшего сотрудничества в российско-польском пограничье, особенно после вступления в силу договора о местном приграничном движении в 2012 г.

Одним из важных выводов исследования стало заключение о том, что реализация договора о местном приграничном движении может способствовать улучшению приграничных отношений, но это принципиально не изменит роль Калининградской области во внешней политике Польши.

Ключевые слова: внешняя политика Польши, приграничное сотрудничество, Калининградская область

---

* Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне.

10-719, Польша, Ольштын,
ул. Очаповского, 2.

Поступила в редакцию 12.09.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-6

© Хелминак М., Котович В., 2012

Во внешней политике на рубеже XX и XXI вв. следует учитывать проблемы, связанные с процессами глобализации и международной интеграции. Определение приоритетов, а также использование необходимых методов и средств для достижения выбранных целей обусловлены многочисленными внутренними и внешними факторами. Вместе с тем политика страны в основном зависит от геополитических изменений, влияющих на эту страну. Государства современной Европы в своей внешней политике также должны учитывать наличие Европейского союза, что отражается в необходимости осуществления внешней политики его государствами-членами на обоих уровнях — наднациональном и национальном. Польша, будучи государством-членом Евросоюза, имеет ограниченный суверенитет в том, что касается принятия решений о ее политических отношениях с другими странами (и, конечно, с Россией).

Новые приоритеты во внешней политике Польши

Геополитические изменения, вызванные коллапсом миропорядка, когда-то определенного в Ялте и Потсдаме, привели к тому, что Польша получила возможность пересмотреть приоритеты своей внешней политики. В результате распада СССР и Чехословакии, а также объединения Германии Польша оказалась в совершенно новой геополитической ситуации, когда ее окружают новые соседи: Российская Федерация, Литва, Беларусь, Украина, Чехия, Словакия и Германия. Отношения с двумя региональными державами — Россией и Германией, — а также с Украиной, которую польские власти считают важным стабилизирующим фактором в регионе, очень важны для внешней политики Польши.

В 1990-х гг. Польша пересмотрела свои отношения с восточными соседями, и особенно с Россией. Усилия Польши по вступлению в НАТО натолкнулись на жесткое сопротивление российских властей. Москва утверждала, что расширение НАТО на восток нарушит баланс сил в регионе и создаст угрозу для самой Российской Федерации. Вступление Польши в Европейский союз таких возражений у восточного соседа не вызвало. Все же не следует забывать о замечаниях России относительно необходимости введения визового режима для граждан России, проживающих в одном из ее регионов, а именно в Калининградской области, которая является анклавом, отделенным от остальной части России территориями Польши и Литвы.

В эпоху президентства Бориса Ельцина с территории Польши были выведены советские войска и Россия признала ответственность за кровавую расправу над польскими офицерами в Катыни. В свою очередь Польское государство взяло на себя материальную ответственность за имущество, оставленное на востоке польскими гражданами после изменения границ в послевоенный период и последующих массовых переселениях. Вместе с тем стремление Польши к членству в НАТО привело к устойчивой напряженности в польско-российских отношениях. При-

ход к власти президента Владимира Путина вызвал дальнейшее ухудшение двусторонних отношений. Возможно, это связано с оценкой роли Польши на мировой арене в настоящее время и в будущем [3, p. 20].

Одним из наиболее важных вызовов для польской дипломатии после 1989 года стало развитие экономических и политических отношений с Российской Федерацией. Для Польши важно, чтобы развивались контакты с Россией, и особенно приграничное сотрудничество с Калининградской областью, единственной территорией, где страны имеют общую границу.

Изменение геополитического значения Калининградской области

Калининградская область Российской Федерации выполняет особую роль в регионе Балтийского моря, прежде всего в связи с особым геополитическим положением, а именно:

- она самая западная часть России;
- расположение на ее территории единственного в России незамерзающего порта на Балтике, в котором дислоцируется Балтийский флот. Флот имеет свои порты также в Финском заливе, но они выполняют скорее второстепенную функцию: они замерзают в зимний период, их пропускная способность меньше и их легко заблокировать;
- она имеет геополитический статус анклава, окруженного государствами-членами ЕС и НАТО [1, p. 70—76].

Регион Балтийского моря не является приоритетом во внешней политике России, но следует отметить, что он играет важную роль в европейском измерении. Балтийское море имеет большое значение для Российской Федерации, прежде всего с точки зрения защиты ее экономических интересов. Еще в 2001 г. премьер-министр России Михаил Касьянов отметил, что половина внешнеторговых морских перевозок осуществляется через Балтийское море. Именно по этой причине наблюдалась заметная активизация внешней политики Москвы по отношению к анклаву и всему региону Балтийского моря, направленная на улучшение социальной и экономической ситуации в регионе.

Принимая во внимание глубоко укоренившееся в России восприятие Балтийского региона как исторических ворот на запад и убеждение российских военных, что Прибалтийские республики являются российской стратегической зоной, необходимость ухода из этих республик была воспринята особенно болезненно с точки зрения стратегических интересов России. Хотя многие российские политики видят риски для безопасности России главным образом на юге и востоке, некоторые аналитические центры, тесно связанные с российскими военными, указывали на проблемы для безопасности России, которые возникнут в Северо-Восточной Европе после вступления Прибалтийских республик в НАТО [1, p. 70—76].

В государствах региона Балтийского моря уже давно наметились тенденции к снижению милитаризации и росту сотрудничества, меньше делается упор на наличие границ, а значение регионализации все более

возрастает. В своей истории Россия редко выступала за подобные изменения. Однако в последнее десятилетие наблюдаются некоторые изменения в ее политике. Выбор России — с некоторыми колебаниями — достоин внимания, хотя проблемы, прямо или косвенно связанные с Калининградской областью РФ, не могут быть проигнорированы. В результате влияния интеграционных процессов в Центральной и Восточной Европе в регионе одним из приоритетных вопросов стал диалог между ЕС и Россией [4, р. 391].

Подчеркивая интересы региона, стоящие перед ним угрозы и возможности, которые возникли в результате вступления Польши и Литвы в ЕС, Россия принимает участие в дискуссии относительно будущего Европы. В этом контексте регион стал важным инструментом европейской политики России, и вполне вероятно, что его значение будет только возрастать.

Развитие приграничного и еврорегионального сотрудничества с Калининградской областью

Польша и страны региона Балтийского моря создавали сеть сотрудничества с 1988 г. Важно, что это сотрудничество не ограничивается национальным уровнем; провинции, земли и города также взаимодействуют между собой. Земля Шлезвиг-Гольштейн работает с регионами Дании, Эстонией, Калининградской областью, Южной Швецией и одним регионом Финляндии. Налажено трансграничное сотрудничество, в него вовлечены предприятия малого и среднего бизнеса, функционируют совместные информационные центры [2, р. 226—245].

Приграничное сотрудничество между Польшей и Калининградской областью осуществляется, среди прочего, в рамках еврорегионов, созданных в пограничных районах — это «Балтика», «Неман» и «Лына — Лава».

Польша участвует в вышеназванных еврорегионах через специально созданные общественные ассоциации, которые объединяют различные организации, заинтересованные в приграничном сотрудничестве. Это связано с определенными финансовыми расходами, например с уплатой членских взносов, но вместе с тем это открывает огромные перспективы и создает взаимовыгодные преимущества. Одно из таких преимуществ — возможность получения финансирования ЕС для реализации местных проектов. Но в проектах должен участвовать, по крайней мере, один крупный иностранный партнер из еврорегиона. Этим диктуется необходимость установления приграничных контактов, среди которых могут быть и контакты с соседней Калининградской областью. Еврорегионы путем регулирования информационных потоков и перераспределения фондов ЕС оказывают давление на местные власти в Польше с целью поиска партнеров за рубежом. Таким образом, они играют важную роль в стимулировании приграничного сотрудничества. Кроме того, структура еврорегионов позволяет сотрудникам местных административных органов получать опыт, обращаясь за грантами ЕС и

в программы помощи ЕС. Малые проекты в рамках еврорегионов более всего способствуют укреплению контактов и формированию прочных отношений между зарубежными партнерами в приграничных регионах [2, p. 226—245].

Приграничное сотрудничество между польскими воеводствами и Калининградской областью может способствовать социально-экономическому развитию через реализацию совместных проектов, которые могут быть поддержаны Европейским союзом. Приграничное сотрудничество в рамках Евросоюза и других международных организаций поднимает вопросы транснационального и многоуровневого управления. Такого рода сотрудничество влияет на региональное развитие посредством установления связей между политическими, экономическими или культурными кругами. Это сотрудничество создает новые возможности в следующих областях регионального развития:

- содействие развитию городских, сельских и прибрежных территорий;
- укрепление духа предпринимательства;
- развитие малых и средних предприятий, в том числе в секторе туризма;
- разработка инициатив в области занятости на местах;
- улучшение транспортной инфраструктуры, информационных и коммуникационных сетей;
- рост человеческого и институционального потенциала для развития приграничного сотрудничества [8, p. 7—12].

Калининградская область и национальная безопасность Польши

В декабре 2011 г. в Москве было подписано соглашение между Правительством Республики Польша и Правительством Российской Федерации о малом пограничном движении. Оно предусматривает, что жители определенных регионов Польши, а именно Поморского и Мазурского воеводств, в дальнейшем будут пересекать польско-российскую границу в безвизовом режиме. Им необходимо будет иметь только действующий паспорт (проездной документ) и специальное разрешение, дающее право на осуществление местного приграничного движения. Соглашение о малом пограничном движении касается исключительно наземных погранпереходов (автомобильным или железнодорожным транспортом)¹.

До настоящего времени среди польских политических партий существовал консенсус в отношении польско-российских отношений, касающихся Калининградской области. Однако исключением из этого пра-

¹ См.: Соглашение о малом приграничном движении между Калининградской областью и Польшей [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вила стал вопрос подписания соглашения о малом пограничном движении. Некоторые из политических партий, такие как «Право и Справедливость» и «Солидарность», выразили претензии к данному соглашению. Фактически, они проголосовали против его ратификации. Ими были высказаны следующие возражения. По их мнению, соглашение устанавливает преференциальные принципы местного приграничного движения. Они также утверждают, что Калининградская область является единственным анклавом в непосредственной близости от Европейского союза и НАТО, которая используется в военных целях. Именно поэтому усилия польского правительства, направленные на создание весьма льготных условий для местного приграничного движения и соответственно распространение действия этих льготных условий на территорию всей Калининградской области, кажутся безосновательными и несовместимыми с российской политикой, явно направленной на подрыв оборонительной системы и политической мощи Польши. В частности, польская оппозиция указывает на строительство газопровода «Северный поток» по дну Балтийского моря и эмбарго на поставки продуктов питания из Польши. Есть также и другие нерешенные проблемы, например вопрос судоходства в Вислинском заливе или проход польских судов через Пилавский пролив [6, р. 38].

В ходе голосования о ратификации соглашения было указано, что Россия предпринимает действия, которые наносят ущерб польской оборонительной системе, что, в свою очередь, может угрожать польскому суверенитету. Польские политики также упоминали планы России по развертыванию в Калининградской области ракетного комплекса «Искандер». Важно отметить, что ракеты «Искандер» с радиусом действия от 350 до 500 км будут направлены главным образом на Польшу. Комплекс «Искандер» также может быть средством доставки тактического ядерного оружия. Агентство «Интерфакс» сообщило, что существуют планы развертывания в Калининградской области зенитно-ракетного комплекса четвертого поколения С-400 «Триумф». По данным российских источников, система может одновременно отслеживать и вести шесть различных целей в радиусе поражения до 400 км. Кроме того, 30 ноября прошлого года в Калининградской области была введена в строй новая радиолокационная станция «Воронеж-ДМ». Ее дальность составляет 4,5 тыс. км и может быть увеличена до 6 тыс. км. В отличие от старых РЛС, таких как «Днепр» и «Волга», новая система способна отслеживать и контролировать не только стратегические ракеты, но также и ракеты оперативно-тактического назначения [6, р. 39]. Согласно представителям правых польских партий, эти действия подрывают политическое и военное положение Польши. Министр иностранных дел Радослав Сикорский в своих высказываниях подчеркнул: «Мы рады, что соглашение о местном пограничном движении с Калининградской областью должно вскоре вступить в силу. И более всего мы удивлены планами по размещению наступательного вооружения нового поколения в этом регионе» [7].

Малое приграничное движение

В марте 2012 г. Совет министров обозначил приоритеты внешней политики Польши на 2012—2016 гг. Некоторые из них касались отношений с Российской Федерацией и Калининградской областью. Правительство Польши подчеркнуло, что «Польша намерена поддерживать хорошие, прагматичные отношения с Россией на основе взаимности. Благодаря положительной динамике в этих отношениях можно активизировать политический диалог и экономические контакты. Россия также стремится к сближению с Европой. Теперь это вызвано главным образом реализацией официальной программы модернизации страны, которая ориентирована на проведение исследований и разработку технологий. В этой связи Польша поддерживает усилия России, направленные на выполнение условий членства в ОЭСР. Наряду с поддержкой Польшей российских реформ Варшава также среди прочего должна делать акцент на свое видение инициативы ЕС «Партнерство для модернизации», которое будет основано не только на передаче технологий, но и на поддержке процесса укрепления верховенства закона и политического плюрализма. Соглашение о правилах местного пограничного движения с Калининградской областью может стать испытанием ее практической реализации. Польша выступает также за поддержку скорейшего завершения переговоров по подписанию нового всеобъемлющего соглашения между Россией и ЕС, которое в том числе будет касаться вопросов взаимной защиты инвестиций и станет толчком к началу переговоров о подписании соглашения о свободной торговле между Россией и Евросоюзом. В связи с этим России и всем ближайшим восточным соседям Европейского союза необходимы систематические усилия по либерализации визового режима. Однако это должно быть сделано, по крайней мере, на основе взаимности и параллелизма для стран-участников проекта «Восточное партнерство» и России» [5, р. 18].

Выводы

Проанализировав проблематику Калининградской области и внешней политики Польши в 1989—2011 гг., можно сделать следующие выводы:

- Калининград не был одним из главных приоритетов польской дипломатии, он также не является приоритетом в польско-российских отношениях;
- Российский анклав в первой половине 90-х гг. воспринимался правительством Польши в основном через призму военных угроз;
- Польша считала Калининградскую область важным фактором развития безопасности и стабильности в регионе Балтийского моря;
- В своих отношениях с российским анклавом Польша обращала особое внимание на развитие приграничного сотрудничества;
- Российско-польское приграничное сотрудничество во многом было обусловлено состоянием политических отношений на межгосударственном уровне;

— Калининград начал играть более значительную роль в польской внешней политике еще до присоединения Польши к Европейскому союзу, что было вызвано вопросом введения виз для российских граждан;

— Успех переговоров о малом пограничном движении был признан властями двух стран одним из крупных прорывов в двусторонних отношениях после вступления Польши в Европейский союз;

— Реализация соглашения о малом пограничном движении может улучшить приграничное взаимодействие, однако оно существенно не изменит роль Калининградской области во внешней политике Польши.

Настоящая статья публикуется по результатам конференции «Обице пространства России и Европейского союза: актуальные проблемы и пути их решения», которая была организована Центром ЕС БФУ им. И. Канта (www.kantiana.ru/eu4u) и состоялась в г. Великий Новгород 25—26 мая 2012 г.

Список литературы

1. *Chelminiak M., Kotowicz W.* The geopolitical significance of the Kaliningrad oblast from the perspective of Russian interests in the Russian Sea Region // Palmowski, T. (ed.). The Framework of regional development in cross-border areas of North-Eastern Poland and the Kaliningrad Oblast. Gdynia-Pelplin, 2004. P. 70—76.

2. *Chelminiak M., Kotowicz W., Modzelewski W.T.* The Polish — Russian Cross-Border Cooperation. Institutional Conditions and Perspectives of Regional Development // T. Palmowski, Y. Matviyishyn (ed.). Problems of Regional Development in Border Regions of Ukraine and Poland. Lviv, 2006. P. 226—245.

3. *Kaczmarek M., Smolar E.* The European Union and Russia 2004—2007 // CSM Policy Paper. 2007. September. P. 20.

4. *Kotowicz W.* Życie polityczne Obwodu Kaliningradzkiego Federacji Rosyjskiej. Stymulatory endogeniczne i egzogeniczne. Toruń, 2012. P. 391.

5. *Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012—2016.* Warszawa, 2012. Marzec. P. 18.

6. *Sprawozdanie* Stenograficzne z 10. posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 14 marca 2012 r. Warszawa, 2012. P. 38.

7. *The Minister of Foreign Affairs on Polish Foreign Policy for 2012.* URL: <http://msz.gov.pl/resource/db6d43cf-cd4a-4993-a08b-ce578440f0cd:JCR> (дата обращения: 13.03.2012).

8. *Żukowski A.* Model kontaktów Polski z Obwodem Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej // A. Hołub (ed.), XXI wiek — era kryzysu czy odnowy kulturowej i politycznej świata? Olsztyn, 2006. P. 7—12.

Об авторах

Хелминак Марчин, кандидат политических наук, Институт политологии, Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне.

E-mail: elbing@wp.pl

Котович Войцех, кандидат политических наук, Институт политологии, Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне.

E-mail: jokim@wp.pl

THE FOREIGN POLICY OF POLAND AND THE KALININGRAD REGION
IN 1989—2012

M. Chełminiak, W. Kotowicz

*University of Warmia and Mazury in Olsztyn
2, Oczapowskiego St., Olsztyn, 10—719, Poland*

Received on September 12, 2012

This article sets out to analyse the role of the Kaliningrad region in the Polish foreign policy after 1989. The analysis focuses on the political and regional determinants, which had the greatest impact on the Poland-Kaliningrad region relations. The methodology used in the article is not unusual for political science and is based on analysing original (documents) and secondary (scholarly publications, press articles) sources. The authors also use the system and decision analysis methods. The analysis covers the period after 1989, when the geopolitical changes brought about by the collapse of the Yalta-Potsdam order resulted in Poland redefine the priorities of its foreign policy. One of the most important challenges for the Polish diplomacy after 1989 was the development of economic and political relations with the Russian Federation. Cross-border cooperation between Poland and the Kaliningrad Region is conducted, inter alia, through euroregional structures functioning in the border areas. The analysis of this issue is vital for further cooperation in the Polish-Russian borderland, especially after the conclusion of the local border traffic agreement in 2012.

The authors come to a conclusion that the implementation of the local border traffic agreement can improve cross-border relations but it will not significantly change the role of the Kaliningrad region in the Polish foreign policy.

Key words: Polish foreign policy, cross-border cooperation, Kaliningrad region

References

1. Chełminiak, M., Kotowicz, W. 2004, The geopolitical significance of the Kaliningrad oblast from the perspective of Russian interests in the Russian Sea Region. In: Palmowski, T. (ed.). *The Framework of regional development in cross-border areas of North-Eastern Poland and the Kaliningrad Oblast*, Gdynia-Pelplin, p. 70—76.
2. Chełminiak, M., Kotowicz, W. Modzelewski, W. T. 2006, The Polish — Russian Cross-Border Cooperation. Institutional Conditions and Perspectives of Regional Development. In: Palmowski, T., Matviyishyn, Y. (ed.), *Problems of Regional Development in Border Regions of Ukraine and Poland*, Lviv, pp. 226—245.
3. Kaczmarek, M., Smolar, E. 2007, The European Union and Russia 2004—2007, *CSM Policy Paper*, September, 2007, p. 20.
4. Kotowicz, W., 2012, *Życie polityczne Obwodu Kaliningradzkiego Federacji Rosyjskiej. Stymulatory endogeniczne i egzogeniczne* [Political life Kaliningrad region of the Russian Federation. Stimulators of endogenous and exogenous], Toruń, p. 391.
5. *Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012—2016* [The priorities of Polish foreign policy 2012—2016], 2012, Warszawa, marzec 2012, p. 18.

6. *Sprawozdanie Stenograficzne z 10. posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 14 marca 2012 r.* [Shorthand report of the 10th meeting of the Polish Sejm on March 14, 2012,], 2012, Warszawa, p. 38.

7. *The Minister of Foreign Affairs on Polish Foreign Policy for 2012*, available at: <http://msz.gov.pl/resource/db6d43cf-cd4a-4993-a08b-ce578440f0cd:JCR> (accessed 13 March 2012).

8. Żukowski, A., 2006, Model kontaktów Polski z Obwodem Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej. In: Hołub, A. (ed.), *XXI wiek — era kryzysu czy odnowy kulturowej i politycznej świata?* [Twenty-first century — the era of crisis and renewal of cultural and political world?] Olsztyn, pp. 7—12.

About authors

Dr Chelminiak Marcin, Institute of Political Science, University of Warmia and Mazury in Olsztyn.

E-mail: elbing@wp.pl

Dr Kotowicz Wojciech, Institute of Political Science, University of Warmia and Mazury in Olsztyn.

E-mail: jokim@wp.pl

УДК 001.83 (474)

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
НАУЧНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО
В БАЛТИЙСКОМ
РЕГИОНЕ:
НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

**Т. Ю. Кузнецова
А. В. Гапанович ***

Рассматриваются процессы международного сотрудничества в научной сфере в Балтийском регионе на основе анализа научных статей, опубликованных в ведущих периодических изданиях с 1993-го по сентябрь 2012 г. Эмпирическим материалом для исследования служила крупнейшая в мире реферативная база данных SciVerse Scopus («Скопус»), позволяющая оценить значения макропоказателей на уровне страны, мира, а также вклад ученых в мировой прогресс. На основе ряда наукометрических показателей, отражающих публикационную активность ученых по анализируемым странам, и развития научной кооперации в области исследования Балтийского региона выполнена оценка эффективности научной деятельности ученых государств, входящих в данный регион. Авторы рассматривают динамику научного вклада и сотрудничества ученых из стран региона Балтийского моря по четырем ведущим предметным областям (сельскохозяйственные и биологические науки; науки о Земле; экология; общественные науки), представленным в наукометрической базе данных SciVerse Scopus. Разработана карта научного сотрудничества ученых из стран Балтийского региона.

Ключевые слова: Балтийский регион, наукометрический анализ, Scopus, международная научная кооперация, научная публикация

Регионализация мира, усиливающаяся в результате его глобализации, ведет к расширению сотрудничества в разнообразных сферах стран, стремящихся усилить свои позиции в мировой экономике. Балтийский регион относится к макрорегионам мира, которые все активнее используют ресурсы международного сотрудничества для повышения конкурентоспособности участников кооперации на мировой арене [10, с. 48]. С каждым годом регион ста-

---

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 18.09.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-7

© Кузнецова Т. Ю., Гапанович А. В., 2012

новится все более открытым для международного экономического и научно-технического сотрудничества. Профессор А. П. Клемешев отмечает, что, «обладая значительным и динамично развивающимся инновационным потенциалом, Балтийский регион представляет интерес для развития сотрудничества России и ЕС как в сферах производства, так и внедрения инноваций. В связи с этим большое значение приобретают специальные научные исследования, с помощью которых могут быть определены возможности и приоритеты направлений сотрудничества» [10, с. 52]. Балтийский регион — важный объект изучения научным сообществом. При этом если до 90-х гг. прошлого столетия ученые отдавали предпочтение научным поискам в океанологии, геологии, экологии и т. п., то на современном этапе они стали уделять большое внимание вопросам международного сотрудничества, экономического развития, политики, образования, культуры и т. п. Активно развивается международная кооперация в научной сфере, о чем свидетельствуют устойчивые контакты с зарубежными партнерами (важный показатель — совместные научные публикации ученых из разных государств).

Цель данной работы — анализ уровня, динамики развития, специализации и географии международной научной кооперации в Балтийском регионе, основанный на изучении научных публикаций.

Наукометрические исследования имеют широкое распространение как за рубежом, так и в России. Наиболее авторитетными зарубежными учеными в этой области являются: Д. Прайс (D. Price) [22—25], заложивший основы данного направления; Ю. Гарфилд (E. Garfield) [30—37], сформулировавший основные положения и принципы теории учета, анализа и использования цитирования; Г. Смолл (H. G. Small) [38—41], разработавший концепцию кластеров социотирования, и др. При проведении данного исследования использовались теоретические разработки российских ученых: Ю. В. Грановского [3—4], Г. Ф. Гордукаловой [5—9], З. Н. Мульченко [17—18], В. А. Маркусовой [12—14], И. В. Маршаковой-Шайкевич [15], В. В. Налимова [18], В. В. Пислякова [21; 42], В. М. Тютюника [29], О. В. Пеньковой [19—20].

Эмпирическим материалом послужила крупнейшая в мире реферативная база данных (БД) «Скопус», содержащая (по состоянию на май 2012 г.) более 45 млн публикаций [27, с. 7—9]. Методика исследования предполагает последовательный наукометрический анализ таких аспектов: публикационная активность ученых в странах региона, анализ Балтийского региона как объекта изучения и оценка уровня развития научной кооперации.

Публикации, входящие в БД «Скопус», по тематике Балтийского региона (поисковые запросы: «Baltic region», «Baltic Sea area») в большей степени касаются следующих наук: науки о Земле (32%); экология (18%); сельскохозяйственные и биологические науки (17%); общественные науки (7%).

На основе четырех ведущих предметных областей была проанализирована публикационная активность ученых стран Балтийского ре-

гиона. В первую очередь следует отметить положительную динамику количества статей по региональной проблематике — с 1993 по 2011 г. их число возросло более чем в 8 раз (рис. 1).

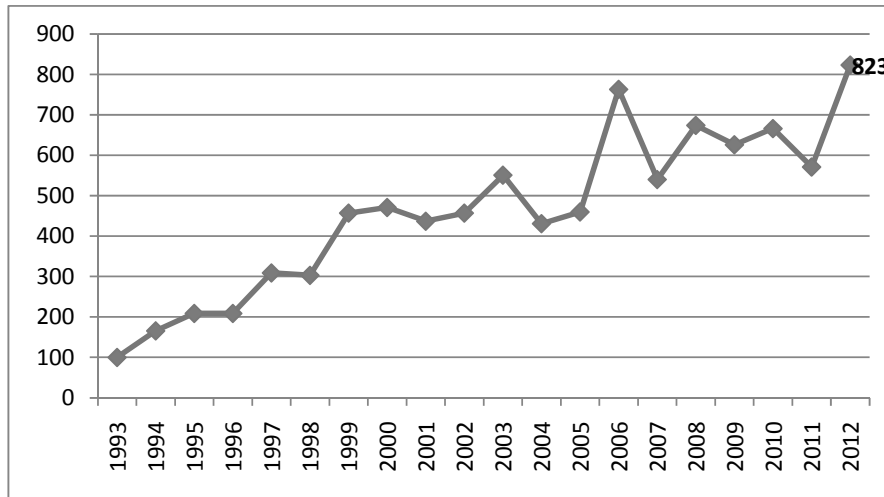

Рис. 1. Количество научных публикаций, подготовленных учеными из стран Балтийского региона по четырем ведущим предметным областям (науки о Земле; экология; сельскохозяйственные и биологические науки; общественные науки) по региональной проблематике, 1993—2012 гг.¹

Публикационная активность ученых в странах Балтийского региона весьма дифференцирована. По данным «Скопуса», на 100 исследователей в России в 2010 г. пришлось 8 научных публикаций, что более чем в 6 раз меньше аналогичного показателя Швеции². К сожалению, российские научные публикации имеют и наиболее низкий уровень цитируемости (рис. 2), что обусловлено рядом факторов: невысокая их доля на английском языке; недостаточная информированность российских ученых о научных статьях своих коллег; отсутствие указаний на российские вузы (НИИ) в трудах наших ученых, работающих за рубежом.

Среднее значение индекса цитирования в расчете на одну публикацию, написанную учеными Балтийского макрорегиона, составляет 1,44 (2010 г.). В среднем же по миру — 1,24. Лидеры цитируемости — научные сообщества Скандинавских государств и Германии.

Анализ суммарного значения индекса Хирша, позволяющего оценить весомость государства в научной сфере, показывает лидирующее положение Германии, России и Польши. По данным рейтинга «SCImago Journal & Country Rank-2010», ежегодно предоставляющего статистику публикационной активности и цитирования журналов и стран на основе информации БД «Скопус», приведенного на аналитическом портале «SCImago Journal & Country Rank», названные страны занимают чет-

¹ Сост. авт. по: *The SCImago Journal & Country Rank*. URL: <http://www.scimagojr.com/index.php> (дата обращения: 20.08.2012).

² Ibid.

вертое, шестнадцатое и двадцатое место соответственно. Доля государств региона в общемировом значении индекса Хирша практически равна общему количеству публикаций и составляет около 11 % (рис. 3).

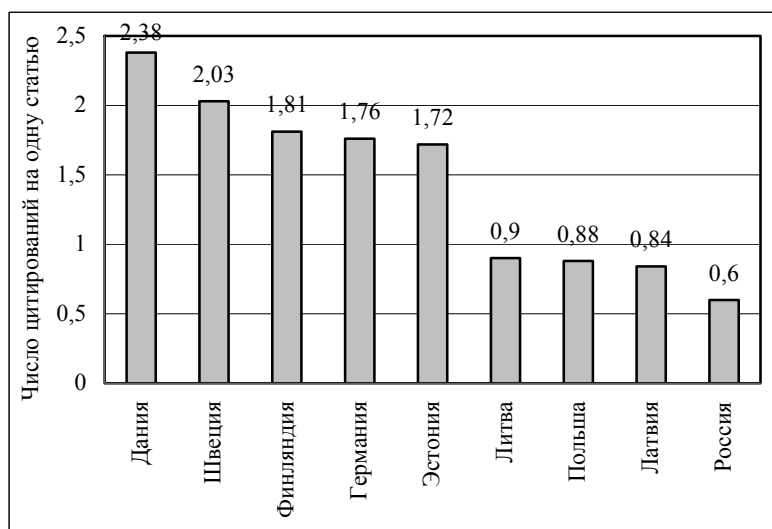

Рис. 2. Средний уровень цитируемости на одну статью (все предметные области БД «Скопус») в странах Балтийского региона³

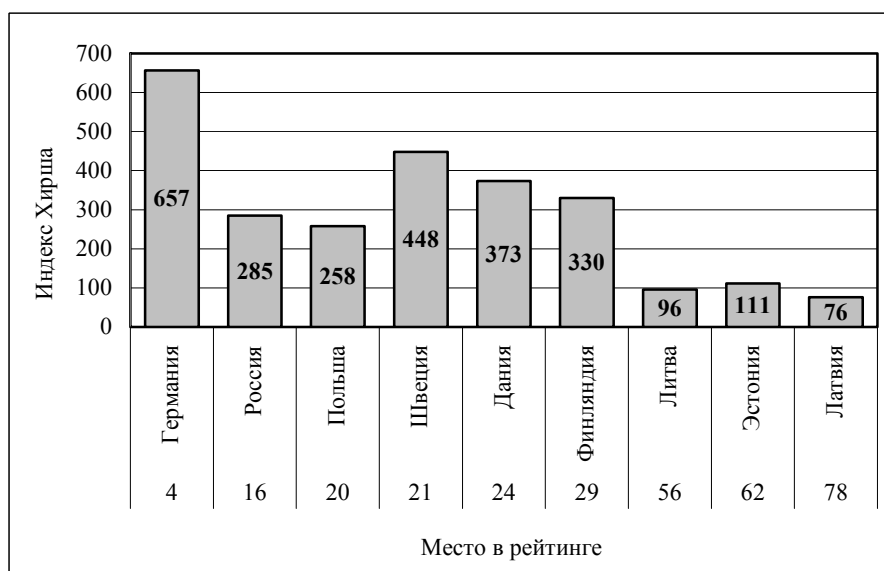

Рис. 3. Индекс Хирша стран Балтийского макрорегиона⁴

³ Сост. авт. по: *The SCImago Journal & Country Rank*.

⁴ Ibid.

Таким образом, оценка эффективности и продуктивности ученых стран Балтийского региона, выполненная через призму библиометрических показателей, отражает лидирующее положение Германии, Дании и Скандинавских государств. Этот результат свидетельствует об общем уровне научно-технического и инновационного развития государств, что подтверждается выводами ряда работ [1; 16], в которых комплексный анализ данной сферы также указывает на лидирующее положение названных стран.

Важным объектом исследования является и сам Балтийский регион, который изучается представителями различных наук — более 150 международных научных журналов публикуют статьи, посвященные этому региону.

На основе наукометрических показателей были проанализированы научные статьи ученых из государств макрорегиона, изучающих регион Балтийского моря по четырем ведущим направлениям (рис. 4).

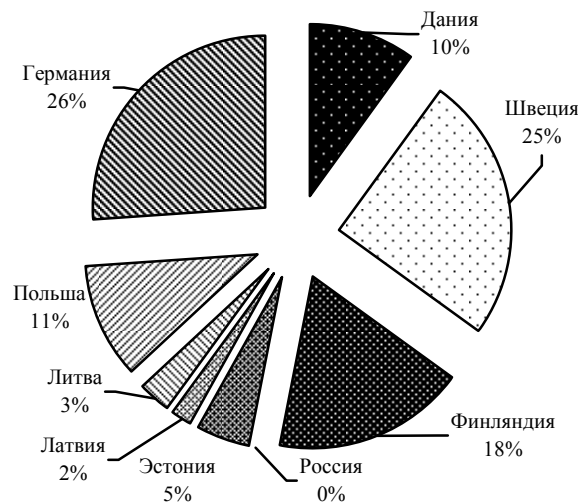

Рис. 4. Доля ученых из стран Балтийского региона, опубликовавших статьи, касающиеся проблем региона, 1993—2012 гг.⁵

Можно выделить три группы государств региона Балтийского моря по публикационной активности ученых. В первой группе находятся Германия, Швеция и Финляндия (26—17%), во второй — Дания и Польша (15—11%) и, наконец, в группе «аутсайдеров» (10 — менее 5%) — страны Балтии и Россия. Лидирующее положение Германии объясняется, в частности, высоким уровнем развития науки в целом и государственной заинтересованностью в расширении политического и экономического присутствия в макрорегионе. Еще в 2006 г. канцлер

⁵ Сост. авт. по: *The SCImago Journal & Country Rank*.

ФРГ Г. Шредер, выступая по случаю начала германского председательства в Совете государств Балтийского моря, назвал Балтийский регион «лабораторией для Европы» [2].

Российская Федерация, занимающая третье место в рейтинге публикационной активности «The SCImago Journal & Country Rank», однако среди стран, ученые которых активно исследуют проблемы региона Балтийского моря, а затем обобщают их в научных статьях, практически не представлена. В четырех ведущих областях по тематике Балтийского региона в БД «Скопус» присутствует информация только о 12 публикациях российских ученых. Эта цифра требует комментария. Исторически сложилось так, что в РФ научные исследования проводятся большей частью в области точных наук, что отображено на диаграмме, демонстрирующей тематическое распределение научных исследований российских ученых в 2011 г. (что в целом совпадает с долговременными тенденциями) (рис. 5), тогда как изучение региона Балтийского моря преимущественно проводится в таких предметных областях, как сельскохозяйственные и биологические науки; науки о Земле; экология; общественные науки.

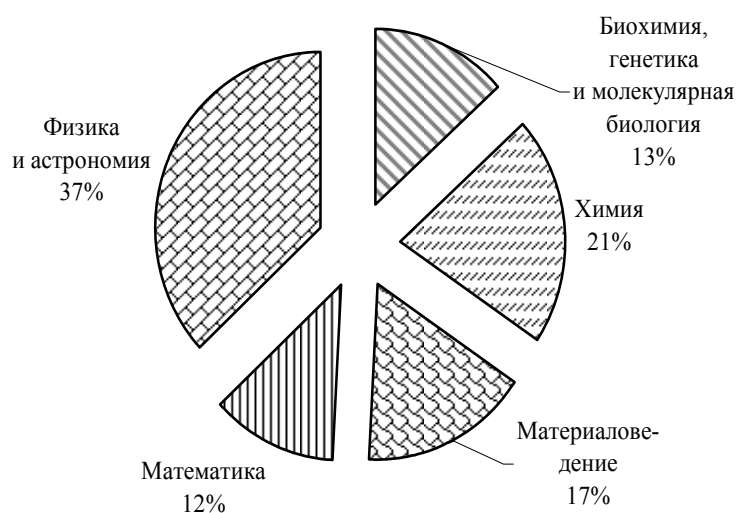

Рис. 5. Предметные области исследований российских ученых, 2011 г.⁶

Начиная с 2000 г. Россия приступила к реализации ряда программ трансграничного сотрудничества в регионе Балтийского моря [11]. В скором времени у наших ученых появится дополнительный стимул для исследования региона. По данным информационного портала «Zaks.ru», Европарламент планирует выделить 100 млн евро для изучения Балтийского региона [28]. И наконец, с июля 2012 г. Российская Федерация приняла у Германии председательство в Совете государств Балтий-

⁶ Сост. авт. по: *The SCImago Journal & Country Rank*.

ского моря. Все эти факторы должны оказать положительное влияние на рост числа исследований Балтийского региона и привести к повышению публикационной активности российских ученых по данной тематике.

Информация аналитического портала «SCImago Journal & Country Rank» также позволяет оценить международную научную кооперацию стран Балтийского региона и проанализировать статьи, авторы которых — ученые из нескольких стран (рис. 6).

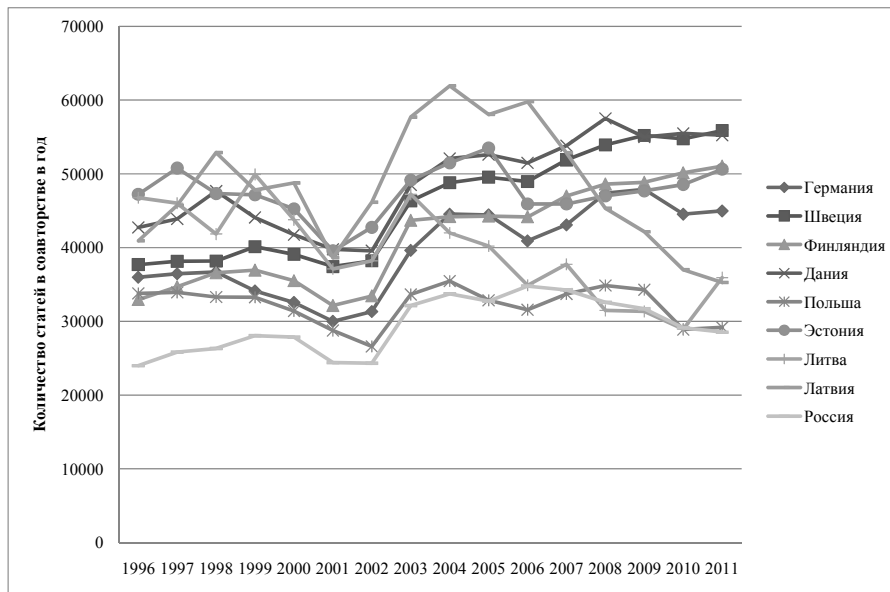

Рис. 6. Число статей, написанных международными коллективами авторов из стран Балтийского макрорегиона, 1996—2011 гг.⁷

Из рисунка видно, что наибольшее количество статей, написанных в соавторстве, опубликовано учеными из Латвии, Дании и Швеции. Во второй группе — Эстония, Финляндия, Германия, в третьей — Литва, Польша, Россия.

Расположение Финляндии и Германии во второй группе можно объяснить оптимальным сочетанием собственных авторских ресурсов, уровнем развития научного потенциала и развитой сетью международных контактов. Все это позволяет этим странам занимать высокие позиции как в публикационной активности, так и в показателях цитируемости (см. рис. 2). Ученые Латвии же, напротив, активно привлекают в соавторы исследователей из других государств. Так, из 39005 статей, представленных в «Скопусе» в 2011 г., 73% написано в соавторстве.

Несколько иная ситуация сложилась при анализе публикаций ученых из стран Балтийского региона, написанных в соавторстве с исследователями из других государств, по тематике региона Балтийского моря (четыре ведущие предметные области).

⁷ Сост. авт. по: *The SCImago Journal & Country Rank*.

Больше всего международные контакты развиты у Германии, Дании и Швеции, меньше — у Финляндии, Польши и Эстонии. Ученые стран постсоветского пространства (Россия, Литва, Латвия) в меньшей степени привлекают в соавторы статей, посвященных проблемам Балтийского региона, ученых из других стран (рис. 7). В России, в частности, это объясняется естественно-научной направленностью государственной политики в области науки и инноваций, а также относительно низкой изученностью тематики макрорегиона [26]. Так, комплексные исследования этой проблематики проводятся Балтийским федеральным университетом им. И. Канта, частично — в МЦСЭИ «Леонтьевский центр», Центром комплексных европейских и международных исследований, Европейским университетом в Санкт-Петербурге, Институтом мировой экономики и международных отношений, Санкт-Петербургским государственным университетом и Российско-балтийским центром Института социологии РАН и некоторыми другими.

Рис. 7. Международная научная кооперация в сфере изучения Балтийского региона, 2011 г.⁸

⁸ Сост. авт. по: *The SCImago Journal & Country Rank*.

Как видно из рисунка 7, наиболее интенсивно развиваются связи между учеными Германии, с одной стороны, и Данией, Швецией и Финляндией — с другой, что объясняется высоким научно-техническим потенциалом Германии в макрорегионе. Устойчивые научные связи характерны для Финляндии, Дании, Швеции, Германии и Эстонии. В 2011 г. в Литве и Латвии не было ни одной публикации в исследуемых базах данных «Скопус», подготовленной международным авторским коллективом. Научное сотрудничество России успешнее всего развивается с Германией и Финляндией. Также отметим положительную динамику совместных научных статей, посвященных Балтийскому региону: с 2000 по 2010 г. их число выросло на 10%.

Таким образом, для стран Балтийского региона характерна значительная дифференциация в уровне и эффективности публикационной активности, что в целом отражает их потенциал научно-технического развития.

Балтийский регион является важным объектом исследования ученых (в большей степени географов, экологов и биологов), однако лишь небольшая часть публикаций по данной тематике готовится в результате совместных исследований ученых стран макрорегиона, при этом наиболее активно научная кооперация развивается в Германии, Дании и Швеции, что можно объяснить рядом факторов, например широким распространением английского языка как средства научной коммуникации, отсутствием политических барьеров в прошлом и длительной историей сотрудничества в различных сферах жизни.

Чтобы усилить позиции России в регионе Балтийского моря, следует расширять и углублять международное сотрудничество, в том числе в образовании и науке.

Для более тесного взаимодействия ученых России с международными коллегами при исследовании Балтийского региона необходимо: налаживание связей научных учреждений с редакциями международных журналов, на страницах которых обсуждаются вопросы развития макрорегиона; создание новых и повышение качества существующих российских журналов по региональной проблематике и включение их в международные базы цитирования; активное участие российских ученых в международных конференциях; проведение комплексной работы по повышению их уровня знаний английского языка. Эффективным инструментом активизации совместных научных исследований Балтийского региона с учеными Скандинавских государств, Германии, Польши и стран Балтии могут стать программы приграничного сотрудничества ЕС и усиление научной кооперации с Советом государств Балтийского моря, участие в реализуемых научно-образовательных проектах и инициирование новых.

Дальнейшее развитие научного сотрудничества при изучении Балтийского региона является важным аспектом устойчивого развития макрорегиона и способствует повышению качества и конкурентоспособности национальных научно-образовательных систем.

Список литературы

1. Баторшина И. А., Кузнецова Т. Ю. Национальные инновационные системы стран Балтийского макрорегиона: сравнительный анализ // Исследования Балтийского региона. 2012. №1 (9). С. 30—39.
2. Володькин А. Становление балтийского регионализма // Журнал международного права и международных отношений. 2006. №2. С. 45—51
3. Грановский Ю. В. и др. Использование статистики премий и патентов для оценки развития исследований // Наукометрические исследования в химии. М., 1974. С. 122—130.
4. Грановский Ю. В. Можно ли измерять науку? Исследования В. В. Налимова по наукометрии // Науковедение. 2000. №1. С. 160—183.
5. Гордукалова Г. Ф. Проблемы отбора документов в текущей отраслевой библиографии по общественным наукам : дис. ... канд. пед. наук. Л., 1979.
6. Гордукалова Г. Ф. Документальный поток социальной тематики как объект библиографической деятельности / МК РСФСР ; ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1990.
7. Гордукалова Г. Ф. Сохраним ли профессиональное сообщество? // Совет. библиогр. 1991. №4. С. 13—21.
8. Гордукалова Г. Ф. Статистический мониторинг документального потока // Проблемы дифференциации и интеграции в отраслевой библиографии : межвуз. сб. науч. тр. / науч. ред. Ю. С. Зубов, Н. А. Сляднева. М., 1992. С. 87—98.
9. Гордукалова Г. Ф. Документальный поток в библиографической деятельности: История, теория, технология освоения : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1992.
10. Клемешев А. П. Сравнительная оценка инновационного потенциала стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2011. №2 (8). doi: 10.5922/2074-9848-2011-2-5.
11. Клемешев А. П., Федоров Г. М. Исследования Балтийского региона в РГУ им. И. Канта // Балтийский регион. 2009. №1. С. 95—103. doi: 10.5922/2074-9848-2009-1-11.
12. Маркусова В. А. Цитируемость российских публикаций в мировой научной // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73, №4. С. 291—298.
13. Маркусова В. А. Информационные ресурсы для мониторинга российской науки // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75, №7. С. 607—612.
14. Маркусова В. А. Сравнение научной продуктивности ученых России и других стран Большой восьмерки // Научно-техническая информация. Сер. 1 : Организация и методика информационной работы. 2006. №6. С. 18—27.
15. Маршакова-Шайкевич И. В. Вклад России в развитие науки: библиометрический анализ. М., 1995.
16. Мекинен Х. Инновационный процесс в регионе Балтийского моря // Балтийский регион. 2012. №3 (13). С. 73—86. doi: 10.5922/2074-9848-2012-3-5.
17. Мульченко З. М. Исследование информационных потоков в науке на основе библиографических ссылок : дис. ... канд. техн. наук. М., 1970.
18. Налимов В. В., Мульченко З. М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. М., 1969.
19. Пенькова О. В. Анализ цитирования как наукометрический и библиометрический метод // INFORMETRICS. RU. 2004. URL: <http://informetrics.ru/articles/sn.php?id=65> (дата обращения: 21.07.2012).
20. Пенькова О. В. Тютюнник В. М. Информетрия, наукометрия и библиометрия: наукометрический анализ современного состояния // INFORMETRICS. RU. 2001. URL: <http://informetrics.ru/articles/sn.php?id=45> (дата обращения: 21.07.2012).

21. Писляков В. В. Соавторство российских ученых с зарубежными коллегами: публикации и их цитируемость: Препринт WP6/2010/01. М. : ГУ-ВШЭ, 2010. 40 с. URL: https://www.hse.ru/data/2010/06/01/1219988645/WP6_2010_01_fin.pdf (дата обращения: 17.07.2012).
22. Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке. М., 1966. С. 281—384.
23. Прайс Д. Наука о науке // Там же. 1976. С. 236—254.
24. Прайс Д. Система научных публикаций // УФН. 1966. Т. 90, №2. С. 347—359.
25. Прайс Д., Бивер Д. Сотрудничество в «невидимом» колледже // Коммуникация в современной науке. М., 1976. С. 335—350.
26. Промежуточный отчет о проведении исследования «Регион Балтийского моря в фокусе стратегий развития Европейского союза и Российской Федерации» // Центр приграничного и межрегионального сотрудничества НИУ ВШЭ Санкт-Петербург. URL: http://www.n-west.ru/wp-content/uploads/2000/02/Promezhutochniy-otchyot-issledovaniya_21.03.2012.pdf (дата обращения: 16.08.2012).
27. Редакционная подготовка научных журналов для включения в зарубежные индексы цитирования: методические рекомендации / авт.-сост. О.В. Кириллова. М., 2012. С. 7—9.
28. Россия будет изучать проблемы Балтийского моря совместно с ЕС // Zaks.ru. 2011. 24 августа. URL: <http://www.zaks.ru/new/archive/view/83290> (дата обращения: 17.05.2012).
29. Тютюник В. М. Нобелевские лауреаты: Наукометрические исследования // Фундаментальные исследования. 2008. №5. С.10—13.
30. Garfield E. Citation analysis as a tool in journal evaluating // Science. 1972. Vol. 178, №4060. P. 471—479.
31. Garfield E. Citation indexes for science: a new dimension in documentation through association of ideas // Science. 1955. Vol. 122, №3159. P. 108—111.
32. Garfield E. Citation indexing: its theory and application in science, technology, and humanities. New York: Wiley, 1979.
33. Garfield E. In Tribute to Derek John de Solla Price: A Citation Analysis of Little Science, Big Science // Current Contents. 1985. №24. P. 3—11.
34. Garfield E. The 250 most-cited primary authors, 1961—1975 // Ibid. 1977. №49. P. 5—15.
35. Garfield E. The 250 most-cited primary authors, 1961—1975 // Ibid. 1977. №50. P. 5—15.
36. Garfield E. The 250 most-cited primary authors, 1961—1975 // Ibid. 1977. №51. P. 5—20.
37. Garfield E. Are citation index a law index instrument? // Scientometrics. 1979. Vol. 1, №4. P. 359—375.
38. Small H. G., Crane D. Specificities and disciplines in science and social science: an examination of their structure using citation indexing // Ibid. 1979. Vol. 1. P. 445—461.
39. Small H. G. A co-citation models of scientific specialty: A Longitudinal study of collagen research // Social Stud. Sci. 1977. Vol. 7. P. 139—166.
40. Small H. G. Co-citation in the scientific literature: a new measure of the relationship between two documents // Jour. Amer. Soc. Inform. Sci. 1973. Vol. 24. P. 265—269.
41. Small H. G. Multiple citation patterns in scientific literature: The circle and bill models // Inform. Storage and Retrieval. 1974. Vol. 10. P. 393—402.

42. *Pislyakov V., Shukshina E.* Measuring Excellence in Russia: Highly Cited Papers, Leading Institutions, Patterns of National and International Collaboration // Proceedings of STI 2012 Montréal. 17th International Conference on Science and Technology Indicators. Montréal: Science-Metrix, OST, 2012. Vol. 2. P. 651—662. URL: http://2012.sticonference.org/Proceedings/vol2/Pislyakov_Measuring_651.pdf (дата обращения: 17.07.2012).

Об авторах

Кузнецова Татьяна Юрьевна, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и геополитики, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: tikuznetsova@kantiana.ru

Гапанович Анна Вячеславовна, аспирантка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: agapanovich@kantiana.ru

INTERNATIONAL RESEARCH COOPERATION IN THE BALTIC REGION: A SCIENTOMETRIC ANALYSIS

T. Yu. Kuznetsova, A. V. Gapanovich

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on September 18, 2012

This article examines the processes of international research cooperation in the Baltic through an analysis of research works published by the leading periodicals in 1993—2012. The world's largest abstract and citation database SciVerse Scopus, which makes it possible to evaluate macroindicators at the national and global level, as well as the contribution on scholars to the global process, is used as empirical material. The article also offers an assessment of the efficiency of research activities in the given states conducted on the basis of a number of scientometric indicators reflecting the publishing activity of scholars in the countries analysed and the development of research cooperation in the field of Baltic studies. The authors consider the dynamics of research contribution and cooperation between scholars of the Baltic Sea countries in four leading fields (agricultural and biological sciences, Earth sciences, ecology, social sciences) resented in the SciVerse Scopus scientometric database. The article also offers a map of research cooperation between Baltic scholars.

Key words: Baltic region, scientometric analysis, Scopus, international research cooperation, scientific publication

References

1. Batorshina, I. A., Kuznetsova, T. Yu. 2012, Nacional'nye innovacionnye sistemy stran Baltijskogo makroregiona: sravnitel'nyj analiz [National innovation systems of the Baltic Sea macro-region: a comparative analysis], *Issledovaniâ Baltijskogo regiona*, no. 1 (9), p. 30—39.
2. Volodkin, A. 2006, Baltic Regionalism Emergence, *Journal of International Law and International Relations*, no. 2, available at: <http://evolutio.info/content/view/1013/176/>; http://en.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=83&Itemid=46 (accessed 15 July 2012).
3. Granovsky, Yu. V. and all. 1974, Ispol'zovanie statistiki premij i patentov dlja ocenki razvitiya issledovanij [Using Statistics awards and patents for evaluation of research]. In: *Naukometricheskie issledovaniya v himii* [Scientometric studies in chemistry], Moscow, p. 122—130.
4. Granovsky, Yu. V. 2002, Is It Possible to Measure Science? V. V. Nalimov's Research in Scientometrics, *Scientometrics*, Vol. 52, no. 2, p. 127—150, available at: <http://link.springer.com/article/10.1023/A%3A1017991017982?null> (accessed 15 July 2012).
5. Gordukalova, G. F. 1979, *Problemy otbora dokumentov v tekuwej otraslevoj bibliografii po obvestvennym naukam*: diss.. kand. ped. nauk [The problem of selection of documents in the current bibliography of social studies: summary of dis. ... candidate of pedagogic. sciences], Leningrad.
6. Gordukalova, G. F. 1990, *Dokumental'nyj potok social'noj tematiki kak obekt bibliograficheskoy dejatel'nosti* [Documentary stream social dimension as the object of the bibliographic], Leningrad.
7. Gordukalova, G. F. 1991, Sohranim li professional'noe soobshestvo? [To maintain the professional community?] *Sovet, bibliogr.* [Council, ref], no. 4, p. 13—21.
8. Gordukalova, G. F. 1992, Statisticheskij monitoring dokumental'nogo potoka [Statistical monitoring of the flow of the documentary]. In: Zubov, Yu. S. (ed.), *Problemy differenciacii i integracii v otraslevoj bibliografii* [Problems of differentiation and integration in the bibliography], Moscow, p. 87—98.
9. Gordukalova, G. F. 1992, *Dokumental'nyj potok v bibliograficheskoy dejatel'nosti: Istorija, teorija, tehnologija osvoenija*: diss.. d-ra ped. nauk [Documentary flow bibliographic activities: History, theory, technology development: PhD thesis], Saint Petersburg.
10. Klemeshev, A. P. 2011, A comparative assessment of the innovation potential of the Baltic Sea region countries, *Baltic Region*, no. 2 (8), p. 43—48. doi: 10.5922/2079-8555-2011-2-5, available at: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/1ee/Andrei%20P.%20Klemeshev_43-48.pdf (accessed 15 July 2012).
11. Klemeshev, A., Fedorov, G. 2009, Baltic Studies at the I. Kant State University of Russia, *Baltic Region*, no 1, p. 95—103. doi: 10.5922/2079-8555-2009-1-11, available at: <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/107/Klemeshev%20A.,%20Fedorov%20%20G.pdf> (accessed 5 August 2012).
12. Markusova, V. A. 2003, Citiruemost' rossijskih publikacij v mirovoj nauchnoj [Cited Russian publications in international scientific], *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], Vol. 73, no. 4, p. 291—298.
13. Markusova, V. A. 2005, Informacionnye resursy dlja monitoringa rossijskoj nauki [Information resources for the monitoring of Russian science], *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], Vol. 75, no. 7, p. 607—612.

14. Markusova, V. A. 2006, Sravnenie nauchnoj produktivnosti uchenyh Rossii i drugih stran Bol'shoj vos'merki [Comparison of scientific productivity of scientists from Russia and other countries of the Group of Eight], *Nauchno-tehnicheskaja informacija* [Scientific and technological information], Ser. 1, Organizacija i metodika informacionnoj raboty [Organization and method of information work], no. 6, p. 18—27.

15. Marshakova-Shaykevich, I. V. 1995, *Vklad Rossii v razvitie nauki: bibliometricheskij analiz* [Russia's contribution to the development of science: bibliometric analysis], Moscow, Janus.

16. Mäkinen, H. 2012, Innovacionnyj process v regione Baltijskogo morja [The innovative process in the Baltic Sea region], *Balt. Reg.*, no. 3(13), p. 73—86. doi: 10.5922/2074-9848-2012-3-5, available at: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/997/pmygpcomprnoj_73—86.pdf (accessed 1 July 2012).

17. Mulchenko, Z. M. 1970, *Issledovanie informacionnyh potokov v nauke na osnove bibliograficheskikh ssylok*: dis. ... kand. tehn. nauk. [Investigation of information flow in science-based bibliographic references: PhD thesis], Moscow.

18. Nalimov, V. V., Mulchenko, Z. M. 1969, *Naukometrija. Izuchenie razvitija nauki kak informacionnogo processa* [Scientometrics. Study of the development of science as a process of information], Moscow, Nauka.

19. Penkova, O. V. 2004, Analiz citirovanija kak naukometricheskij i bibliometricheskij metod [Citation analysis as Scientometric and bibliometric method], *INFORMETRICS. RU*, available at: <http://informetrics.ru/articles/sn.php?id=65> (accessed 21 July 2012).

20. Penkova, O. V. Tyutyunnik, V. M. 2001, Informetrija, naukometrija i bibliometrija: naukometricheskij analiz sovremennogo sostojanija [Informetriya, scientometrics and bibliometriya: Scientometric analysis of the current state], *INFORMETRICS. RU*, available at: <http://informetrics.ru/articles/sn.php?id=45> (accessed 21 July 2012).

21. Pisyakov, V. V. 2010, Soavtorstvo rossijskikh uchenyh s zarubezhnymi kolegami: publikacii i ih citiruemost' [Co-authorship of Russian scientists with foreign colleagues: publications and their citation], *Preprint WP6/2010/01*, Moscow, available at: https://www.hse.ru/data/2010/06/01/1219988645/WP6_2010_01fin.pdf (accessed 17 July 2012).

22. De Solla Price, D. J. 1963, *Little science, big science*, New York, Columbia University Press.

23. De Solla Price, D. J. 1976, *Nauka o nauke* [The Science of Science], Moscow, p. 236—254.

24. De Solla Price, D. J. 1965, Networks of Scientific Papers, *Science*, 149 (3683): 510—515. doi:10.1126/science.149.3683.510

25. De Solla Price D. J., Beaver D. 1966, Collaboration in an invisible college, *American Psychologist*, Vol. 21, p. 1011—1018.

26. Promezhutochnyj otchjot o provedenii issledovanija «Region Baltijskogo morja v fokuse strategij razvitija Evropejskogo sojuza i Rossijskoj Federacii» [Interim report on the study, "The Baltic Sea Region in focus development strategies of the European Union and the Russian Federation"], available at: http://www.n-west.ru/wp-content/uploads/2000/02/Promezhutochnyy-otchyot-issledovaniya_21.03.2012.pdf (accessed 16 August 2012).

27. Kirillova, O. V. (ed.). 2012, *Redakcionnaja podgotovka nauchnyh zhurnalov dlja vkljuchenija v zarubezhnye indeksy citirovanija: metodicheskie rekomendacii* [Editorial preparation of scientific journals for inclusion in foreign citation indexes: guidelines], Moscow, VINITI, p. 7—9.

28. Rossija budet izuchat' problemy Baltijskogo morja sovmestno s ES [Russia will study the problems of the Baltic Sea with the EU], 2011, *Zaks. ru*, 24 August, available at: <http://www.zaks.ru/new/archive/view/83290> (accessed 17 May 2012).

29. Tyutyunnik, V.M. 2008, Nobelevskie laureaty: Naukometricheskie issledovaniya [Nobel laureates Scientometric study], *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], no. 5, p. 10—13.
30. Garfield, E. 1972, Citation analysis as a tool in journal evaluating, *Science*, Vol.178, no. 4060, p. 471—479.
31. Garfield, E. 1955, Citation indexes for science: a new dimension in documentation through association of ideas, *Science*, Vol. 122, no. 3159, p. 108—111.
32. Garfield, E. 1979, *Citation indexing: its theory and application in science, technology, and humanities*, New York, Wiley.
33. Garfield, E. 1985, In Tribute to Derek John de Solla Price: A Citation Analysis of Little Science, Big Science, *Current Contents*, no. 24, p. 3—11.
34. Garfield, E. 1977, The 250 most-cited primary authors, 1961—1975, *Current Contents*, no. 49, p. 5—15.
35. Garfield, E. 1977, The 250 most-cited primary authors, 1961—1975, *Current Contents*, no. 50, p. 5—15.
36. Garfield, E. 1977, The 250 most-cited primary authors, 1961—1975, *Current Contents*, no. 51. P. 5—20.
37. Garfield, E. 1979, Are citation index a law index instrument? *Scientometrics*, Vol. 1, no. 4, p. 359—375.
38. Small, H.G., Crane, D. 1979, Specificities and disciplines in science and social science: an examination of their structure using citation indexing, *Scientometrics*, Vol. 1, p. 445—461.
39. Small, H.G. 1977, A co-citation models of scientific specialty: A Longitudinal study of collagen research, *Social Stud. Sci.*, Vol. 7, p. 139—166.
40. Small, H.G. 1973, Co-citation in the scientific literature: a new measure of the relationship between two documents, *Jour. Amer. Soc. Inform. Sci.*, Vol. 24, p. 265—269.
41. Small, H.G. 1974, Multiple citation patterns in scientific literature: The circle and bill models, *Inform. Storage and Retrieval*, Vol. 10, p. 393—402.
42. Pisyakov, V., Shukshina, E. 2012, Measuring Excellence in Russia: Highly Cited Papers, Leading Institutions, Patterns of National and International Collaboration, *Proceedings of STI 2012 Montréal*, 17th International Conference on Science and Technology Indicators. Montréal, Science-Metrix, OST, Vol. 2, p. 651—662 available at: http://2012.sticonference.org/Proceedings/vol2/Pisyakov_Measuring_651.pdf (accessed 17 July 2012).

About authors

Dr Tatyana Yu. Kuznetsova, Associate Professor, Department of Socioeconomic Geography and Geopolitics, Immanuel Kant Baltic Federal University.

Email: tikuznetsova@kantiana.ru

Anna V. Gapanovich, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: agapanovich@kantiana.ru

УДК 316.422.4 (470.26)

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКО-
ЛИТОВСКИХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Г. В. Кретинин
Г. М. Федоров***

Рассматриваются особенности зарождения и формирования российско-литовских экономических связей. Определены истоки современного российско-литовского экономического сотрудничества и перспективы дальнейших взаимовыгодных экономических отношений. Отмечается, что первая попытка установления хозяйственных отношений была сделана в 1919 г., но молодая Литовская Республика взяла курс на европейский Запад, разорвав связи с российским рынком. Однако деятельность властей Литвы не позволила добиться успехов в государственном строительстве, сохранялось общее отсталое экономическое положение государства. Руководство СССР в предвоенный и послевоенный периоды предприняло значительные усилия по улучшению условий жизни в Литве. Несмотря на допущенные ошибки в отношениях с местным населением, приведшие к сопротивлению литовцев советизации республики, в условиях послевоенного восстановления народного хозяйства и острейшего дефицита материальных и людских ресурсов, советскому правительству удалось не просто реформировать и создать социалистическую экономику Литвы, но и превратить ее в индустриально-аграрную республику, с развитым сельским хозяйством, современной промышленностью, основные отрасли которой выпускали продукцию, использовавшуюся в атомной и космической технологиях, авиации и мореплавании. Исследование показало, что постсоветский период привел к кардинальному изменению экономических связей России и Литвы, но сохранил возможность их дальнейшего развития.

---

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 2.10.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-8

© Кретинин Г. В., Федоров Г. М., 2012

Ключевые слова: Литва, Россия, экономика, отношения, рынок, кризис, сельское хозяйство, промышленность, перспективы, развитие

Россия и Литва представляют собой два государства, волею судьбы которым предначертано, раз уж они истори-

чески были и остаются соседями, искать и реализовывать возможности двустороннего сотрудничества во взаимовыгодных интересах.

В частности, политическую особенность в развитии экономических отношений Россия пыталась использовать еще на этапе становления обоих государств, сразу после окончания Первой мировой войны.

Так, еще в 1919 г. при образовании Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики правительство РСФСР оказало ей экономическую помощь на сумму 200 млн рублей. Несмотря на собственные трудности, Советская Россия и Советская Украина поставили новой республике некоторое количество сырья, топлива, строительных материалов, продовольственных товаров и др. Советские республики командировали в Литву специалистов; была предпринята попытка реэвакуации вывезенного в ходе Первой мировой войны промышленного оборудования и другого имущества. Между советскими республиками были ликвидированы таможенные барьеры [1, с. 42].

По объективным причинам (междоусобица, внутренние идеологические противоречия, занятие Вильнюса польскими войсками) развитие экономических отношений вскоре прекратилось.

Весной 1920 г., используя сложности политического и военного положения Советской России, ее острую потребность в мирном урегулировании отношений с соседями, литовская сторона предъявила Москве серьезные экономические претензии.

Литва потребовала выделения ей части золотого фонда, а также военного и торгового флота России, денационализации имущества литовских граждан в РСФСР, возмещения убытков, связанных с мировой войной, реэвакуации имущества, капиталов, вкладов и железнодорожного подвижного состава (то, что было вывезено из Литвы в 1915 г. в связи с немецким наступлением), снабжения вооружением и амуницией формирующихся литовских вооруженных сил, выделения в пользу Литвы пропорциональной части капиталов и имущества России за границей и выкупа имеющих хождение в Литве русских бумажных денег [2, с. 711].

Эти требования Литвы не были удовлетворены, но ей возвратили Вильнюс [см., напр.: 3, с. 10]. Но просто передачей территории советское государство не ограничилось. Учитывая, что Литва была разорена в ходе Первой мировой войны и литовский народ не мог самостоятельно быстро восстановить экономику страны, советское правительство решило безвозмездно передать литовскому правительству 3 млн рублей золотом. Литовский историк К. Навицкас, со ссылкой на прессу христианских демократов, утверждает, что тем самым Россия «помогла литовскому государству ввести в 1922 г. собственную валюту... и таким образом начать экономическое восстановление края» [4, с. 129—130]. Впрочем, это была одна из последних попыток Советской России того периода наладить не политические, а именно экономические отношения двух стран. Но безуспешно.

Предвоенное развитие экономики на территории исторической Литвы предусматривало возможность использования прежде всего обще-

российского рынка. Однако после того как не удалось добиться от России выполнения предъявленных экономических компенсационных требований, литовское правительство берет курс на сотрудничество с Западом.

Произошел не просто отрыв от российского рынка, Литва лишилась и сырьевых ресурсов. В результате намеченный в начале века курс на развитие промышленности (для Литвы — ускоренный, с целью догнать более развитые в промышленном отношении будущие Латвию и Эстонию) привел литовскую экономику к односторонней ориентации на сельскохозяйственное производство.

Впрочем, этому способствовали и объективные обстоятельства.

Польша, завладев Вильнюсским краем, территориально изолировала Литву от СССР. Развитие каких-либо отношений с Польшей или через Польшу с СССР было невозможно. Литва вынуждена была согласиться на установление дипломатических отношений с Польшей только в 1938 г., признав по факту потерю для себя Вильнюсского края [5, с. 36—38]. Экономические интересы Литвы к этому времени были ориентированы на Запад.

Кроме того, документы подтверждают, что к началу Второй мировой войны экономика Литвы имела устойчивый аграрный характер и относительное отставание в промышленном развитии от своих соседей по балтийскому побережью [6, с. 460]. Это было вполне объяснимо. Еще перед Первой мировой войной в структуре промышленности, сконцентрированной на территории будущей Литвы, преобладали пищевая и легкая промышленность (до 70% всего объема производства), что свидетельствовало об аграрном типе экономики [7, с. 11]. Ориентация же на одностороннее сотрудничество с Западом не давала Литве шансов хотя бы догнать в промышленном развитии Латвию и Эстонию.

В межвоенный период в стране была проведена земельная реформа, направленная на создание класса зажиточного крестьянства. Достижению этой цели должна была способствовать организация хуторской системы хозяйства. К 1938 г. хуторское землевладение составило 84% всей крестьянской земли [8, с. 50—51]. Концентрация земельных владений в руках крупных хозяйственников («кулаков и помещиков») в зоне рискованного земледелия привела к тому, что сельское хозяйство Литвы приобрело преимущественно животноводческое направление. Реализация же товарной животноводческой продукции, а также продукции льноводства, вследствие крайне узкого внутреннего рынка, всецело зависела от возможностей ее сбыта на рынках западных европейских стран, особенно Германии и Англии. На долю этих стран приходилось от половины до четырех пятых литовского экспорта и импорта, что давало им возможность пренебрегать торговыми интересами Литвы, диктовать и навязывать свою волю. Такой диктат привел, в частности, к тому, что половина всех хозяйств Литвы продавала продукты животноводства за границу исключительно за счет ограничения внутреннего потребления [9, с. 8].

Торговые партнеры Литвы из-за конкуренции не стремились к развитию промышленного производства сельхозпродукции, довольствуясь экспортом из этой страны сельскохозяйственного сырья. Между тем 86—88 % литовского экспорта составляла как раз продукция сельского хозяйства [6, с. 472].

В целом земельная реформа сыграла положительную роль — сельское хозяйство республики развивалось: увеличивались посевные площади, урожайность, поголовье скота, производство молочной продукции и мяса. За межвоенный период объем животноводческой продукции вырос на 23 % и достиг 57,5 % всей валовой продукции сельского хозяйства [8, с. 57; 10, с. 20—21].

Вместе с тем сельское хозяйство развивалось медленно, материально-техническая база — орудия труда, производственные строения, а также качество земли — была практически на уровне, который существовал еще до Первой мировой войны. Обработка почвы и уборка урожая оставались немеханизированными, повсеместно отсутствовали тракторы, а тем более комбайны, тягловой силой служили только лошади. Село не было электрифицировано, несложные механические установки для молотбы и очистки и сушки зерна применялись в основном только в крупных хозяйствах. В целом (за вычетом рабочего скота) общая энергетическая мощность сельского хозяйства Литвы составляла не более 2—3 десятков тысяч л. с. [8, с. 58].

Из-за таких условий сельскохозяйственного производства материальный уровень жизни сельского населения оставался крайне низким.

Казалось бы, суверенитет Литвы должен был способствовать развитию ряда отраслей обрабатывающей промышленности. И некоторое оживление произошло. Однако внутренний рынок сбыта промышленных товаров народного потребления, производственного назначения, особенно машин и других орудий производства, был крайне ограниченным из-за низкой покупательной способности населения. Не имея возможности опереться на достаточно емкий внутренний рынок, литовские предприятия, естественно, не могли выйти на такой уровень развития, который бы позволил им сбывать свою продукцию в других странах.

Таким образом, промышленность Литвы развивалась медленно, такие важные для индустриализации отрасли, как машиностроение и химическая промышленность, не получили почти никакого развития. Структура промышленности все более приобретала характер, типичный для малых аграрных стран. Так, на пищевую промышленность приходилось около 40 % всей промышленной продукции. За ней следовали текстильная и лесобработывающая отрасли.

До Первой мировой войны в Литве были построены крупные промышленные предприятия, продукция которых реализовывалась в России. В результате разрыва экономических связей с восточным соседом продукция, например, крупных металлургических заводов в Каунасе большого спроса у населения не имела. Заводы сокращали объем про-

изводства, меняли номенклатуру выпускаемых изделий. Производство многих видов продукции становилось неэкономичным, но заводчикам оно было выгодно из-за высоких цен на изделия для внутреннего рынка [8, с. 62].

Литва имела достаточно большие запасы торфа. Однако в промышленных масштабах они использовались откровенно плохо. В частности, в 1938—1940 гг. его добывалось 140—230 тыс. т в год, что составляло менее 0,1 % выявленных запасов сырого торфа. В топливном балансе всей промышленности (включая производство электроэнергии) он занимал всего лишь 8%. Гидроэнергетические ресурсы почти не использовались. Имевшиеся тепловые электростанции работали на импортируемом каменном угле и дизельном топливе. Ежегодно завозилось из-за границы около 300 тыс. тонн каменного угля, значительная часть которого могла быть заменена местным топливом. Потребление электроэнергии было очень низким, что подтверждало невысокий технический уровень подавляющего большинства промышленных предприятий Литвы [11, с. 3].

С августа 1940 г. Литва не просто стала тринадцатой республикой СССР, в ней началось создание нового экономического строя, при этом республика в полной мере могла рассчитывать на экономическую поддержку всей страны. По сути, в 1940 г. Литва попыталась совершить прорыв в своем экономическом (как и в социальном и культурном тоже) развитии.

Своими силами аграрной стране, с отсталым сельским хозяйством, со слабой технической вооруженностью, низким уровнем образования населения, такой прорыв, естественно, был не по силам.

Между тем создаваемая в республике командно-административная система, опираясь на значительные материальные ресурсы СССР, смогла уже летом 1940 г. не только обеспечить бесперебойную работу национализированной промышленности, но и значительно интенсифицировать ее.

В межвоенный период ограниченность внутреннего рынка и незначительная возможность экспорта для промышленности Литвы являлась труднопреодолимым препятствием в ее развитии. После того как хозяйство Литовской Республики интегрировало в хозяйство СССР, проблема рынка сбыта отпала, а спрос внутреннего рынка на промышленные товары значительно увеличился.

Все это диктовало необходимость расширения ассортимента промышленной продукции, особенно товаров широкого потребления. Планом на 1941 г. предусматривался рост производства продукции национализированной местной промышленности в 2,5 раза, при этом основная идея плана заключалась в удовлетворении местных нужд за счет собственного производства [12, л. 3].

По подсчетам литовских экономистов, вложения в народное хозяйство Советской Литвы в 1941 г., по сравнению с рекордными вложениями в буржуазной Литве в 1939 г., должны были вырасти на 234 %. Был

определен большой объем капитального строительства. Промышленное производство в 1941 г. планировалось увеличить на 75 % по сравнению с производством 1940 г. [13, с. 16].

По оценке литовских специалистов, план промышленного производства на 1941 г. по основным показателям не просто выполнялся. Благодаря помощи союзных республик, которые передавали Литве свой производственный опыт и обеспечивали резко возросшие потребности ее народного хозяйства в материалах и средствах производства (оборудование, металл, уголь, нефть, химикаты, хлопок и т. д.), задания первого полугодия 1941 г. успешно перевыполнялись [14, с. 7].

Планы ускоренного экономического развития Литовской ССР были нарушены военной агрессией Германии против Советского Союза.

Восстановление народного хозяйства Литовской ССР началось сразу же после освобождения ее районов от немецких войск. В условиях большой неопределенности был составлен первый бюджет на оставшиеся месяцы 1944 г. В октябре 1944 г. постановлением СНК СССР № 1518 он утвержден как «Государственный бюджет Литовской ССР на 1944 г. и IV квартал 1944 г.» [15, л. 9].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что дотация из союзного бюджета составила две трети доходов республиканского бюджета (соответственно: 220 млн 179 тыс. рублей и 140 млн 210 тыс. рублей). Пунктом 2 постановления Наркомфин СССР обязывался отпустить в IV квартале 1944 г. СНК Литовской ССР из резервного фонда СНК СССР на покрытие расходов по бюджету Литовской ССР 63,4 млн рублей [там же].

В целом же с июля 1944 г. и до конца года в республике была проделана большая работа по восстановлению разрушенного народного хозяйства, по созданию нормальных условий жизни и работы населения. В результате за полгода вступили в строй 435 промышленных предприятий, полностью или частично восстановлены электростанции в 20 городах общей мощностью в 7 тыс. кВт. Введено в строй 89,5 тыс. кв. метров жилья [16, л. 7].

Примерно такая же картина с выполнением народнохозяйственного плана в 1944 г. складывалась и в 1945 г. Темпы работ наращивались, в строй вводилось все больше и больше объектов.

Экономисты отмечают, что в 50-е гг. начался быстрый подъем литовской экономики. Этот успех был связан с созданием тяжелой промышленности, и прежде всего развитием машиностроения. При этом основное внимание уделялось организации наукоемких производств (радиотехнике, приборостроению и станкостроению, электротехнике) [17, с. 111, 142].

Высокие темпы промышленного развития Литвы в последующие годы способствовали все более глубокому включению ее экономики в народнохозяйственный комплекс СССР. Интеграция экономик была процессом двусторонним: республика открывала свою экономику для нужд большой страны, получая, в свою очередь, всестороннюю поддержку всего Союза, которая в период становления республиканской эконо-

мики многократно превосходила возможности Литовской ССР. В частности, еще в государственном бюджете Литовской ССР на IV квартал 1944 г. дотация из союзного бюджета составила две трети доходов республиканского бюджета. Да и впоследствии, по крайней мере до середины 50-х годов XX в., республика находилась на «довольствии» бюджета центра (собственные доходы составляли едва ли 20% от прибыльной части бюджета) [15, л. 9].

Интеграционным процессам в значительной степени способствовало создание единой топливно-энергетической системы страны и сети трубопроводного транспорта в 60-е гг. прошлого столетия. Газопровод Дашава — Минск — Вильнюс (1961 г.), нефтепровод Полоцк — Мажейкяй (1979 г.) способствовали развитию в Литве химической промышленности (химический комбинат в Кедайняе, нефтеперерабатывающий комбинат в Мажейкяе и др.) [18, с. 17].

Коренным образом была пересмотрена стратегия развития энергетики республики. Ее руководство выступало за создание изолированной энергосистемы Литовской ССР. В рамках такой стратегии предполагалось строить небольшие, зачастую нерентабельные тепло- и гидроэлектростанции, работающие на местных энергетических ресурсах и привозном твердом или жидком топливе. Наиболее мощной должна была стать каунасская система, «накрывавшая» своими сетями значительную часть территории республики [19, л. 4, 7—8].

К середине 50-х гг. в республике общая мощность электроустановок составила 188,2 тыс. кВт. В 1955 г. началось возведение Каунасской ГЭС мощностью 90 тыс. кВт. Как и в первые послевоенные годы в строительстве этого объекта принимал участие почти весь Советский Союз. В числе поставщиков материалов, оборудования, квалифицированных кадров гидростроителей были города Горький, Минск, Нарва, Кострома, Куйбышев, Свирь и т. д. [20, с. 114—115].

В 1960 г. Каунасская ГЭС была введена в строй. Однако этот успех оказался последним достижением сторонников преобладающего развития гидроэнергетики и самостоятельности системы энергоснабжения в рамках республики. Быстрый рост промышленности, намечаемая сплошная электрификация сельского хозяйства требовали резкого роста темпов производства электроэнергии. В Литве в 1958 г. на душу населения было выработано в четыре раза меньше электроэнергии, чем в среднем в стране [21, с. 11].

Каунасская ГЭС выравнивания темпов развития энергетики не обеспечивала. Наоборот, стало ясно, что дальнейшее строительство новых гидроэлектростанций — тупиковая ветвь развития. Курс на создание самостоятельной, изолированной республиканской энергосистемы себя явно не оправдывал.

В начале 1960-х гг. решение энергетической проблемы в Литве берет в свои руки центр и весьма решительно: было отсрочено дальнейшее строительство гидроэлектростанций и начато сооружение в Элект-

рене ГРЭС мощностью 1,2 млн кВт. Но это был только начальный этап энергетической интеграции Литвы в большое энергохозяйство СССР. В 70-х гг. прошлого века руководство СССР принимает решение о возведении в Литве атомной электростанции [22].

Особенностью экономического развития Литвы в XX в. стал промышленный скачок, начавшийся в советское время. При всем сегодняшнем негативном отношении к этому периоду в бывших советских республиках, стоит заметить, что именно в Литве развитие промышленности шло в соответствии с хорошо продуманными, сбалансированными планами. В Литовской ССР не только развивались наукоемкие производства (электротехника, радиотехника, точное приборостроение), позволившие выйти на уровень промышленного развития соседей, но весьма эффективно развивалось и сельское хозяйство.

По подсчетам специалистов, именно в Литве во второй половине 80-х гг. прошлого века рост национального дохода на душу населения шел самыми быстрыми темпами в стране: в период с 1985 по 1989 г. он вырос на 22,2%, тогда как в среднем по Союзу — на 7,1% [23, с. 13]. Кроме того, у Литвы были и весьма высокие показатели не только по уровню произведенного, но и использованного национального дохода. Причем использование (за редким исключением!) превышало размеры произведенного дохода. В 1988 г. эта разница составило около 10% [24, с. 88].

Разница в производстве и использовании национального дохода создается путем экономических связей за счет других республик. В процессе союзной интеграции происходило усиление интенсивности хозяйственных отношений. При этом два последних десятилетия налицо было превышение ввоза продукции над вывозом. Следует учитывать и тот момент, что основным сырьем для производства в Литве была продукция добывающих отраслей из других республик, которая поставлялась в Литву по явно заниженным ценам. Так, в 1989 г. в сравнении с мировыми ценами нефть, уголь, газ продавались внутри страны в 2—2,5 раза дешевле [25, с. 5]. Следовательно, произведенный национальный доход Литовской ССР в значительной мере складывался и за счет присвоения части национального дохода других республик Советского Союза. Таким образом, внутрисоюзные экономические связи можно характеризовать как один из каналов перераспределения ресурсов в пользу Литовской ССР.

В целом следует констатировать, что история развития стран Балтийского региона в XX в. позволяет вести речь о четко выявленных противоречивых тенденциях интеграции и обособления, о перемене векторов социально-экономического развития и сотрудничества.

Практически у Литвы всегда существовала альтернатива выбора: активное взаимодействие с общероссийским рынком или резкое свертывание внешних хозяйственных связей.

В XX в. Литва предприняла две попытки выхода на европейский рынок. Первая попытка (20—30-е гг.) ничего хорошего Литве не при-

несла. Результатами деятельности тогдашних властей стали территориальные проблемы, общее отсталое экономическое положение государства, сохранение, по сути, натурального аграрного производства, снижение ниже предельного уровня технической оснащённости, нищенское существование значительной части населения. По экономическим показателям Литва значительно уступала даже своим соседям — Латвии и Эстонии.

В следующее двадцатилетие, несмотря на потери, понесенные во время Второй мировой войны, утрату государственного суверенитета, отсталая аграрная Литва вернулась на российский рынок и превратилась в индустриально-аграрную республику, с развитым сельским хозяйством, современной промышленностью, основные отрасли которой выпускали продукцию, использовавшуюся в атомной и космической технологиях, авиации и мореплавании.

«Второе хождение» на Запад в конце прошлого века было связано не просто с резким свертыванием хозяйственных связей как с Россией, так и другими бывшими советскими республиками, но и с кардинальной перестройкой структуры экономики в сторону ее упрощения и с материальными и социальными потерями. Практически рухнул российско-литовский рынок. Нарушились связи между предприятиями, границы оказались закрытыми для сельскохозяйственной продукции, других товаров. Все пришлось начинать заново. При этом экономические связи между Литвой и Россией строились уже на жестких рыночных условиях.

Истоки современных экономических связей между двумя государствами следует искать в договорных отношениях, заключенных в первые годы существования новых государств Российской Федерации и Литовской Республики. До настоящего времени основой торгово-экономического сотрудничества России и Литвы служит соглашение от 1993 г., которое в 2004 г. было адаптировано в связи со вступлением в силу для Литвы Соглашения о партнерстве и сотрудничестве Россия — ЕС [26].

После «разворота» Литвы на Запад основными проблемами для двусторонних экономических отношений стали собственно торговля и транзит. Обе эти проблемы были непосредственно связаны с еще одной — обеспечением нормальной жизнедеятельности и развития Калининградской области РФ, ставшей через несколько лет российским полуанклавом в Евросоюзе.

Меры по налаживанию нормальных, рабочих отношений в экономике во многом из-за политической проблематики оказывались ненадежными и недолговечными. Определенная стабилизация отношений установилась после вступления Литвы в ЕС, когда спорные межгосударственные вопросы стали решаться с участием Евросоюза.

Затем, несмотря на сохранявшиеся сложности в политических отношениях двух стран, торгово-экономическое сотрудничество России и

Литвы начало улучшаться. В 2006—2008 гг. взаимный товарооборот достиг 5 млрд долларов США. Кризис 2008 г. этот процесс замедлил — в 2009 г. товарооборот уменьшился до 4,2 млрд долларов. Однако в 2011 г. наблюдался стремительный рост: по отношению к 2010 г. (4511,9 млн дол.) товарооборот вырос на 87,3% и составил 8437 млн долларов. В первом квартале 2012 г. также увеличился взаимный товарооборот [27].

Инвестиционная деятельность развивается весьма противоречиво. В частности, произошло снижение инвестиционной активности в 2010—2011 гг. что можно отнести к реакции литовской экономики на кризис 2008—2009 гг.

И все же следует ожидать активизации российско-литовских экономических отношений хотя бы потому, что товарная продукция Литвы на Западе сталкивается с жесткой конкуренцией, а в России она традиционно пользуется повышенным спросом.

Необходимо отметить, что крупные литовские инвестиционные проекты реализуются, как правило, в Калининградской области: рыбоперерабатывающее предприятие «Вичюнай-Русь» (7 млн дол.), мясоперерабатывающий завод «Калининградский деликатес» (6 млн дол.), торговый центр «Акрополь» (18 млн дол.) и др. Более того, осенью 2012 г. литовская компания «ARVI ir Ko» подписала соглашение с правительством Калининградской области о строительстве на территории Славского района сахарного завода. Бюджет проекта оценивается в 5 млрд руб. [28, с. 15].

Российско-литовское экономическое сотрудничество в XX—XXI вв. пережило как периоды подъема, так и разрыва. Несмотря на исторические и политические коллизии, оба государства быстро или с большими перерывами находили возможности для налаживания взаимовыгодных контактов. Отношения не ограничивались только торговлей, решением транзитных и других локальных проблем. Спектр связей был весьма обширен.

В последнее время экономическое сотрудничество между двумя государствами получает новые возможности, учитывая вступление России в ВТО, повышение роли приграничного и трансграничного сотрудничества, инновационного развития региональной (балтийской) экономики. Наряду с двусторонними отношениями Литвы и России в экономической области, нельзя исключать особенности географического и политического положения обоих государств как членов ЕС и ЕврАзЭС. В процессе формирования межсоюзных отношений опыт сотрудничества обоих государств может быть востребован.

Список литературы

1. *Пуронас В.* Первые шаги Советской власти в Литве в 1918—1919 гг. // Литва за полвека новой эпохи. Вильнюс, 1967.
2. *Документы* внешней политики СССР. Т. 2 : 1 января 1919 — 30 июля 1920. М., 1958.

3. *Кретинин Г. В.* Государственно-правовые аспекты формирования территории и населения Литвы : исторический очерк. Калининград, 2008.
4. *Навицкас К.* Литва и Антанта (1918—1920). Вильнюс, 1970.
5. *Навицкас К.* Роль Советского Союза в деле защиты жизненных национальных интересов литовского народа в 1917—1940 гг. : автореф. дис. ... ист. наук. Вильнюс, 1965.
6. *СССР и Литва в годы второй мировой войны. Т. 1 : СССР и Литовская Республика (март 1939 — август 1940 г.) : сб. документов.* Vilnius, 2006.
7. *Развитие экономики республик Советской Прибалтики.* Вильнюс, 1982.
8. *Беркманас Э.* Основные черты экономики буржуазной Литвы // Литва за полвека новой эпохи. Вильнюс, 1967.
9. *Каждан В. М.* Внешняя торговля буржуазной Литвы (1920—40 гг.) и участие Литовской ССР во внешней торговле Советского Союза (1960—68 гг.) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1970.
10. *Показатели состояния отдельных отраслей народного хозяйства и культуры Литвы за 1913, 1939 и 1940 годы (краткая статистическая справка).* Вильнюс, 1969.
11. *Кюберис П.* Промышленность Советской Литвы. Вильнюс, 1953.
12. *Объяснительная записка к хозяйственному плану Литовской ССР на 1941 г.* // LCVA, f. R-755, ap. 2, b. 143.
13. *Шумаускас М.* Достижения промышленности Советской Литвы. Вильнюс, 1950.
14. *Дробнис А. А., Мешкаускас К. А.* 20 лет Советской Литвы (1940—1960). М., 1960.
15. LCVA, f. R-755, ap. 2, b. 1.
16. LCVA, f. R-755, ap. 2, b. 16.
17. *Литва за полвека новой эпохи.* Вильнюс, 1967.
18. *Мешкаускас К., Скарджюс И.* Советская Литва в братской семье народов СССР. Вильнюс, 1982.
19. *Материалы по перспективному плану развития народного хозяйства Литовской ССР на 1946—1965 гг.* // LCVA, f. R-755, ap. 2, b. 170.
20. *Жюгджа Р., Смирнов Л.* Литовская ССР : краткий историко-экономический очерк. М., 1957.
21. *Кюберис П.* Достижения промышленности Советской Литвы. Вильнюс, 1959.
22. *Павловский И.* Как политики продали свою страну: Литва меняет энергетическую судьбу // ИА Regnum, 23.12.2009. URL: <http://www.regnum.ru/news1237911.html> (дата обращения: 23.12.2009).
23. *Народное хозяйство в СССР в 1989 г.* М., 1990.
24. *Колпакиди А. И., Мякшев А. П., Никифоров И. В. и др.* Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР. 2010. URL: http://nlvp.ru/reports/Middle_Asia_Pribalty_History_for_www_02.pdf (дата обращения: 08.10.2012).
25. *Экономика и жизнь.* 1990. № 36.
26. *Российско-литовские отношения (справка).* URL: <http://www.mid.ru/ns-reuro.nsf/ZUstrana/58A7F3F65D1AA09EC325758200330E25?opendocument> (дата обращения: 10.10.2012).
27. *Литва.* Обзор торговых отношений с РФ. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/lt/lt_ru_relations/lt_ru_trade/ (дата обращения: 10.10.2012).
28. *Цуканов Н.* Два года у власти // Точка. 2012. № 61—62. С. 14—19.

Об авторах

Кретинин Геннадий Викторович, доктор исторических наук, профессор, директор НОЦ «Балтийский регион», Балтийский федеральный университет им. И. Канта; руководитель Балтийского регионального информационно-аналитического центра РИСИ.

E-mail: baltrisi@baltnet.ru

Федоров Геннадий Михайлович, доктор географических наук, профессор, проректор по научной работе, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: Gfedorov@kantiana.ru

THE HISTORICAL ASPECTS
AND CURRENT ISSUES OF THE DEVELOPMENT
OF RUSSIAN-LITHUANIAN ECONOMIC RELATIONS

G. V. Kretinin, G. M. Fedorov

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on October 2, 2012

This article considers the features of the development of Russian-Lithuanian economic ties. The research and practical significance of this study lies in the identification of the sources of modern Russia-Lithuanian economic cooperation and the prospects of future mutually beneficial economic relations. The first attempt at establishing economic relations was made in 1919. However, young Lithuanian Republic gravitated towards the West, severing ties with the Russian market. However, the initiatives of Lithuanian authorities did not result in successful state building, and the economic situation remained unchanged. The USSR leadership took considerable effort at improving living conditions in Lithuania in the post-war period. Despite the mistakes made in the relations with the local population resulting in Lithuanian resistance to Sovietisation, in the conditions of post-war restoration of national economy and acute deficit of material and human resources, the Soviet leadership managed not only to reform and develop a socialistic economy in Lithuania, but also to turn it into an industrial republic with developed agriculture and modern manufacturing facilities, whose major industries manufactured products used in nuclear and space technologies, aviation, and navigation. The research shows that the post-Soviet period led to a dramatic change in Russian-Lithuanian economic relations, but retained potential for future development.

Key words: Lithuania, Russia, economy, relations, market, crisis, agriculture, industry, prospects, development

References

1. Puronas, V. 1967, Pervye shagi Sovetskoj vlasti v Litve v 1918—1919 gg. [The first steps of Soviet power in Lithuania in 1918—1919]. In: *Litva za polveka novoj epohi* [Lithuania for half a century of a new era], Vilnius, Mintis.
2. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* [Documents of Soviet Foreign Policy], 1958, Part. 2, January 1, 1919 — July 30, 1920, Moscow, Gospolitizdat.
3. Kretinin, G. V. 2008, *Gosudarstvenno-pravovye aspekty formirovanija territorii i naselenija Litvy. Istoricheskij ocherk* [Public legal aspects of the formation of territory and population of Lithuania. historical Overview], Kaliningrad, Izdatelstvo Immanuel Kant State University of Russia.
4. Navickas, K. 1970, *Litva i Antanta (1918—1920)* [Lithuania and the Entente (1918—1920).], Vilnius, Mintis.
5. Navickas, K. 1965, *Rol' Sovetskogo Sojuza v dele zavity zhiznennyh nacional'nyh interesov litovskogo naroda v 1917—1940 gg* [Soviet Union's role in the protection of vital national interests of the people of Lithuania in 1917—1940 years], the author's abstract of the dissertation, Vilnius.
6. *SSSR i Litva v gody vtoroj mirovoj vojny. SSSR i Litovskaja respublika (mart 1939 — avgust 1940 gg.)* [USSR and Lithuania during the Second World War. USSR and the Republic of Lithuania (March 1939 — August 1940.)], 2006, collection of documents, Part. 1, Vinius.
7. *Razvitie jekonomiki respublik Sovetskoj Pribaltiki* [Economic development of the Soviet Baltic republics], 1982, Vinius.
8. Berkmanas, E. 1967, *Osnovnye cherty jekonomiki burzhuaznoj Litvy* [The main features of the economy of bourgeois Lithuania]. In: *Litva za polveka novoj epohi* [Lithuania for half a century of a new era], Vilnius, Mintis.
9. Kazhdan, V. M. 1970, *Vneshnjaja trgovlja burzhuaznoj Litvy (1920—40 gg.) i uchastie Litovskoj SSR vo vneshnej trgovle Sovetskogo Sojuza (1960—68 gg.)*. [Foreign trade of bourgeois Lithuania (1920—40 gg.) And the participation of the Lithuanian SSR in the foreign trade of the Soviet Union (1960—68)], the author's abstract of the dissertation, Moscow.
10. *Pokazateli sostojanija ot del'nyh otraslej narodnogo hozjajstva i kul'tury Litvy za 1913, 1939 i 1940 gody (kratkaja statisticheskaja spravka)* [Indicators of the performance of individual sectors of the economy and culture of Lithuania for 1913, 1939 and 1940 (with a statistical summary)], 1969, Vinius.
11. Kyuberis, P. 1953, *Promyshlennost' Sovetskoj Litvy* [Industry Soviet Lithuania], Vinius.
12. *Objasnitel'naja zapiska k hozjajstvennomu planu Litovskoj SSR na 1941 g.* [Explanatory note to the economic plan of the Lithuanian Soviet Socialist Republic in 1941], *LCVA*, f. R-755, ap. 2, b. 143.
13. Shumauskas, M. 1950, *Dostizhenija promyshlennosti Sovetskoj Litvy* [Industry Achievements of Soviet Lithuania], Vinius, Gosizdat politicheskoy i nauchnoj literatury.
14. Drobnis, A. A., Meshkauskas, K. A. 1960, *20 let Sovetskoj Litvy (1940—1960)* [20 years of Soviet Lithuania (1940—1960)], Moscow, Znanie.
15. *LCVA*, f. R-755, ap. 2, b. 1.
16. *LCVA*, f. R-755, ap. 2, b. 16.
17. *Litva za polveka novoj epohi* [Lithuania for half a century of a new era], 1967, Vinius.
18. Meshkauskas, K., Skardzhyus, I. 1982, *Sovetskaja Litva v bratskoj sem'e narodov SSSR* [Soviet Lithuania in the fraternal family of Soviet peoples], Vinius.

19. Materialy po perspektivnomu planu razvitija narodnogo hozjajstva Litovskoj SSR na 1946—1965 gg [Materials for Long-Term Economic Development Plan of Lithuanian SSR in 1946—1965], *LCVA*, f. R-755, ap. 2, b. 170.
20. Zhyugdzha, R., Smirnov, L. 1957, *Litovskaja SSSR: kratkij istoriko-jekonomiceskij ocherk* [Lithuanian Soviet Union: a brief historical sketch of the economic], Moscow.
21. Kyuberis, P. 1959, *Dostizhenija promyshlennosti Sovetskoj Litvy* [Industry Achievements of Soviet Lithuania], Vinius.
22. Pavlovsky, I. 2009, *Kak politiki prodali svoju stranu: Litva menjaet jenergeticheskiju sud'bu* [As politicians have sold their country: Lithuania changing energy destiny], News-agency *Regnum*, 23 December, available at: <http://www.regnum.ru/news1237911.html> (accessed 23 December 2009).
23. *Narodnoe hozjajstvo v SSSR v 1989 g.* [The Economy of the USSR in 1989], 1990, Moscow.
24. Kolpakidi, A. I., Myakshev, A. P., Nikiforov, I. V., Simindey, V. V., Shadrin, A. Yu., 2010, *Pribaltika i Srednjaja Azija v sostave Rossijskoj imperii i SSSR* [Baltic and Central Asia in the Russian Empire and the Soviet Union], 2010, available at: http://nlvp.ru/reports/Middle_Asia_Pribalty_History_for_www_02.pdf (accessed 08 September 2012).
25. *Ekonomika i zhizn'* [Business and Life], 1990, no. 36.
26. Rossijsko-litovskie otnoshenija (spravka) [Russian-Lithuanian relations (background information)], 2011, *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, 7 November, available at: <http://www.mid.ru/ns-reuro.nsf/ZUstrana/58A7F3F65D1AA09EC325758200330E25?opendocument> (accessed 8 September 2012).
27. Litva. Obzor torgovyh otnoshenij s RF jeksport v Litva [Lithuania. Review of trade relations with Russia exports to Lithuania], *Integrated Foreign Economic Information Portal*, available at: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/lt/lt_ru_relations/lt_ru_trade/ (accessed 8 September 2012).
28. Tsukanov, N. 2012, *Dva goda u vlasti* [Two years in power], *Tochka*, no 61—62, September-October, p. 14—19.

About authors

Prof. Gennady V. Kretinin, Head of Baltic Regional Information and Analytic Centre of the Russian Institute for Strategic Studies; director of the Baltic Region research and education centre, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: baltrisi@baltnet.ru

Prof. Gennady M. Fedorov, Head of the Department of Socioeconomic Geography and Geopolitics, Vice-Rector for Research, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

**СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ
УЧЕБНЫХ ПЛАНОВ
ПОДГОТОВКИ
БАКАЛАВРОВ-
ОКЕАНОЛОГОВ
В УНИВЕРСИТЕТАХ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА,
КЛАЙПЕДЫ
И КАЛИНИНГРАДА**

**В. А. Гриценко
П. М. Жураховская
А. В. Юров***

На основе многоаспектного сравнительного анализа учебных планов подготовки бакалавров-океанологов университетов Санкт-Петербурга, Клайпеды и Калининграда выполнена оценка степеней близости и различия существующих вариантов обучения океанологов в контексте используемых в соответствующих учебных планах наборов компетенций, списков дисциплин, учебных практик, количества часов и кредитов.

Формальное сравнение укрупненных количественных показателей без детализации содержания составных частей учебных планов показала близость всех показателей по общей трудоемкости в зачетных единицах трудоемкости, количеству учебных дисциплин — 50, 56 и 45 и учебным практикам университетов.

Кластеризация наборов компетенций и учебных дисциплин каждого из университетов по укрупненным содержательным направлениям — физико-математическому, общепедагогическому, информационно-компьютерному, геоэкологическому, инструментально-измерительному и другим — дала возможность полнее сравнить их друг с другом.

Результаты исследования позволяют констатировать хорошее взаимное соответствие учебных планов трех университетов в контексте всех выбранных вариантов сравнения. Особенно близость наблюдается в области фундаментальных и профессионально ориентированных дисциплин.

Ключевые слова: бакалавры-океанологи, учебный план, компетенции, зачетные единицы, базовые и вариативные дисциплины, экспертная оценка, подготовка специалистов, устойчивое развитие региона

Хорошо известно, что подготовка специалистов по актуальным аспектам устойчивого развития регионов является частью социально-экономической про-

---

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 11.09.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-9

© Гриценко В. А., Жураховская П. М., Юров А. В., 2012

граммы их развития [1; 6; 34]. Приморские регионы, с одной стороны, обладают значительными ресурсами [28], а с другой — повышенной сложностью увязки природных и социально-экономических интересов и приоритетов развития [18]. Человеческий потенциал также выступает важным фактором благополучия таких регионов [11; 23; 36]. Цель данной работы — сравнение учебных планов подготовки бакалавров-океанологов в трех приморских городах — Клайпеде (Литва), Санкт-Петербурге и Калининграде. Очевидно, что единство профессиональных компетенций, навыков и умений при изучении океанологии позволит лучше понимать и принимать оптимальные управленческие решения административным субъектам прибрежных территорий для такого сложного природного объекта, как Балтийское море [18; 19]. Основой для работы послужили материалы учебных планов подготовки бакалавров по направлениям: «Прикладная гидрометеорология», профиль «Прикладная океанология», 280400.62 (РГГМУ, Санкт-Петербург); «Физическая океанография» 621F80002 (Клайпедский университет, Литва), направление «Гидрометеорология», профиль «Океанология», 021600.62 (БФУ им. И. Канта, Калининград).

Сравнительно недавно в России произошел переход к стандартам третьего поколения подготовки кадров (бакалавр — магистр — аспирант), основанным на компетенциях [19; 30; 32]. Откликаясь на современные тенденции эволюции высшего образования [3; 15; 30; 37] — мобильность студентов и аспирантов, появление международных программ поддержки трансграничных исследований, а также имея в качестве общего природного и социально-экономического объекта изучения регион Балтийского моря, в рамках проекта *eMaris* был выполнен сравнительный анализ соответствия содержательной части учебных планов прибрежных университетов участников проекта.

1. Сравнение компетенций учебных планов

Многоэтапная процедура комплексного анализа была начата с простого сравнения интегральных характеристик учебных планов университетов и показала близость всех учебных планов по этим показателям. Одинаковой оказалась их общая трудоемкость в ЗЕТ (зачетных единицах трудоемкости, или кредитов), примерно одинаковым — общее количество учебных дисциплин — 50, 56 и 45. Близки показатели всех учебных практик университетов. Таким образом, на уровне формальной оценки укрупненных количественных показателей в духе общей идеологии Болонской декларации [3], без детализации содержания базовой, вариативной частей, а также дисциплин по выбору степень соответствия планов трех университетов оказалась хорошей.

Как показало проделанное сравнение, в целом компетенции Балтийского федерального университета им. И. Канта (далее — БФУ) имеют наибольший теоретический уклон (прообразом для создания их набора послужил соответствующий учебный план геофака МГУ), Российского государственного гидрометеорологического университета (далее —

РГГМУ) — наиболее инженерно ориентированными на выполнение нормативных, практических гидрометеорологических работ по территории всей России. Клайпедский университет (Литва, далее — КЛУ) имеет структуру компетенций воспроизводящей, фактически, общеевропейский взгляд на такого рода направления подготовки.

На втором этапе процедуры сравнения учебных планов наборы компетенций каждого из университетов были перегруппированы путем соотнесения каждой из компетенций укрупненным направлениям — физико-математическому, общефилософскому, информационно-компьютерному, геоэкологическому, инструментально-измерительному, работочно-интерпретационному и другим, что позволило полнее сравнить содержание заявленных в каждом из учебных планов университетов наборов. Выбранный вариант сравнения вполне соответствует общему взгляду на методологию педагогических исследований [2; 36].

Первый набор компетенций, наиболее близкий по формулировкам и совпадениям для всех университетов — общекультурный, — включает в себя ориентацию учебных процессов на формирование у своих выпускников культуры мышления, саморазвития, коммуникативности и сотрудничества. Средний балл экспертной оценки соответствия общекультурных компетенций (4,875) подтверждает высокую степень близости общекультурных компетенций университетов. Единство понимания общегуманитарной компоненты проистекает из эволюции общей парадигмы высшего образования в современных условиях [2; 29].

Второй набор компетенций был ассоциирован со знанием информационно-компьютерных технологий будущими выпускниками. Для данного набора в целом сохраняется высокий уровень смысловой близости компетенций учебных планов университетов. Средний балл экспертных оценок компетенций по обучению информационным технологиям (3,6) отражает единство взглядов на профессиональные качества бакалавров-океанологов и некоторые различия в путях их достижения. Как оказалось, общая направленность всех наборов реализует много ранее провозглашенные цели и ориентиры [24; 25].

Следующий блок компетенций определился требованиями к формированию общепрофессиональных навыков будущих выпускников каждого из университетов. Именно этот набор ответственен за уровень фундаментальных знаний бакалавров-выпускников. Средний балл экспертных оценок данного набора равен 3,83. Фактически совпадение несколько выше, поскольку существенное несовпадение констатируется только для одной из подгрупп компетенций. Следует отметить, что собственно содержательная часть указанного направления давно сложилась и приобрела классическую форму в учебной литературе [5; 16; 20].

Еще один набор компетенций был сформирован из качеств, необходимых для решения специфических профессиональных задач направления «Гидрометеорология» в областях проведения измерений, их организации, обработки и анализа экспериментальных данных. Средний балл соответствия этих наборов компетенций университетов-участников проекта — 4,1. Отметим, что из 12 локальных групп только в 2 по-

следних можно констатировать относительно невысокое (оценка — 3), но все еще вполне удовлетворительное совпадение профессиональных компетенций. Данная оценка подтверждает высокий уровень соответствия требований учебных планов участников проекта к формированию профессиональных навыков будущих океанологов. Совпадение более чем приемлемое. Несмотря на более узкую фокусировку на отдельных вопросах подготовки океанологов, для этого направления также имеется уже сложившийся набор учебной литературы [4; 21; 26; 27].

Следующий выделенный набор компетенций определил задачи геоэкологии, рационального природопользования и прикладные океанологические задачи. В силу разности взглядов в странах-участниках на само понимание предмета «геоэкология» полученный уровень соответствия следует признать хорошим. Средняя экспертная оценка, равная 3,6, подтверждает сделанное замечание. Несмотря на заметные различия в понимании подготовки будущих океанологов, здесь также есть монографии, соответствующие требованиям всех учебных планов [10; 13; 22].

Наконец, часть компетенций БФУ им. И. Канта не нашла своего отражения в наборах коллег из университетов по проекту. Их наличие обусловлено большей теоретической направленностью учебного плана университета. Как оказалось, они отражают знания, умения и навыки по более детализированным наборам знаний, таким, как, например, ТС-анализ, синоптические вихри, волновые движения в океане и т.п. Анализ показал, что как составные части они неявно включены в более обобщенные формулировки общепрофессиональных компетенций учебных планов университетов из Санкт-Петербурга и Клайпеды. Как следствие, учебный план БФУ содержит наибольшее количество компетенций — 53, соответственно КЛУ — 46 и РГГМУ — 38. Поэтому появление такого рода компетенций не является сколько-нибудь значимым диссонансом учебных планов приморских университетов. Заметим также, что содержание некоторых из вышеперечисленных спецкурсов БФУ входит, например, в общий курс океанологии университета из Санкт-Петербурга (см., например [16]).

Кроме того, оказалось, что в учебных планах БФУ и КЛУ присутствуют два набора регионально ориентированных компетенций. В Санкт-Петербурге такое направление отсутствует, поскольку региональная привязка учебного плана РГГМУ не предусматривалась изначально. Для БФУ и КЛУ отмечается хорошая степень соответствия регионально привязанных компетенций. Обобщающая монография [9], недавно вышедшая в Санкт-Петербурге, может стать одной из основ для решения учебных проблем.

Таким образом, проделанный анализ позволяет уверенно констатировать более чем приемлемое совпадение наборов компетенций учебных планов подготовки бакалавров-океанологов в университетах городов Санкт-Петербурга, Клайпеды и Калининграда. В таблице собраны все средние оценки соответствия профессиональных компетенций в рамках выбранной системы разбиения. В ней же приводятся значения

веса каждой из подгрупп, определяемого по отношению количества компетенций в подгруппе к их общему числу. Общая средневзвешенная оценка соответствия всех профессиональных компетенций оказалась равной 3,9 балла по пятибалльной шкале оценок.

**Средние значения экспертных оценок соответствия компетенций
внутри выбранных подгрупп университетов-участников проекта
по каждому из наборов компетенций
(общекультурному, информационно-компьютерному,
общепрофессиональному, специальному профессиональному,
геоэкологическому, региональному)**

Показатель	Компетенции					
	Общекультурные	Информационно-компьютерные	Общепрофессиональные	Специальные профессиональные	Геоэкологические	Регионально ориентированные
Средняя экспертная оценка соответствия	4,9	3,6	3,8	4,1	3,6	5
Количество компетенций в группе	8	5	6	12	6	1
Вес набора компетенций	0,2	0,12	0,15	0,29	0,15	0,02
Средневзвешенная оценка	1,0	0,4	0,6	1,2	0,5	0,1
Суммарная средневзвешенная оценка	3,9					

Полученная количественная оценка соответствия компетенций учебных планов университетов Калининграда, Клайпеды и Санкт-Петербурга на основе экспертных оценок соответствия каждой из подгрупп компетенций демонстрирует хорошее соответствие используемых в этих университетах учебных планов при подготовке бакалавров-океанологов. Основные отличия компетентностной ориентации подготовки в данных университетах определяются предысторией каждого из них. Учебный план РГГМУ имеет несколько большую инженерную направленность, БФУ тяготеет к теоретическому, классическому географическому направлению подготовки, Клайпедский университет ближе к компромиссу между этими двумя, в прошлом существовавшими направлениями подготовки специалистов-океанологов.

2. Сравнение учебных дисциплин

Теперь сравним наборы учебных дисциплин университетов участников проекта *eMaris*. На первом этапе рассмотрим содержание каждой из составных частей (или циклов) учебного плана университетов — *гуманитарного, социального, экономического, математического, ес-*

тественно-научного и профессионального, включая их внутреннее подразбиение на базовую и вариативную части, а также наборы дисциплин по выбору.

Сравнивая на формальном уровне количественные показатели, можно констатировать примерно равную значимость (по часам и кредитам) дисциплин гуманитарного цикла у всех участников проекта. В РГГМУ доминирует естественно-математический научный цикл (инженерная ориентация учебного плана сохранилась и при переходе к бакалавриату). В КЛУ и БФУ наблюдается примерное равенство. В профессиональном же цикле лидирует БФУ, адаптировавший и реализовавший у себя аналог учебного плана геофака МГУ, имевшего фундаментально-исследовательскую направленность. РГГМУ и университет г. Клайпеды имеют здесь примерно равные показатели.

Рассмотрим теперь содержание каждого из блоков учебных дисциплин. Первый блок — **общегуманитарный**. Разница в показателях для него незначительна. В учебном плане КЛУ отсутствует предмет «Философия», а «История науки» в Клайпедке заменяет собой общие курсы истории в БФУ.

Второй блок дисциплин — **математика, физика, химия** и т. д. — принято относить к формированию фундаментальных знаний будущих бакалавров. Содержание подгрупп дисциплин традиционно для всех и ориентировано на изучение математики, физики, химии, экологии, информатики и программирования. Обнаруживаемая разница в содержании отмеченных подгрупп учебных дисциплин определяется факультетской «привязанностью» учебных планов: географическая ориентация у БФУ, инженерная — у РГГМУ и общеевропейская — в КЛУ. В частности, в РГГМУ присутствуют дисциплины «Гидромеханика» и «Электротехника», в КЛУ — только «Гидромеханика». В БФУ этих предметов нет.

Следующий набор дисциплин — **общегеографический**. Здесь полное совпадение показателей у всех университетов по таким классическим дисциплинам, как «Метеорология и климатология», «Геология», «Геофизика». Очевидные отличия — в фактах присутствия/отсутствия и/или детализации курсов «Геоморфология», «Гидрология», «Гидро(гео)химии», «Биогеография». В частности, географическая предистория океанологов БФУ проявляется в детализации геоморфологического направления. В учебном плане предусмотрен блок близких дисциплин — «Геоморфология», «Землеведение», «География почв с основами почвоведения», «Ландшафтоведение».

В **картографическом** блоке содержание дисциплин для трех университетов в целом совпадает, отличия встречаются в степени детализации учебных курсов. Содержание всех дисциплин ориентировано на владение навыками топографической съемки, картографии и ГИС-технологий. Отметим, что в учебном плане БФУ изучение ГИС-технологий прописано более подробно.

Следующий блок дисциплин направлен на формирование у будущих бакалавров-океанологов навыков и умений **по наблюдению и ана-**

лизу данных в гидрометеорологии. Основные курсы в каждом из учебных планов совпадают. Различия — в формировании дополнительных качеств инженера-гидрометеоролога и географа-океанолога. По данному направлению содержание учебного материала уже достаточно давно приобрело классическую форму [7; 8; 12; 33].

Вариативная часть учебного плана по направлению «Гидрометеорология» начинается с *«общекультурных» учебных курсов*. Присутствие курса «Психология и педагогика» связано с подготовкой потенциальных будущих учителей в России, традиционно проводившейся в СССР и РФ в течение многих лет.

Почти обязательная составляющая вариативной части любого учебного плана — *математическая статистика*. Очевидно доминирование в данном разделе набора РГГМУ, изначально готовившего инженеров-гидрометеорологов, нуждавшихся в такого рода знаниях и умениях. Вместе с тем, несмотря на имеющиеся различия, многочисленные учебные пособия [7; 8; 12; 14; 33] демонстрируют единство понимания данного класса задач и методов их решения.

Наконец, *океанологический блок* дисциплин. И снова профессиональная ориентация прошлых лет доминирует в формировании конкретного списка дисциплин. Географическая ориентация БФУ и КЛУ делает их учебные планы в этом разделе ближе друг к другу, чем план РГГМУ, отличающийся существенно большей инженерно-физической направленностью.

Один из основных блоков курсов по выбору связан с *геоэкологическим направлением*. Здесь разброс дисциплин достаточно большой. Структурная четкость компоненты учебного плана РГГМУ отражает суть данного направления, безусловно, избыточно прописанного в плане БФУ, и минимально — в учебном плане КЛУ. Эти различия нельзя считать значительным из-за комплексного характера учебных курсов и соответствующих задач, прямо или косвенно находящих отражение в ряде других учебных дисциплин.

Следующий блок — различного рода *специальные курсы*, отражающие, по-видимому, возможности университетов развивать каждое из конкретных направлений исследований. Учебные дисциплины данного блока объединяет их общая термодинамическая направленность. Можно также отметить рост значимости модельных подходов в изучении природных процессов [17; 31].

Итак, экспертная оценка соответствия блоков учебных дисциплин университетов-участников проекта *eMaris* показала их близость по всем блокам — общегуманитарному, физико-математическому, географическому, картографическому и ГИС, общекультурному по выбору, статистическому, океанологическому, геоэкологическому и специальному океанологическому. Таким образом, переход от формально-структурного подхода к оценке соответствия учебных планов к блочно-функциональному не изменил итогового положительного заключения.

Заключение

Комплексный анализ соответствия учебных планов подготовки бакалавров по направлению «Гидрометеорология» (профили «Океанология» (БФУ), «Прикладная океанология» (РГГМУ), «Физическая океанология» (КЛУ)) трех приморских университетов-участников проекта *eMaris* — Балтийского федерального университета им. И. Канта, Российского государственного гидрометеорологического университета и Клайпедского университета (Литва) — в контексте используемого набора компетенций, списка дисциплин, учебных практик, количества часов и кредитов позволяет констатировать действительно их хорошее взаимное соответствие.

Разрабатываемые в рамках проекта *eMaris* учебные планы трехуровневой подготовки студентов — бакалавров, магистров, аспирантов — по специальности «Прикладная океанология» смогут помочь улучшить уровень подготовки океанологов для региона Балтийского моря [11; 35] и единство понимания проблем рационального природопользования в данном регионе.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке проекта *eMaris* — «*Enhanced three-level competency-based curricula in Applied Marine Science*». Авторы статьи выражают также свою признательность коллегам по проекту из Санкт-Петербурга и Клайпеды, предоставившим необходимую информацию по учебным планам своих университетов.

Список литературы

1. Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Высшее образование — стратегический капитал России // Вестник Пермского университета. 2007. №6. С. 46—54.
2. Бенавидес Л.Г., Арредодо В. К новой парадигме планирования образования // Перспективы. Вопросы образования. 1992. Т. 77, № 1/2. С. 123—136.
3. Болонская декларация. Зона европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования. г. Болонья, 19 июня 1999 года // Россия в Болонском процессе : материалы междунар. раб. встречи. Москва, 2 апреля 2004 года ; Моск. акад. экономики и права. М., 2004. С. 219—225.
4. Боуден К. Физическая океанология прибрежных вод. М., 1988.
5. Воробьев В.Н., Смирнов Н.П. Общая океанология. Ч. 2 : Динамические процессы. СПб., 1999.
6. Гоццер Д. Учебные программы и социальные проблемы // Перспективы. Вопросы образования. 1991. Т. 79, № 1. С. 7—19.
7. Джонсон Н., Лион Ф. Статистика и планирование эксперимента в технике и науке. Методы планирования эксперимента. М., 1981.
8. Дэвис Дж.С. Статистический анализ данных в геологии : в 2 кн. Кн. 2. М., 1990.
9. Динамика вод Балтийского моря в синоптическом диапазоне пространственно-временных масштабов. СПб., 2007.
10. Иванов В.А., Показеев К.В., Совга Е.Е. Загрязнение Мирового океана. М., 2006.

11. *Клемешев А. П., Федоров Г. М.* Образование и региональное развитие. Калининград, 1998.
12. *Коплан-Дикс И. С.* Основы статистической обработки и картирования океанографических данных. Л., 1968.
13. *Лаврова О. Ю., Костяной А. Г., Лебедев С. А. и др.* Комплексный спутниковый мониторинг морей России. М., 2011.
14. *Левитин А. В.* Алгоритмы. Введение в разработку и анализ. М., 2006.
15. *Ломанов П. Н.* Совершенствование подготовки специалистов на основе Болонских принципов // Уровень жизни населения регионов России. 2008. № 10. С. 41—51.
16. *Малинин В. Н.* Общая океанология. Ч. 1 : Физические процессы. СПб., 2002.
17. *Марри Дж.* Нелинейные дифференциальные уравнения в биологии : лекции о моделях. М., 1983.
18. *Михайличенко Ю. Г.* Морские ресурсы побережья // Государственное управление ресурсами. 2009. № 11. С. 26—35.
19. *Михайличенко Ю. Г.* О ходе разработки стратегических документов федерального уровня, направленных на повышение эффективности управления московской деятельностью и увеличения ее вклада в социально-экономическое развитие страны // Стратегическое планирование в регионах и городах России: стратегия модернизации и модернизация стратегий : доклады участников IX Общероссийского Форума лидеров стратегического планирования. Санкт-Петербург, 18—19 октября 2010 г. СПб., 2011. С. 119—122.
20. *Михайлов В. Н., Добровольский А. Д., Добролюбов С. А.* Гидрология. М., 2007.
21. *Монин А. С., Озмидов Р. В.* Океаническая турбулентность. Л., 1981.
22. *Нешиба С.* Океанология. М., 1991.
23. *Пак Ю. Н., Пак Д. Ю.* Компетентностно-ориентированные образовательные программы в контексте ГОС нового поколения // Высшее образование в России. 2012. № 2. С. 130—136.
24. *Парижский конгресс 1989 г.* Общие выводы, рекомендации и предложения на будущее // Перспективы. Вопросы образования. 1991. Т. 74, № 2. С. 101—114.
25. *Новые информационные технологии в образовании.* Декларация участников Парижского конгресса 1989 г. // Там же. С. 115—117.
26. *Показеев К. В., Чаплина Т. О., Чашечкин Ю. Д.* Введение в оптику океана. М., 2007.
27. *Показеев К. В., Кистович А. В.* Введение в акустику океана. М., 2006.
28. *Проскуракова А. Н.* Развитие человеческого потенциала и реализация практики социального партнерства: работа ПРООН в регионах России // Стратегическое планирование в регионах и городах России. Доклады участников VII Общероссийского Форума лидеров стратегического планирования. Санкт-Петербург, 20—21 октября 2008 г. СПб., 2009. С. 63—68.
29. *Романцов М. Г., Даниленкова Г. Г., Мельникова И. Ю. и др.* Парадигмы высшего образования в современных условиях // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 11. С. 17—24.
30. *О Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2010 г. № 2205-р.* URL: government.ru/gov/results/13458/
31. *Самарский А. А., Михайлов А. П.* Математическое моделирование. М., 2005.
32. *Скороходова Е. Ю.* Реформы высшей школы и принципы Болонского процесса в системе российского образования // Социальная политика и социология. 2011. № 5. С. 323—333.

33. Тюрин Ю. Н., Макаров А. А. Анализ данных на компьютере. М., 1995.
34. Федеральная целевая программа развития образования на 2006—2010 гг. URL: <http://www.ed.gov.ru/files/materials/1799/RPR1340.doc>
35. Федоров К. Н. Физическая природа и структура океанических фронтов. Л., 1983.
36. Чинапах В., Лефстед Я.-И., Вайлер Г. Развитие людских ресурсов и планирование образования // Перспективы. Вопросы образования. 1990. Т. 69, №1. С. 9—26.
37. Шерри Н. С., Симаева И. Н. Стратегия развития образования в регионе Российской Федерации. Калининград, 2010.
38. Щедровицкий Г. П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М., 1993. С. 16—200.
39. Шеремета С. В. Основные направления модернизации высшей школы в свете Болонского процесса и вступление России в ВТО // Инновационное образование и экономика. 2009. Т. 1, №4. С. 21—22.

Об авторах

Гриценко Владимир Алексеевич, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой географии океана, факультет географии и геоэкологии, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: VGritsenko@kantiana.ru

Жураховская Полина Михайловна, ассистент кафедры географии океана, факультет географии и геоэкологии, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: pelogeika@mail.ru

Юров Артем Валерианович, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической физики, физико-технический факультет, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: artyom_yurov@mail.ru

SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN BACHELOR OF OCEANOLOGY CURRICULA AT SAINT PETERSBURG, KLAIPEDA, AND KALININGRAD UNIVERSITIES

V. A. Gritsenko, P. M. Zhurakhovskaya, A. V. Yurov

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on September 11, 2012

On the basis of a multi-aspect comparative analysis of bachelor in oceanology curricula at Saint Petersburg, Klaipeda, and Kaliningrad universities, the authors trace similarities between the existing variants of oceanologist training in the context of competence sets, discipline combinations, internships, and the number of hours and credits stipulated in the existing curricula.

A formal comparison of generalised quantitative indicators without analysing the content of curricula components demonstrated a certain similarity of all indicators in terms of workload, the number of training disciplines (50, 56, and 45), and university internships.

The clustering of competence sets and training disciplines at each university within generalised academic areas — physics and mathematics, philosophy, informatics and computers, geoecology, measurement disciplines, etc. — made a more detailed comparison possible.

The results of research make it possible to speak of high correlation between the curricula of three universities in the context of all chosen variants of comparison. The strongest similarity is observed in the areas of basic and professional disciplines.

Key words: bachelors in oceanology, curriculum, competences, credits, basic and optional disciplines, expert evaluation, specialist training, sustainable regional development

References

1. Animitsa, Ye. G., Sharygin, M. D. 2007, Vyshee obrazovanie — strategicheskiy kapital Rossii [Higher Education — Russia strategic capital], *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], no. 6, pp. 46—54.
2. Benavides, L. G., Arredodo, V. 1992, K novej paradigme planirovaniya obrazovaniya [Towards a new paradigm of education planning], *Perspektivy. Voprosy obrazovaniya* [Prospects. Education Matters], Vol. 77, no. ½, pp. 123—136.
3. Bolonskaja deklaracija. Zona evropejskogo vysshego obrazovaniya. Sovmestnoe zavajvenie evropejskih ministrov obrazovaniya. g. Bolon'ja, 19 ijunja 1999 goda [The Bologna Declaration. European Higher Education Area. Joint statement by the European Ministers of Education. Bologna, 19 June 1999]. Cit. on: *Rossija v Bolonskom processe: materialy mezhdunar. rab. vstrechi. Moskva, 2 aprelja 2004 goda, Moskovskaja akademija jekonomiki i prava*, [Russia in the Bologna process: Intern. Slave. meeting. Moscow, April 2, 2004, Moscow Academy of Economics and Law], 2004, Moscow, MAEP Sev. Gorod, pp. 219—225.
4. Bowden, K. 1988, *Fizicheskaja okeanografija pribrezhnyh vod* [Physical oceanography of coastal waters], Moscow, MIR, 324 p.
5. Vorobiev, V. N., Smirnov, N. P. 1999, Obwaja okeanologija [General oceanography], Part. 2, Dinamicheskie processy [Dynamic processes], Saint Petersburg, RGGMU, 230 p.
6. Gotstser, D. 1991, Uchebnye programmy i social'nye problemy [Educational programs and social problems], *Perspektivy. Voprosy obrazovaniya* [Prospects. Education Matters], Vol. 79, no. 1, pp. 7—19.
7. Johnson, N., Leone, F. 1981, *Statistika i planirovanie jeksperimenta v tehni-ke i nauke. Metody planirovaniya jeksperimenta* [Statistics and experimental design in engineering and science. Methods of experimental design], Moscow, MIR, 516 c.
8. Davis, J. S., 1990, *Statisticheskij analiz dannyh v geologii* [Statistical analysis in geology], Moscow, Nedra, 427 p.
9. *Dinamika vod Baltijskogo morja v sinopticheskom diapazone prostranstvenno-vremennyh masshtabov* [The dynamics of the Baltic Sea in the synoptic range of spatial and temporal scales], 2007, Saint Petersburg, Gidrometeoizdat, 354 p.

10. Ivanov, V. A., Pokazeev, K. V., Sovga, Ye. Ye. 2006, *Zagrjaznenie Mirovogo okeana* [Pollution of the oceans], Moscow, Maks Press, 163 p.
11. Klemeshev, A. P., Federov, G. M. 1998, *Obrazovanie i regional'noe razvitie* [Education and regional development], Kaliningrad, 117 p.
12. Coplan-Dix, I. S. 1968, *Osnovy statisticheskoj obrabotki i kartirovanija okeanograficheskikh dannyh* [Fundamentals of statistical analysis and mapping of oceanographic data], Leningrad, Gidrometeoizdat, 129 p.
13. Lavrova, O. Yu., Kostjanov, A. G., Lebedev, S. A., Mityagina, M. I., Ginsburg, A. I., Sheremet, N. A. 2011, *Kompleksnyj sputnikovij monitoring morej Rossii* [Complex satellite monitoring of the Russian seas], Moscow, IKI RAN, 480 p.
14. Levitin, A. V. 2006, *Algoritmy. Vvedenie v razrabotku i analiz* [Algorithms. Introduction to the design and analysis], Moscow, Vil'jams.
15. Lomanov, P. N. 2008, *Sovershenstvovanie podgotovki specialistov na osnove Bolonskih principov* [Improving the training of specialists on the basis of the principles of the Bologna], *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii* [Living standards in the regions of Russia], no. 10, pp. 41—51.
16. Malinin, V. N. 2002, *Obwaja okeanologija. Chast' 1. Fizicheskie processy* [General oceanography. Part 1. The physical processes], Saint Petersburg, RGGMU, 341 p.
17. Murray, J. 1983, *Nelinejnye differencial'nye uravnenija v biologii. Lekcii o modeljah* [Nonlinear Differential Equations in Biology. Lectures on models], Moscow, MIR, 397 p.
18. Mikhajlichenko, Yu. G. 2009, *Morskie resursy poberezh'ja* [Coastal marine resources], *Gosudarstvennoe upravlenie resursami* [Public Resource Management], no. 11, pp. 26—35.
19. Mikhajlichenko, Yu. G. 2011, *O hode razrabotki strategicheskikh dokumentov federal'nogo urovnja, napravlennyh na povyshenie jeffektivnosti upravlenija morskoy dejatel'nost'ju i uvelichenija ee vklada v social'no-jekonomicheskoe razvitie strany* [On the development of strategic documents at the federal level to improve the efficiency of maritime activities and increase its contribution to the socio-economic development], *Strategicheskoe planirovanie v regionah i gorodah Rossii: strategija modernizacii i modernizacija strategij. Doklady uchastnikov IX Obwersijskogo Foruma liderov strategicheskogo planirovanija* [Strategic planning in the regions and cities of Russia: a strategy of modernization and upgrading strategies. Reports of the IX All-Russia Forum of Strategic Planning Leaders]. St. Petersburg, 18—19 October 2010, St. Petersburg, Leontief Centre, pp. 119—122.
20. Mikhailov, V. N., Dobrovolsky, A. D., Dobroljubov, S. A. 2007, *Gidrologija* [Hydrology], Moscow, Vysshaja shkola, 463 p.
21. Monin, A. S., Ozmidov, R. V. 1981, *Okeanicheskaja turbulentnost'* [Oceanic turbulence], Leningrad, Gidrometeoizdat, 319 p.
22. Neshiba, S. 1991, *Okeanologija* [Oceanology], Moscow, MIR, 414 p.
23. Pak, Yu. N., Pak D. Yu. 2012, *Kompetentnostno-orientirovannye obrazovatel'nye programmy v kontekste GOS novogo pokolenija* [Competence-oriented education programs in the context of a new generation of AGM], *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], no. 2, pp. 130—136.
24. Parizhskij kongress 1989g. *Obwie vyvody, rekomendacii i predlozhenija na buduwee* [Paris Congress 1989. General conclusions, recommendations and suggestions for the future], 1991, *Perspektivy. Voprosy obrazovanija* [Prospects. Education Matters], Vol. 74, no. 2, pp. 101—114.

25. Novye informacionnye tehnologii v obrazovanii. Deklaracija uchastnikov Parizhskogo kongressa 1989 g. [New information technologies in education. Declaration of the Paris Congress 1989], *Perspektivy. Voprosy obrazovanija* [Prospects. Education Matters], Vol. 74, no. 2, pp. 115—117.

26. Pokazeev, K. V., Chaplina, T. O., Chashechkin, Yu. D. 2007, *Vvedenie v optiku okeana* [Introduction to ocean optics], Moscow, Maks Press, 173 p.

27. Pokazeev, K. V., Kistovich, A. V. 2006, *Vvedenie v akustiku okeana* [Introduction to Ocean Acoustics], Moscow, Maks Press, 135 p.

28. Proskurjakova, A. N. 2009, Razvitie chelovecheskogo potentsiala i realizacija praktiki social'nogo partnerstva: rabota PROON v regionah Rossii [Human development and implementation of social partnership practice: the work of UNDP in the Russian regions], *Strategicheskoe planirovanie v regionah i gorodah Rossii. Doklady uchastnikov VII Obverossijskogo Foruma liderov strategicheskogo planirovanija. Sankt-Peterburg, 20—21 oktjabrja 2008 g.* [Strategic planning in the regions and cities of Russia. Reports of VII All-Russia Forum of Strategic Planning Leaders. St. Petersburg, October 20—21, 2008], Saint Petersburg, Leont'evskij centr, pp. 63—68.

29. Romantsov, M. G., Danilenkova, G. G., Melnikova, I. Yu., Goryacheva, L. G. 2011, Paradigmy vysshego obrazovanija v sovremennyh uslovijah [Paradigm of higher education in today], *Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija* [International Journal of Experimental Education], no. 11, pp. 17—24.

30. *Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 8 dekabrja 2010 g. № 2205-r «O Strategii razvitija morskoy dejatel'nosti Rossijskoj Federacii do 2030 goda»* [RF Government Order dated December 8, 2010 № 2205-r "On the Strategy of development of maritime activities of the Russian Federation until 2030", available at: government.ru/gov/results/13458/ (accessed 13 February 2012).

31. Samarskij, A. A., Mikhailov, A. P. 2005, *Matematicheskoe modelirovanie* [Mathematic modeling], Moscow, Fizmatlit, 320 p.

32. Skorokhodova, Ye. Yu. 2011, Reformy vysshej shkoly i principy Bolonsko-go processa v sisteme rossijskogo obrazovanija [Reform of higher education and the principles of the Bologna process in the Russian education system], *Social'naja politika i sociologija* [Social Policy and Sociology], no. 5, pp. 323—333.

33. Tyurin, Yu. N., Makarov, A. A. 1995, *Analiz dannyh na komp'jutere* [Analysis of the data on the computer], Moscow, INFRA-M, Finansy i statistika, 384 p.

34. *Federal'naja celevaja programma razvitija obrazovanija na 2006—2010 gg.* [The federal target program for the development of education in 2006—2010 years.]

35. Federov, K. N. 1983, *Fizicheskaja priroda i struktura okeanicheskikh frontov* [The physical nature and structure of oceanic fronts], Leningrad, Gidrometeoizdat, 296 p.

36. Chinapah, V., Lefsted, Ya.-I., Weiler, G. 1990, Razvitie ljudskih resursov i planirovanie obrazovanija [Human resource development and education planning], *Perspektivy. Voprosy obrazovanija* [Prospects. Education Matters], Vol. 69, no. 1, pp. 9—26.

37. Sherry, N. S., Simaeva, I. N. 2010, *Strategija razvitija obrazovanija v regione Rossijskoj Federacii* [Education development strategy in the region of the Russian Federation], Kaliningrad, Izdatel'stvo Изд-во Immanuel Kant State University of Russia, 222 p.

38. Schedrovitsky, G. P. 1993, *Sistema pedagogicheskikh issledovanij (metodologicheskij analiz)* [The system of educational research (methodological analysis)], *Pedagogika i logika* [Pedagogy and logic], Moscow, Kastal', pp. 16—200.

39. Sheremeta, S. V. 2009, Osnovnye napravlenija modernizacii vysshej shkoly v svete Bolonskogo processa i vstuplenie Rossii v VTO [The main directions of modernization of higher education in the light of the Bologna process and the entry of Russia into the WTO], *Innovacionnoe obrazovanie i ekonomika* [Innovative education and the economy], Vol. 1, no. 4, pp. 21—22.

About authors

Prof. Vladimir A. Gritsenko, Head of the Department of Geography of the Ocean, Faculty of Geography and Geoecology, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: VGritsenko@kantiana.ru

Polina M. Zhurakhovskaya, Lecturer, Department of Geography of the Ocean, Faculty of Geography and Geoecology, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: pelogeika@mail.ru

Prof. Artyom V. Yurov, Head of the Department of Theoretical Physics, Faculty of Physics and Technology, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: artyom_yurov@mail.ru

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

УДК 630*944 (470+571+474)

РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ЭФЕМЕРНЫЙ ПОИСК ОБЩИХ ЦЕННОСТЕЙ?

Ц. Рингерт*

Рассматривается диалог между Российской Федерацией и Европейским союзом, базирующийся на основе «общих ценностей» (правовая сфера и верховенство закона), которые составляют основу для четырех «общих пространств» РФ и ЕС: по общему экономическому пространству, по общим пространствам свободы, безопасности и правосудия, по внешней безопасности, а также в сфере научных исследований и образования (включая культурные аспекты). Анализируется текущее состояние диалога между Россией и ЕС (раздел 1), сотрудничество между Востоком и Западом в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (раздел 2) и позиция государств-членов Совета Европы в отношении Европейского суда по правам человека (раздел 3). Делается однозначный вывод, что понятие «общие ценности» во многом является вымыслом и что его жизнеспособность зависит от того, видит ли себя Россия европейской страной или нет. Полная интернализация ценностей демократии, прав человека и надлежащего государственного управления остается недостижимой в Российской Федерации, которая использует платформу общих ценностей в основном для достижения стратегических целей (раздел 4).

Ключевые слова: Российская Федерация, Европейский союз, общие ценности, сотрудничество, ОБСЕ, Европейский суд по правам человека

Общие пространства России и Европейского союза

В Совместной декларации Россия — ЕС от 2003 г. подтверждается, что стороны будут укреплять свое стратегическое партнерство на основе общих ценностей демократии и прав человека, как

---

* Лёвенский университет.
13, Ауде маркт, Левен, 3000,
Бельгия.
Утрехтский университет
а/я 80125, 3508 ТС Утрехт,
Нидерланды.

Поступила в редакцию 12.09.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-10

© Рингерт Ц., 2012

они изложены в международных договорах. Это относится, в частности, ко второму и третьему общим пространствам свободы / безопасности / правосудия и внешней безопасности соответственно. В Дорожной карте 2005 г. подчеркивается, что в диалоге между Россией и ЕС уже достигнут прогресс в сфере защиты прав человека: например, в вопросе организации регулярных консультаций по правам человека, включая права меньшинств и фундаментальные свободы.

Хотя РФ и ЕС действительно провели серию консультаций по вопросам защиты прав человека, прогресс в данном случае является относительным понятием. В последнем докладе ЕС об общих пространствах (2010) названы только три позитивных изменения в России в отношении защиты прав человека: продление моратория на смертную казнь, ратификация Четырнадцатого протокола к Европейской конвенции о правах человека (процесс ратификации ЕКПЧ занял слишком много времени) и скромная модернизация российской правовой системы¹. Заметно, что в этом докладе впервые озвучивается обеспокоенность ситуацией с правами человека в России — в частности, что касается положения правозащитников, нападения на журналистов и активистов, ограничения свободы слова и собрания, ситуация на Северном Кавказе и дело Ходорковского. Кроме того, с европейской точки зрения не способствует конструктивному диалогу тот факт, что Россия по-прежнему выступает против участия в диалоге иных министерств и организаций, кроме министерства иностранных дел, и против встреч представителей Евросоюза с представителями российских и международных неправительственных организаций по вопросам ситуации с правами человека в России². Наконец, политический кризис в Сирии дал ясно понять, что в настоящее время самый большой разрыв между РФ и ЕС в понимании прав человека существует в отношении урегулирования международных кризисов. Хотя обе стороны приняли на себя обязательства в рамках общего пространства внешней безопасности совместно реагировать на международные кризисы, Россия продолжает препятствовать требованию Запада о том, что Совет Безопасности ООН должен принять на себя ответственность по защите граждан, чтобы избежать гуманитарного кризиса в Сирии. Согласно Европейской стратегии безопасности, эта обязанность защищать граждан от геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и этнических чисток — один из столпов внешней политики ЕС, основанной на защите общечеловеческих ценностей³.

Другими словами, диалог между РФ и ЕС, основанный на общих ценностях, потерял свою динамику, если он вообще когда-либо ее имел. Таким образом, не удивительно, что диалог об общих пространствах сузился до вопросов стратегической безопасности, в которых и

¹ European External Action Service (EEAS); EU-Russia Common Spaces Progress Report 2010, March 2011. P. 49.

² См. там же.

³ EU report on the Implementation of the European Security Strategy - Providing Security in a Changing World, Brussels, 11 December 2008, S407/08, p. 2. See for a discussion of the role of the EU in the realization of the responsibility to protect: [3].

Россия, и Евросоюз имеют одинаковые интересы, такие, как борьба с терроризмом и финансированием терроризма, нелегальная миграция, торговля людьми, отмывание денег и энергетические проблемы. Эти вопросы относятся скорее к транснациональным проблемам, зачастую с экономическим оттенком, и сами по себе не требуют интернализации ценностей, связанных с верховенством закона.

Однако, несмотря на это изменение фокуса, Евросоюз действительно временами открыто критикует Россию за ситуацию в области прав человека. Например, представитель по внешней политике ЕС Кэтрин Эштон выразила озабоченность по поводу ареста и осуждения лидеров оппозиции в Москве в мае 2012 г. и напомнила России о свободе слова и собрания, участия в мирных демонстрациях и основных правах в демократических государствах, которые, по ее словам, также закреплены в Конституции РФ⁴.

Для того чтобы избежать обвинения в том, что Европейский союз навязывает «европейские ценности» России, ЕС обычно обращается к собственным обязательствам России в рамках Совета Европы и ОБСЕ⁵. И Россия, и государства-члены Евросоюза (а также вскоре и сам ЕС, когда оно присоединится к ЕКПЧ) приняли на себя юридические обязательства уважать одни и те же ценности; Европейский союз заинтересован в их защите, даже если жертвами возможного попраения этих ценностей являются лица, не имеющие гражданства ЕС (так называемое обязательство *erga omnes*).

Учитывая важность Совета Европы и ОБСЕ для диалога между РФ и ЕС, в следующих разделах будут рассмотрены положения России и Евросоюза в этих организациях, а также отношения этих организаций к России.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), которое было впоследствии преобразовано в ОБСЕ, было создано для содействия диалогу по безопасности между Западом и советским блоком на основе общеевропейских ценностей⁶. Однако, по нашему мнению, общие ценности трудно найти в рамках ОБСЕ. Последний саммит ОБСЕ в Вильнюсе (декабрь 2011 г.) в очередной раз ясно и болезненно продемонстрировал, что страны ЕС (вместе с Соединенными Штатами) ожидают от этой организации совершенно не того, чего ожидает Россия

---

⁴ Statement by the Spokesperson of the EU High Representative, Catherine Ashton, on arrests of opposition leaders in Moscow, Brussels, 11 May 2012, Doc. nr. A 219/12.

⁵ *Roadmap*, above note 2 3, p. 21 (common space of freedom, security and justice) and p. 35 (common space of external security).

⁶ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1 августа 1975 г., 14 I. L. M. 1292 (Хельсинская декларация), параграф 4 преамбулы («Памятуя о своей общей истории и признавая, что существование общих элементов в их традициях и ценностях может помогать им в развитии их отношений») в сочетании с частью VII («Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений»).

[22]. В то время как Россия акцентирует внимание на военной безопасности в рамках ОБСЕ, страны Евросоюза выступают за более целостную концепцию «безопасности человека», которая включает в себя права человека, демократию и эффективное государственное управление. После саммита в Вильнюсе посол России в ОБСЕ осудил полное игнорирование и неприятие российского предложения о преобразовании ОБСЕ в сообщество безопасности. В то же время западные дипломаты жаловались на то, что из-за позиции российской стороны ни одно решение, касающееся прав человека, не было принято (в частности, в отношении свободы слова и защиты журналистов) [22].

Уже в течение довольно продолжительного времени Россия вступает в спор с ОБСЕ по поводу внимания этой организации к проблемам «к востоку от Вены», а именно к постсоветскому пространству. Для большинства стран ЕС действительно немислимо, чтобы ОБСЕ озаботилась, например, честностью и справедливостью президентских выборов во Франции: разве ОБСЕ не является средством продвижения такой западной ценности, как верховенство закона на европейской периферии?⁷ Подобная позиция двойных стандартов еще более резко проявилась после того, как Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека совместно с Парламентской ассамблеей ОБСЕ и Парламентской ассамблеей Совета Европы выявили нарушения во время проведения президентских выборов в России 4 марта 2012 г.⁸ Ранее бывший президент России Д. Медведев обвинил наблюдателей ОБСЕ в неприемлемом и явно политическом отношении во время мониторинга наблюдателями ОБСЕ парламентских выборов в России в декабре (на которых «Единая Россия», партия Д. Медведева и В. Путина, убедительно выиграла) [8]. И наоборот, Россия тепло приветствует наблюдателей за проведением выборов от Содружества Независимых Государств. Как и ожидалось, последние российские выборы они оценили как свободные и справедливые [1].

В России ОБСЕ воспринимается как «живой труп европейской безопасности». И возможно, это не является преувеличением. ОБСЕ перестала быть форумом для ведения переговоров по вопросам общеевропейского разоружения после того, как Россия денонсировала «Договор об обычных вооруженных силах в Европе»⁹. Организация не может разрешить такие «замороженные конфликты», как конфликты в

⁷ Вместе с тем следует заметить, что постоянный представитель Франции в Совете Европы приглашал наблюдателей ОБСЕ на парламентские выборы во Франции в июне 2012 г. См.: OSCE/ODIHR Needs Assessment Report, Republic of France, Parliamentary Elections of 10 and 17 June, Warsaw, 22 May 2012.

⁸ OSCE/ODIHR Election Observation Mission Final Report concerning Russian Federation, Presidential Election of 4 March 2012, Warsaw, 11 May 2012.

⁹ *О приостановлении* Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе [Электронный ресурс] : федеральный закон №276-ФЗ от 29.11.07 ; *О приостановлении* Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации №872 от 13.07.07. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Приднестровье, Нагорном Карабахе или Южной Осетии, так же как не смогла она предотвратить кратковременный вооруженный конфликт между Россией и Грузией (оба государства являются членами ОБСЕ) летом 2008 г.

Если ОБСЕ не может гарантировать европейскую безопасность и безнадежно расколота в вопросе ценностей или интересов, которые она должна защищать, какое же у нее будущее? На данный момент ОБСЕ может служить главным образом хорошей площадкой для России и государств-членов ЕС по обвинению друг друга в использовании ОБСЕ в качестве инструмента, без особого риска эскалации [12]. Реформа ОБСЕ, на чем настаивает Россия уже в течение многих лет, в ближайшем будущем будет продолжаться наталкиваясь на «нет» со стороны государств-членов ЕС и США: Америка не хочет, чтобы автономные организации ОБСЕ находились под еще большим политическим контролем, а вопросы безопасности человека были убраны из повестки дня или чтобы были созданы (дополнительные) миссии ОБСЕ для стран Западной Европы. Тем не менее сотрудничество РФ и ЕС, вероятно, останется конструктивным в том, что касается так называемых вопросов *низкой политики*: сотрудничество полиции, пограничный контроль, борьба с торговлей людьми [12, с. 17]. Как указывалось выше, это само по себе не требует упоминания об общеевропейских ценностях, а, скорее, требует наличия одинакового взгляда на некоторые глобальные или региональные угрозы.

Совет Европы и Европейский суд по правам человека

Совет Европы, вероятно, является наиболее важной региональной европейской организацией, содействующей продвижению таких общеевропейских ценностей, как права человека, демократия и верховенство закона¹⁰. Соответственно, ожидания были высокими, когда в 1998 г. Россия стала членом Совета Европы и присоединилась к его договорам¹¹. Как член Совета Европы Россия признала право граждан подавать жалобы в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), ссылаясь на нарушения Европейской конвенции о правах человека (ЕКПЧ, 1950). Несомненно, это укрепило позиции граждан России. Вступление России в Совет Европы действительно вызвало постоянный поток жалоб в ЕСПЧ. В то же время большое количество российских судов признают влияние ЕКПЧ на правовую систему в России¹². Тем не менее позиция России в отношении Совета Европы и ЕКПЧ неоднозначна. С одной стороны, Россия хотела бы преданно выполнять взятые на себя обязательства, проводя, среди прочего, заявленные правовые реформы и далее. С другой стороны, значительная часть политической элиты не рада

---

¹⁰ См.: *Устав* (Статут) Совета Европы. Лондон, 1949, ETS №001, параграф 1 преамбулы и статья (1) (а).

¹¹ Более подробный анализ отношений между Россией и Советом Европы см.: [17].

¹² Подробный анализ см.: [21].

большому количеству решений Европейского суда по правам человека не в пользу России, что влечет за собой высокие затраты для государства, а также угрозы, которые создала правовая реформа (для многих выгодная) существующему статус-кво.

Последнее обстоятельство, между прочим, объясняет, почему Россия тормозила вступление в силу протокола № 14 Европейской конвенции о правах человека (которая повышает эффективность судебных процедур), почему основные правовые реформы, которые позволили бы российской правовой системе функционировать в соответствии с требованиями Страсбурга, не проводятся в полной мере¹³ и почему некоторые российские чиновники отказываются сотрудничать с судом. При рассмотрении дела о событиях в Катыни (2012), например, Россия отказалась предоставить необходимые документы суду, в результате чего он не смог вынести решения о расследовании российской стороной массового убийства польских офицеров во время Второй мировой войны в Катыни¹⁴.

Но это также, возможно, объясняет, почему ЕСПЧ порой отстраняет Россию от процесса. В деле «Ходорковский против России» (2011), например, суд постановил, что нет никаких доказательств того, что российское правительство выдвинуло обвинение против олигарха Ходорковского с целью присвоения активов нефтяной компании ЮКОС¹⁵. Можно смело предположить, что суд, приняв такой прагматичный подход, учел озабоченности тех, кто утверждает, что суд слишком глубоко вмешивается во внутреннюю политику России [18]. Подобную позицию суд занимал при вынесении решений и в отношении других (западных) государств: в деле «Лаутси против Италии» Большая палата Европейского суда по правам человека отменила ранее принятое решение суда, которое обязывало Италию удалить распятия из государственных школ¹⁶. Фактически, критика суда некоторыми западными госу-

¹³ ЕСПЧ применяет так называемый «пилотный процесс», чтобы позволить сторонам провести фундаментальные реформы в случае систематического нарушения прав человека. Зачастую вынесение решения о «пилотном процессе» при рассмотрении одного дела о нарушении ЕСПЧ приостанавливает судопроизводство по всем другим делам, где обнаружены такие же систематические нарушения, до тех пор, пока государство ее не исправит ситуацию. О применении «пилотного процесса» в отношении России см.: [13].

¹⁴ EctHR. Janowiec and Others v. Russia, Application nos. 55508/07 and 29520/09, 16 April 2012.

¹⁵ Подобное судебное преследование нарушало бы статью 18 ЕКПЧ. См.: ECHR. Khodorkovskiy v. Russia. Application no. 5829/04, 31 May 2011. В деле ЮКОСа, однако, суд постановил, что российские власти назначили за налоговые нарушения чрезмерное наказание владельцам ЮКОСа и дали компании недостаточно времени для подготовки своей защиты. Вместе с тем, суд отложил рассмотрение вопроса выплаты компенсаций на более поздний срок. См.: EHRM. OAO Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia. Application no. 14902/04, 20 September 2011.

¹⁶ ECtHR Grand Chamber. Lautsi v. Italy. Application no. 30814/06, 18 March 2011.

дарствами принципиально не отличается от критики его Россией: недостаточное понимание судом местной специфики и взглядов или, выражаясь юридическим языком, слишком узкая интерпретация пределов свободы усмотрения, предоставленных государствам-членам. В последнее время призывы ограничить полномочия суда особенно громко звучат в Нидерландах и Соединенном Королевстве¹⁷. По иронии судьбы Соединенное Королевство — европейская страна, которая, вероятно, имеет наихудшие отношения с Россией, — в настоящее время работает на Россию, выступая за радикальную перестройку суда. В 2012 г. консервативное правительство Великобритании предложило кодифицировать принципы субсидиарности и свободы усмотрения (для защиты национального суверенитета государств-членов в том, что касается субъективных оценок) и более строго определить условия приемлемости (чтобы уменьшить загруженность суда, а также ограничить количество дел против государств-членов). Вполне обоснованно правозащитники указали, что такая реформа суда будет иметь пагубные последствия, главным образом для *российских* заявителей [16].

Из приведенного выше анализа можно сделать вывод, что критическая позиция России в отношении Совета Европы и Европейского суда по правам человека едва ли является уникальной, ее также разделяют представители некоторых западноевропейских кругов. И поскольку Запад все чаще подчеркивает местную культурную специфику ценностей, то поиск общих для России и стран Евросоюза ценностей становится почти невозможным. И простите циника, который делает вывод о том, что отстаивание национального суверенитета перед формами наднационального управления — это единственная ценность, которую разделяют названные страны ЕС и Россия. В любом случае, позиция, занятая в отношении суда таким государством-членом ЕС, как Соединенное Королевство, вряд ли будет способствовать дальнейшей интеграции России в систему европейских ценностей: она только дает еще один козырь тем в России, кто обвиняет Запад в использовании двойных стандартов при обсуждении вопросов защиты прав человека.

Заключение

«Диалог» в рамках общих пространств России — ЕС и динамика в рамках ОБСЕ и Совета Европы дают ясно понять, что Россия и государства-члены ЕС в основном только на словах поддерживают общеевропейские ценности верховенства закона. Диалог по правам человека в рамках общих пространств ЕС, похоже, является диалогом глухих.

---

¹⁷ Материал по критике со стороны Нидерландов: [4; 23; 9, p. 608]. Что касается Соединенного Королевства, то много вопросов вызвало решение суда о том, что заключенные в Соединенном Королевстве имеют право голоса на выборах (*Hirst v. United Kingdom*. Application no. 74025/01, 6 October 2005). См.: [15].

ОБСЕ стала незначительным игроком из-за несовпадающих приоритетов России и Запада. Будущее Европейского суда по правам человека, который следит за реализацией европейских ценностей, закрепленных в юридически обязывающих соглашениях, в отношении России остается неясным, и различные возможные сценарии развития событий не вызывают оптимизма. Либо суд примет политику невмешательства (как в деле Ходорковского) и Россия откажется сотрудничать с судом (как в деле о Катыне) или не будет исполнять его решения, либо государства-члены Совета Европы ограничат полномочия суда. В любом случае проиграют сторонники общеевропейских ценностей.

Диалог между РФ и ЕС будет продолжаться, но существует реальная опасность того, что Россия станет использовать его выборочно и инструментально для реализации своих собственных стратегических целей, без полноценной интернализации европейских ценностей¹⁸. Это неизбежно поднимает вопрос, действительно ли Россия относится к Европе или скорее к Азии. Вопрос российской идентичности был предметом обсуждений в течение многих лет — как в России, так и на Западе¹⁹. На протяжении веков ответ на него менялся в зависимости от политических предпочтений. Как известно, сами истоки России основаны на христианских ценностях, которые также определили и культурную жизнь Запада [14]. В начале XVIII в. Петр Великий «европеизировал» Россию, и после поражения Наполеона в XIX в. Россия, бесспорно, являлась ведущим игроком в европейском сообществе наций. Европейская идентичность была отвергнута в XX в., когда Советский Союз определил свою идентичность как оппозицию «капиталистическому» Западу. В конце 1980-х и в 1990-х гг. вновь наблюдалось сближение российской элиты и Запада: в 1987 г. М. Горбачев подчеркнул, что Запад и СССР — это часть «общего европейского дома» [10, р. 191], и позже российский министр иностранных дел И. Иванов добавил, что русские определяют свою субъективную идентичность как «европейскую» [11, р. 10].

С 2000 г., когда В. Путин пришел к власти, Российская Федерация, похоже, снова стала дистанцироваться от Запада. Маловероятно, что Россия будет стремиться подчеркнуть свою связь с Азией и искать сближения с Китаем, чтобы разработать новую концепцию ценностей, конкурирующую с западной моделью²⁰. В статье В. Путина «Россия и меняющийся мир», опубликованной во время президентской кампании 2012 г., четко указывается на важность отношений России с Азией и

¹⁸ Инструментализация также заметна в других республиках постсоветского пространства. См., например: [5, р. 79-80] (здесь авторы утверждают, что ЕС скорее *стабилизируется*, чем *трансформируется*).

¹⁹ По вопросу «субъективной» и «объективной» идентичности России см.: [7]; по вопросу неевропейской «объективной» идентичности см.: [20, р. 166].

²⁰ См.: [19]. Внешняя привлекательность европейской нормативной базы, возможно, преувеличена: [6, р. 649].

Китаем [2]. Однако в чем именно будет состоять этот проект евроазиатских ценностей (за исключением защиты национального суверенитета, верховенства общества над личностью и противодействия иностранному вмешательству во внутренние дела) остается пока открытым вопросом.

Настоящая статья публикуется по результатам конференции «Обице пространства России и Европейского Союза: актуальные проблемы и пути их решения», которая была организована Центром ЕС БФУ им. И. Канта (www.kantiana.ru/eu4u) и состоялась в г. Великий Новгород 25—26 мая 2012 г.

Список литературы

1. *Никольский А.* Наблюдатели от СНГ: выборы в РФ соответствовали демократическим нормам // Агентство РИА Новости. 2012. 5 марта. URL: http://www.ria.ru/vybor2012_hod_vyborov/20120305/584902095.html (дата обращения: 06.03.2012).
2. *Путин В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февр. URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (дата обращения: 11.03.2012).
3. *Baere G.* De Some Reflections on the EU and the Responsibility to Protect, Leuven Centre for Global Governance Studies, Leuven University, working paper nr. 79, January 2012.
4. *Baudet T.*, Het Europees Hof voor de Rechten van de Mens vormt een ernstige inbreuk op de democratie, NRC Handelsblad, 13 November 2010.
5. *Börzel T. A., Pamuk Y.* Pathologies of Europeanisation: Fighting Corruption in the Southern Caucasus // *Western European Politics*. 2012. Vol. 35, №1. P. 79—97. doi: 10.1080/01402382.2012.631315.
6. *Bürca de G.* The Road not Taken: the EU as a Global Human Rights Actor // *American Journal of International Law*. 2011. Vol. 105, №4. P. 649—693.
7. *Chepurina M.* Is Russian Identity European Identity? // *InFocus*. 2011. №4. 21 April 2011. URL: <http://infocusrevue.com/2011/04/21/is-russian-identity-european-identity/> (дата обращения: 06.03.2012).
8. *Dyomkin D., Kozhevnikov R.* Russia raps OSCE election "double standards" // Reuters. 2011. 3 September. URL: <http://www.reuters.com/article/2011/09/03/us-russia-osce-idUSTRE7820V920110903> (дата обращения: 01.11.2011).
9. *Gerards J.* Waar gaat het debat over het. EHRM nu eigenlijk over? // *NJBlog*. 2011. № 10. P. 608. URL: <http://njblog.nl/2011/03/16/waar-gaat-het-debat-over-het-ehrm-nu-eigenlijk-over/> (дата обращения: 06.03.2012).
10. *Gorbachev M.* Perestroika: New Thinking for Our Country and the World. New York, Harper and Row, 1987.
11. *Ivanov I.* The New Russian Identity: Innovation and Continuity in Russian Foreign Policy // *Washington Quarterly*. 2001. Vol. 24, №3. P. 7—13.
12. *Kropatcheva E.* Russia and the role of the OSCE in European security: a 'Forum' for dialog or a 'Battlefield' of interests? // *European Security*. 2012. Vol. 21, № 3. P. 370—394. doi: 10.1080/096628392.011.640323.
13. *Leach P., Hardman H., Stephenson S.* Can the European Court's Pilot Judgment Procedure Help Resolve Systemic Human Rights Violations? Burdov and the Failure to Implement Domestic Court Decisions in Russia // *Human Rights Law Review*. 2010. Vol. 10, №2. P. 346—359.

14. *Lukin V.* Russia's Global Role and European Identity // *Russia in Global Affairs*. 2008. № 1. URL: http://eng.globalaffairs.ru/number/n_10352 (дата обращения: 03.03.2011).
15. *PA.* David Cameron to fight prison voting plan, *The Independent*, 23 May 2012. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/david-cameron-to-fight-prison-voting-plan-7781521.html> (дата обращения: 17.06.2012).
16. *Parfitt T.* European Court of Human Rights reforms could have 'devastating' effect in Russia // *The Telegraph*. 2012. 17 April. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/9207908/European-Court-of-Human-Rights-reforms-could-have-devastating-effect-in-Russia.html> (дата обращения: 17.06.2012).
17. *Russia and the Council of Europa. Ten Years After*, Basingstoke / ed. by K. Malfliet, S. Parmentier, UK: Palgrave Macmillan, 2010.
18. *Smet S.* Khodorkovskiy v. Russia: European Court of Human Rights Rules "No Proof of Political Trial" // *Strasbourg Observers*. 2011. 16 June.
19. *Titarenko M.L.* Foreign Relations Balance: Russia Shifts From Declining West To Rising East // *China Daily*. 2012. 6 March.
20. *Toynbee A.* *Civilization on Trial*. New York: Oxford University Press, 1948.
21. *Trochev A.* All Appeals Lead to Strasbourg? Unpacking the Impact of the European Court of Human Rights on Russia? // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2009. Vol. 17, №2. P. 145—178.
22. *US, EU regret rights lag at OSCE amid tensions with Russia* // *Agence France-Presse*. 2011. 8 декабря. URL: <http://www.eubusiness.com/news-eu/osce-rights.dyb> (дата обращения: 01.11.2011).
23. *Zwart T.* Bied dat mensenrechtenhof weerwerk // *NRC Handelsblad*. 2011. 17 January.

Об авторе

Рингерт Цедрик, кандидат юридических наук, специалист по международному праву, Лёвенский университет, Утрехтский университет.
E-mail: Cedric.Ryngaert@law.kuleuven.be

RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION: AN ELUSIVE QUEST FOR COMMON VALUES?

C. Ryngaert

*University of Leuven; 13, Oude Markt, Leuven, 3000, Belgium
Utrecht University, P.O Box 80125, 3508 TC Utrecht, The Netherlands*

Received on September 12, 2012

This article focuses on the dialogue between the Russian Federation and the European Union based on "common values" (legal sphere and the rule of law), which form the framework for the EU-Russia "common spaces" — on the economy, freedom, security and justice, as well as in the field of research and education (including cultural aspects). The author analyses the current state of the EU-Russia dialogue (section 1), East-West cooperation in the framework of the Organisation

for Security and Cooperation in Europe (section 2), and the position of the Council of Europe member states on the European Court for Human Rights (section 3). The author comes to a conclusion that the concept of “common values” is to a great degree fictitious, and its viability depends on whether Russia behaves as a European country. The complete internalisation of democratic values, human rights, and good governance is still unattainable for the Russian Federation, which uses the platform of common values predominantly to achieve strategic goals (section 4).

Key words: Russian Federation, EU, common values, cooperation, OSCE, European Court of Human Rights

References

1. Nikolskiy, A. 2012, Presidential Election Transparent and Democratic — CIS Observers, *RIA Novosti*, 5 March, available at: http://www.ria.ru/vybor2012_hod_vyborov/20120305/584902095.html (accessed 6 March 2012).
2. Putin, V. 2012, Russia and the Changing World, *Moskovskiy Novosti*, 27 February, available at: <http://en.rian.ru/analysis/20120227/171547818.html> (accessed 11 March 2012).
3. Baere De, G. 2012, *Some Reflections on the EU and the Responsibility to Protect*, Leuven Centre for Global Governance Studies, Leuven University, working paper no. 79, January.
4. Baudet, T. 2010, Het Europees Hof voor de Rechten van de Mens vormt een ernstige inbreuk op de democratie, *NRC Handelsblad*, 13 November.
5. Börzel, T.A., Pamuk, Y. 2012, Pathologies of Europeanisation: Fighting Corruption in the Southern Caucasus, *Western European Politics*, Vol. 35, no. 1, p. 79—97. doi: 10.1080/01402382.2012.631315.
6. Bürca de, G. 2011, The Road not Taken: the EU as a Global Human Rights Actor, *American Journal of International Law*, Vol. 105, no. 4, p. 649—693.
7. Chepurina, M. 2011, Is Russian Identity European Identity? *InFocus*, no. 4, 21 April, available at: <http://infocusrevue.com/2011/04/21/is-russian-identity-european-identity/> (accessed 6 March 2012).
8. Dyomkin, D., Kozhevnikov, R. 2011, Russia raps OSCE election "double standards" *Reuters*, 3 September, available at: <http://www.reuters.com/article/2011/09/03/us-russia-osce-idUSTRE7820V920110903> (accessed 1 November 2011).
9. Gerards, J. 2011, Waar gaat het debat over het. EHRM nu eigenlijk over? *NJBlog*, no. 10, p. 608, available at: <http://njblog.nl/2011/03/16/waar-gaat-het-debat-over-het-ehrm-nu-eigenlijk-over/> (accessed 6 March 2012).
10. Gorbachev, M. *Perestroika: New Thinking for Our Country and the World*, New York, Harper and Row, 1987.
11. Ivanov, I. 2001, The New Russian Identity: Innovation and Continuity in Russian Foreign Policy, *Washington Quarterly*, Vol. 24, no. 3, p. 7—13.
12. Kropatcheva, E. 2012, Russia and the role of the OSCE in European security: a ‘Forum’ for dialog or a ‘Battlefield’ of interests? *European Security*, Vol. 21, no. 3, p. 370—394. doi: 10.1080/096628392.011.640323.
13. Leach, P., Hardman, H., Stephenson, S. 2010, Can the European Court’s Pilot Judgment Procedure Help Resolve Systemic Human Rights Violations? Burdov and the Failure to Implement Domestic Court Decisions in Russia, *Human Rights Law Review*, Vol. 10, no. 2, p. 346—359.

14. Lukin, V. 2008, Russia's Global Role and European Identity, *Russia in Global Affairs*, no. 1, available at: http://eng.globalaffairs.ru/number/n_10352 (accessed 3 March 2011).

15. PA, 2012, David Cameron to fight prison voting plan, *The Independent*, 23 May, available at: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/david-cameron-to-fight-prison-voting-plan-7781521.html> (accessed 17 June 2012).

16. Parfitt, T. 2012, European Court of Human Rights reforms could have 'devastating' effect in Russia, *The Telegraph*, 17 April, available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/9207908/European-Court-of-Human-Rights-reforms-could-have-devastating-effect-in-Russia.html> (accessed 17 June 2012).

17. Malfliet, K., Parmentier, S. (eds.), 2010, *Russia and the Council of Europa. Ten Years After*, Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan.

18. Smet, S. 2011, Khodorkovskiy v. Russia: European Court of Human Rights Rules "No Proof of Political Trial", *Strasbourg Observers*, 16 June.

19. Titarenko, M. L. 2012, Foreign Relations Balance: Russia Shifts From Declining West To Rising East, *China Daily*, 6 March.

20. Toynbee, A. 1948, *Civilization on Trial*, New York, Oxford University Press.

21. Trochev, A. 2009, All Appeals Lead to Strasbourg? Unpacking the Impact of the European Court of Human Rights on Russia? *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, Vol. 17, no. 2, p. 145—178.

22. US, EU regret rights lag at OSCE amid tensions with Russia, 2011, *Agence France-Presse*, 8 December, available at: <http://www.eubusiness.com/news-eu/osce-rights.dyb> (accessed 1 November 2011).

23. Zwart, T. 2011, Bied dat mensenrechtenhof weerwerk, *NRC Handelsblad*, 17 January.

About author

Dr Cedric Ryngaert, Associate Professor of International Law, Leuven University and Utrecht University.

E-mail: Cedric.Ryngaert@law.kuleuven.be

УДК 339.9:001.895(470+4)

ИНСТРУМЕНТЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

А. В. Белова*

Рассмотрены такие основные инструменты международного сотрудничества России и Европейского союза, как программы приграничного, трансграничного и транснационального сотрудничества, которые можно использовать для совместного инновационного и научно-технического развития, софинансируемые ЕС и Россией. Представлены конкретные примеры крупномасштабных проектов по международному инновационному сотрудничеству России и стран ЕС, а также определены инструменты сотрудничества, действующие до 2013 г. Проанализированы рамочные программы, являющиеся наиболее значимым финансовым инструментом для реализации научно-технических проектов в ЕС и странах, сотрудничающих с ЕС. Освещены возможности для индивидуальных исследователей в области инноваций для карьерного роста и повышения квалификации.

Ключевые слова: инновации, международное сотрудничество, инструменты сотрудничества России и ЕС, европейские программы, российские фонды

Научно-техническое сотрудничество России и Европейского союза — это пример достаточно успешного взаимодействия сторон. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), которое вступило в силу 1 декабря 1997 г., стало правовой основой отношений России и ЕС. Вначале оно было заключено на 10 лет, но с 2007 г. СПС ежегодно продлевается при условии, что какая-либо из сторон не выскажет желания прекратить его действие [1]. Данное Соглашение устанавливает и регулирует основные общие цели, организационную структуру двусторонних соглашений и предусматривает мероприятия и диалог по ряду областей сотрудничества. Это первый двусторонний

---

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 1.10.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-11

© Белова А. В., 2012

международно-правовой акт, предусматривающий сотрудничество России и ЕС в более чем 30 различных областях: промышленная кооперация, инвестиции, научные исследования и технологические разработки, сельское хозяйство, энергетика, ядерный сектор, почта и телекоммуникации, информатика, космос, охрана окружающей среды, региональное развитие и т. д.

Основой научно-технического сотрудничества между Россией и ЕС является «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским Сообществом о сотрудничестве в области науки и технологий», подписанное в 2000 г. и дважды возобновленное сроком на 5 лет [1].

На протяжении более чем 10 лет международное сотрудничество России и стран ЕС осуществлялось при помощи инструментов, финансирующих различные трансграничные совместные проекты в области научно-технических разработок.

В таблицах 1 и 2 представлены инструменты (программы) Европейского союза, софинансирующие совместные трансграничные и приграничные проекты по разным направлениям и приоритетам [10].

Необходимо отметить, что в каждой из программ значительное внимание уделяется развитию инноваций. Так, например, Программа трансграничного сотрудничества «Регион Балтийского моря» (2007—2013 гг.) призвана поддерживать проекты, направленные на развитие ключевых инноваций в сферах естественных и технических наук, а также «нетехнических инноваций» — бизнес-услуги, дизайн и другие ориентированные на рынок знания и услуги. Мероприятия данного приоритета направлены на развитие источников инноваций и предпринимательства; стимулирование трансграничной передачи знаний и технологий, а также подготовка социальных групп и граждан к восприятию и применению новых знаний и технологий [12]. В соответствии с этим приоритетом, особенно в области сотрудничества с Россией и Беларусью, поддерживаются проекты, нацеленные на более широкий контекст социально-экономического развития на региональном уровне [3].

Отдельно остановимся на таком инструменте поддержки международных отношений ЕС и России в области инноваций и научно-технического развития, как рамочные программы (РП). Рамочные программы Евросоюза были запущены в 1984 г. Их цель — развитие междисциплинарных исследований и поддержка научных совместных инициатив в Европе и других странах. Россия стала участником рамочных программ с 1994 г. Так, в Пятой рамочной программе были профинансированы проекты 20 исследовательских институтов и научных организаций из СНГ, включая Россию. В Шестой рамочной программе (2002—2006 гг.) российские ученые принимали участие в 310 международных консорциумах, реализующих научно-исследовательские проекты. Общий объем финансирования проектов в рамках данной программы составил 2 млрд евро, в том числе 16 млн евро — финансовый вклад России из средств федеральной целевой научно-технической программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники на 2002—2006 гг.» [1]. В рамках реализации проектов Шестой рамочной программы было установлено около 8600 связей со 130 странами мира. Седьмая рамочная программа позволила расширить существующее сотрудничество и увеличить число стран до 185 [1].

Таблица 1

Программы трансграничного сотрудничества ЕС и России [8; 11]

Программа	Приоритеты	Страны-участники
Программа соседства региона Балтийского моря ИНТЕРРЕГ III Б (2000—2006 гг.) (закрита)	<p><i>Приоритет 1.</i> Создание концепций пространственного развития и планирование мероприятий для конкретных территорий и секторов</p> <p><i>Приоритет 2.</i> Создание территориальных структур, поддерживающих устойчивое развитие региона Балтийского моря (РБМ)</p> <p><i>Приоритет 3.</i> Транснациональное и двустороннее сотрудничество по поддержке институционального и регионального развития в странах Балтийского региона</p> <p><i>Приоритет 4 («Север»).</i> Приграничное сотрудничество. Приоритет Эстония — Латвия — Россия</p>	Беларусь (территория бассейна Балтийского моря), Дания, Эстония, Финляндия, Германия (территория бассейна Балтийского моря), Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Россия (территория бассейна Балтийского моря), Швеция
«Регион Балтийского моря» (2007—2013) (действующая)	<p><i>Приоритет 1.</i> Организация условий для создания и распространения инноваций в РБМ</p> <p><i>Приоритет 2.</i> Повышение внутренней и внешней доступности РБМ</p> <p><i>Приоритет 3.</i> Решение экологических проблем загрязнения Балтийского моря в более широком контексте устойчивого менеджмента морских ресурсов</p> <p><i>Приоритет 4.</i> Поддержка проектов сотрудничества столичных регионов, городов и сельских поселений, направленных на повышение их привлекательности для жителей и инвесторов</p>	Вся территория стран-членов ЕС: Дания, Эстония, Финляндия, Латвия, Литва, Польша и Швеция, а также северные земли Германии. Дополнительная территория: Норвегия, Россия (северо-западные регионы) и Беларусь

Программы приграничного сотрудничества России и ЕС

Программы приграничного сотрудничества ИНТЕРРЕГ III A /ТАСИС		
	Приоритеты	Страны-участники
Программа соседства «Литва — Польша — Калининградская область РФ» (2004—2006 гг.) (закрита)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Стимулирование экономического и научно-технического сотрудничества 2. Улучшение пограничной инфраструктуры для развития приграничных территорий 3. Охрана окружающей среды, повышение энергоэффективности, продвижение и использование возобновляемых источников энергии 4. Развитие приграничного туризма и отдыха, модернизация туристической инфраструктуры, сохранение объектов культурного наследия приграничного значения 5. Поддержка инициатив местных сообществ 6. Культурная самобытность и культурное наследие региона 	Клайпедский, Таурагский, Алитусский и Марьямпольские уезды Литвы с входящим в них 21 муниципальным образованием. Польшу в программе представляют входящие в Поморское воеводство Слупский и Гданьский субрегионы, а также субрегион Гданьск — Гдыня — Сопот, Эльблонский, Ольштынский и Елкский субрегионы Варминьско-Мазурского воеводства и Белостокско-Сувалкский и Ломжиньский субрегионы Подляского воеводства, Калининградская область РФ
«Карелия» (2000—2006 гг.) (закрита)	<p><i>Приоритет 1.</i> Коммерческая деятельность</p> <p><i>Приоритет 2.</i> Передача опыта и региональное сотрудничество</p> <p><i>Приоритет 3.</i> Транспорт и связь</p>	Территории регионов Кайнуу, Северная Карелия и Северная Остерботния (Финляндия), а также Республика Карелия (Россия)
«Юго-Восточная Финляндия» (2000—2006 гг.) (закрита)	<p><i>Приоритет 1.</i> Развитие транспортных связей и состояние окружающей среды</p> <p><i>Приоритет 2.</i> Развитие коммерческой деятельности и благоприятного климата для ее роста</p> <p><i>Приоритет 3.</i> Передача опыта и улучшение условий сотрудничества.</p>	Основная территория: Южная Карелия, Южная Сава и Кюменлааксо (Финляндия), Санкт-Петербург и Ленинградская область (Россия). Дополнительная территория: Восточная Уусимаа и Пяйят-Хяме (Финляндия); Республика Карелия (Россия)

«Северный Каллотт/ Коларктик» (2000—2006 гг.) (закрита)	<i>Приоритет 1.</i> Деловое сотрудничество <i>Приоритет 2.</i> Компетенция и благосостояние <i>Приоритет 3.</i> Инфраструктура	Лапландия (Финляндия), губерния Норрботтен (Швеция); провинции Финнмарк, Тромсё и Нурдланд (Норвегия), Мурманская и Архангельская области, Ненецкий автономный округ (Россия)
Программы приграничного сотрудничества на 2007—2013 гг. Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП)		
«Литва — Польша — Россия» (2007—2013 гг.) (действующая)	Приоритеты	Территория
	<i>Приоритет 1.</i> Содействие решению общих проблем и задач <i>Приоритет 2.</i> Содействие социальному, экономическому и пространственному развитию	В Литовской Республике: Клайпедский, Марьямпольский и Таурагский уезды и в качестве примыкающих территорий — Алитусский, Каунасский, Тельшайский и Шяуляйский уезды В Российской Федерации: Калининградская область В Республике Польша: субрегион Гданьск — Гдыня — Сопот, Гданьский, Эльблонгский, Ольштынский, Эльцкий и Бялостокско-Сувальский субрегионы и в качестве примыкающих — Слупский, Быдгощский, Торуньско-Влоцлавский, Ломжиньский, Чехановско-Плоцкий и Остролецко-Седлецкий субрегионы. Эти субрегионы (NUTSIII) принадлежат к пяти регионам Польши (NUTSII): Поморское, Подляское, Варминьско-Мазурское, Куявско-Поморское и Мазовецкое воеводства
«Коларктик» (2007—2013 гг.) (действующая)	1. Экономическое и социальное развитие 2. Решение общих проблем 3. Сотрудничество между людьми и укрепление национального самосознания (идентичности)	Лапландия (Финляндия), Норрботтен (Швеция), Финнмарк, Трумс и Нурланн (Норвегия), Мурманская, Архангельская области и Ненецкий автономный округ (Россия). Прилегающие регионы: Северная Остроботния (Финляндия), Вестерботтен (Швеция) и Республика Карелия, Ленинградская область и Санкт-Петербург (Россия)

Программы приграничного сотрудничества на 2007—2013 гг. Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП)		
	Приоритеты	Территория
«Карелия» (2007—2013 гг.) (действующая)	<p><i>Приоритет 1.</i> Экономическое развитие</p> <p><i>Приоритет 2.</i> Качество жизни</p> <p><i>Приоритет 3.</i> Горизонтальный приоритет</p>	Региональные союзы: Кайну, Северная Карелия и Оулу (Финляндия), Республика Карелия (Россия). Прилегающие территории: Лапландия и Северное Саво (Финляндия), Санкт-Петербург, Ленинградская, Мурманская и Архангельская области (Россия)
«Юго-Восточная Финляндия — Россия» (2007—2013 гг.) (действующая)	<p><i>Приоритет 1.</i> Экономическое развитие</p> <p><i>Приоритет 2.</i> Совместные вызовы: проблемы приграничья и охрана окружающей среды</p> <p><i>Приоритет 3.</i> Социальное развитие и гражданское общество</p>	Южная Карелия, Южное Саво и Кюменлааксо (Финляндия), Санкт-Петербург и Ленинградская область (Россия). Территории, которые могут участвовать в программе как смежные регионы: Уусимаа, Пяйят-Хяме, Северное Саво и Республика Карелия
«Эстония — Латвия — Россия» на 2007—2013 гг. (действующая)	<p><i>Приоритет 1.</i> Социально-экономическое развитие</p> <p><i>Приоритет 2.</i> Общие проблемы</p> <p><i>Приоритет 3.</i> Продвижение сотрудничества между людьми</p>	Латгалия, Видземе; прилегающие территории: г. Рига и Пиерига (Латвия) Кирдэ-Ээсти, Лыуна-Ээсти, Кеск-Ээсти; прилегающая территория: Пыхья-Ээсти (Эстония) Ленинградская область, Псковская область, Санкт-Петербург (Россия)

Рамочные программы на сегодняшний день — это основной финансовый инструмент ЕС по поддержке научных разработок и исследований практически во всех областях науки. Международное научное сотрудничество осуществляется не только при помощи рамочных программ, но и благодаря множеству двусторонних договоров между Россией и странами ЕС, но, тем не менее, 7-я РП — основной и самый глобальный инструмент финансирования исследовательских проектов в Европе на 2007—2013 гг., охватывающий территорию всей Европы, а также Россию, Китай, Японию и другие страны мира.

Седьмая рамочная программа состоит из четырех подпрограмм по основным научно-исследовательским направлениям (табл. 3).

В Седьмой рамочной программе, как и других рамочных программах, Россия является «третьей страной», но при этом страной-партнером по международному сотрудничеству в совместных научных исследованиях со странами ЕС. По состоянию на конец 2011 г. российские организации принимают участие в 302 грантовых соглашениях 7-й РП и получают финансирование от ЕС около 59 млн евро. Необходимо отметить, что Россия занимает первое место по числу участников и объему финансирования среди «третьих стран» [9].

Одновременно с 7-й РП в России была утверждена и вступила в силу федеральная целевая программа (ФЦП) «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007—2012 годы», в апреле 2011 г. ее продлили до конца 2013 г. Она состоит из пяти основных направлений: живые системы, нанотехнологии и новые материалы, информационно-коммуникационные технологии, рациональное природопользование, энергоэффективность. Данная ФЦП позволяет всем заинтересованным организациям, прежде всего научным, в том числе и зарубежным, принимать участие в научных проектах и разработках, со-финансируемых из федерального бюджета РФ [1].

Новый механизм международного сотрудничества, объединивший финансовые ресурсы 7-й РП ЕС и ФЦП России, был запущен в 2007 г. Он представляет собой так называемые скоординированные конкурсы на проведение исследований в рамках совместного финансирования из фондов России и ЕС. Скоординированные конкурсы — это параллельные конкурсы на научные проекты, объявляемые совместно ЕС и Россией с общей научно-исследовательской тематикой с условием, чтобы научные коллективы с обеих сторон установили контакты друг с другом и подали отдельные, но взаимодополняющие заявки в соответствующие финансирующие органы России и ЕС. Всего с 2007 по 2011 г. было инициировано восемь скоординированных конкурсов по следующим тематикам [1]:

2007—2008 гг. — два скоординированных конкурса на проведение исследований в области энергетики, продовольствия, сельского хозяйства и биотехнологий;

2008—2009 гг. — три скоординированных конкурса на проведение исследований в области здравоохранения, нанотехнологий и новых материалов, энергии термоядерного синтеза;

2009—2010 гг. — один скоординированный конкурс на проведение исследований в области авиации;

2010—2011 гг. — два скоординированных конкурса на проведение исследований в области ИКТ, нанотехнологий и новых материалов.

Структура седьмой рамочной программы на 2007—2013 гг. [1]

Подпрограмма	Содержание подпрограммы	Объем финансирования, млрд евро
«Сотрудничество»	Поддержка транснациональных научных инициатив — от совместных исследовательских проектов и сетевых партнерств до координации национальных научно-исследовательских программ. Приоритетные тематические направления подпрограммы: здравоохранение, продукты питания, сельское хозяйство и биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии, нанонауки и нанотехнологии, материалы и новые производственные технологии, энергетика, окружающая среда, транспорт, социальные, экономические и гуманитарные науки, космос, безопасность	32,4
«Идеи»	Усиление качества, динамизма и творческой составляющей науки в Европе, повышение ее привлекательности для наиболее одаренных ученых из Европы и других стран и стимулирование инвестирования в промышленные исследования	7,5
«Кадры»	Содействие профессиональной карьере исследователей	4,7
«Возможности»	Приумножение исследовательских и инновационных возможностей, а также обеспечение их оптимального использования. Направления подпрограммы: развитие научно-исследовательской инфраструктуры, поддержка исследовательской деятельности в интересах малых и средних предприятий, создание регионов знаний и поддержка региональных исследовательских кластеров, развитие исследовательского потенциала, науки в обществе, поддержка системного развития политики в области научных исследований, деятельность в области международного сотрудничества	4,1
«Евратом»	Направлена на исследования в области энергетике, преимущественно атомной. Состоит из двух взаимосвязанных составляющих: одна предполагает осуществление мер косвенного характера, включая поддержку исследований в области ядерного синтеза, ядерного распада и радиационной защиты, а другая — реализацию инициатив прямого действия в ядерной сфере, выполняемых совместным исследовательским центром Европейской комиссии	5,25

Таким образом, организация скоординированных конкурсов — это подтверждение движения научно-технологического сотрудничества России и ЕС в сторону равного партнерства, которое основывается на взаимном распределении расходов и ответственности.

Кроме того, европейские ученые имеют возможности принимать участие в российских научно-технологических программах. Ключевые схемы доступа к российским программам, финансирующим научно-технические проекты, следующие:

- российские федеральные целевые программы;
- двусторонние и многосторонние программы;
- новые российские инициативы.

ФЦП, как и любые другие национальные программы, ориентированы на российских заявителей, но иностранные организации также могут принимать участие в конкурсах программы. Кроме того, исследователи и исследовательские организации из ЕС могут участвовать в проектах, финансируемых ФЦП в качестве субподрядчиков российских организаций — грантополучателей. Также в рамках ряда ФЦП организациями-заказчиками иногда проводятся так называемые «специальные конкурсы», которые направлены на развитие международного сотрудничества в сфере науки и технологий. В этих конкурсах поощряется участие иностранных партнеров. Иногда ФЦП используют зарубежный маркетинговый опыт: приглашение иностранных экспертов для участия в процессе оценки.

Двусторонние договоры — наиболее простая форма сотрудничества России и стран ЕС, поскольку финансирование зарубежного партнера, как правило, осуществляется из бюджета соответствующей страны. Доступ к такому финансированию становится проще, а правила отчетности прозрачные.

Новыми российскими инициативами можно назвать программу «Меры по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования», или так называемый проект «Сколково». Данные программы направлены на привлечение иностранных специалистов.

На основе научно-исследовательских программ и фондов РФ (федеральные целевые программы, Российский фонд фундаментальных исследований, Российский гуманитарный научный фонд и др.) созданы механизмы, которые способствуют более активному привлечению партнеров из ЕС к деятельности фондов и реализации программ.

Помимо вышеперечисленных инструментов международного сотрудничества России и ЕС в сфере научно-технического сотрудничества и инноваций существуют и другие формы сотрудничества. Россия принимает активное участие в таких международных крупномасштабных проектах, как CERN, ITER, Международная космическая станция, GLORIAD и т. д., которые выходят за пределы рамочных программ ЕС [1].

CERN — это европейская организация по ядерным исследованиям (Европейская лаборатория физики высоких энергий), соглашение с которой Россия подписала в 1993 г. Проект строительства Большого адронного коллайдера — главное достижение лаборатории.

Проект международного экспериментального термоядерного реактора — ITER является широкомасштабным научным экспериментом, задача которого заключается в демонстрации возможности использования термоядерного синтеза в качестве источника энергии. Проект был запущен в 1986 г. Установка ITER возводится в г. Кадараш, на юге Франции [1].

Кроме того, Россия вовлечена в работу над рядом европейских крупномасштабных научно-исследовательских установок (инфраструктуры). Так, например, Россия софинансирует строительство европейского рентгеновского лазера на свободных электронах (European XFEL). В июне 2011 г. в Москве был подписан меморандум о взаимопонимании между Европейским центром синхротронного излучения и национальным исследовательским центром «Курчатовский институт», который открывает для России возможности для полноправного членства в этой европейской организации [1].

Подведем итоги изложенного:

1. Сотрудничество РФ и ЕС в области инноваций осуществляется в рамках нескольких программ софинансирования.

2. Действующие программы трансграничного сотрудничества (например Программа региона Балтийского моря на 2007—2013 гг.) не могут в полной мере обеспечивать участие России в проектах, реализуемых в рамках данной программы ввиду отсутствия финансового механизма для России. Однако эти программы эффективно содействуют развитию и расширению международного сотрудничества РФ и ЕС в области научно-технического развития.

3. Несмотря на то что действие программ приграничного сотрудничества России и Евросоюза распространяется только на территорию России, входящую в регион Балтийского, Баренцева и Северного морей, тем не менее финансовые возможности реализации приграничных инновационных проектов достаточно высокие.

4. Самая эффективная программа сотрудничества РФ и ЕС в области инновационного развития — это Седьмая рамочная программа, состоящая из различных подпрограмм и приоритетов, направленных на научно-техническое развитие в разных сферах. В последние годы Седьмая рамочная программа активно сотрудничает с национальными фондами России, например с федеральными целевыми программами по развитию инноваций, что, несомненно, является плюсом в развитии сотрудничества России и Евросоюза, но также имеются и свои минусы, главный из которых — несоответствие сроков финансирования совместных объединенных проектов и как следствие — отчетности по совместным проектам.

Несмотря на то что у международного сотрудничества РФ и ЕС относительно небольшой срок, Россия занимает значительное место среди других партнеров ЕС в этой сфере. Количество совместных международных проектов в области развития науки и инноваций, выполненных и реализуемых организациями из ЕС и РФ, весьма значительное. Такому сотрудничеству способствует ряд финансовых инструментов, по-

зволяющих развивать международные исследования и разработки в области инноваций, науки и технологий. За последнее время был проделан большой путь в направлении нового, наиболее эффективного сотрудничества в научных исследованиях и инновационной деятельности между Россией и Евросоюзом, основывающийся на равном распределении ответственности путем внедрения механизмов софинансирования и совместной координации программ. Важным фактором сотрудничества РФ и ЕС является и тот факт, что все появившиеся в нашей стране точки инновационного роста, сосредоточенные в большинстве своем в национальных исследовательских университетах, федеральных университетах, национальных образовательных и исследовательских центрах, а также в инновационных предприятиях малого и среднего бизнеса, считают международное сотрудничество одним из ключевых направлений в развитии своей деятельности.

Список литературы

1. *Справочник* по вопросам научно-технологического сотрудничества Европейского союза, стран-членов ЕС и Российской Федерации. Изд. 2-е. М., 2012.
2. *Сайт* программы соседства «Регион Балтийского моря» ИНТЕРРЕГ III Б. URL: <http://www.bsrinterreg.net/rus/index.php?type=text&id=37&pid=61> (дата обращения: 22.09.2012).
3. *Сайт* программы трансграничного сотрудничества «Регион Балтийского моря». URL: <http://www.eu.baltic.net> (дата обращения: 21.09.2012).
4. *Официальный сайт* Центра по сетевому взаимодействию для устойчивого развития региона Балтийского моря. URL: <http://www.dex.leontief.net/kolar.htm> (дата обращения: 20.09.2012).
5. *Официальный сайт* программы приграничного сотрудничества Европейского инструмента соседства и партнерства «Эстония — Латвия — Россия» на 2007—2013 годы. URL: http://www.estlatrus.eu/eng/programme/informacija_na_russkom/programma_ (дата обращения: 20.09.2012).
6. *Официальный сайт* программы приграничного сотрудничества Европейского инструмента соседства и партнерства «Литва — Польша — Россия» на 2007—2013 гг. URL: www.lt-pl-gu.eu (дата обращения: 20.09.2012).
7. *Официальный сайт* программы приграничного сотрудничества Европейского инструмента соседства и партнерства «Коларктик». URL: <http://www.kolarcticenpi.info/gu> (дата обращения: 20.09.2012).
8. *Официальный сайт* программы приграничного сотрудничества Европейского инструмента соседства и партнерства «Карелия». URL: <http://www.kareliaenpi.eu/gu> (дата обращения: 20.09.2012).
9. *Официальный сайт* Седьмой рамочной программы ЕС. URL: http://cordis.europa.eu/fp7/home_en.html (дата обращения: 19.09.2012).
10. *Корнеевец В. С.* Международная регионализация на Балтике. СПб., 2010.
11. *Баранова Ю. В.* Опыт трансграничного сотрудничества Литвы и Калининградской области России как фактор развития научно-технического и инновационного потенциала приграничных территорий // Исследования Балтийского региона. Вып. 1 (7) / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2011. С. 131—142.

12. Баранова Ю. В. Предпосылки формирования трансграничного региона на территории Программы соседства «Литва — Польша — Калининградская область Российской Федерации» // Регион сотрудничества. Вып. 1 (55) : Актуальные вопросы изучения трансграничной регионализации в Балтийском регионе / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2011. С. 32—46.

Об авторе

Белова Анна Валерьевна, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Управления научно-исследовательских работ, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: ABelova@kantiana.ru

THE INSTRUMENTS OF RUSSIA-EU RESEARCH AND TECHNOLOGICAL COOPERATION IN THE SPHERE OF INNOVATIONS

A. V. Belova

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on October 1, 2012

The article focuses on the basic tools of Russia-EU international cooperation, co-funded by the EU and Russia, such as cross-border, trans-border, and trans-national cooperation programmes, which can contribute to innovative, scientific and technological development. The author gives an overview of large-scale Russia-EU international cooperation projects in the field of innovations and comments on the cooperation programme running until the end of 2013. Special attention is paid to a special financial tool — the Framework Programme — one of the most important tools of financial support for joint projects in the fields of science and innovation with the EU participation. The article emphasises the opportunities for career growth and professional development for individual researchers in the field of innovation.

Key words: innovations, international cooperation, tools for Russia-EU cooperation of, European programmes, Russian foundations

References

1. *Spravochnik po voprosam nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Evropejskogo sojuza, stran-chlenov ES i Rossijskoj Federacii* [Handbook on scientific and technological cooperation between the European Union, the EU Member States and the Russian Federation], 2012, Moscow.

2. *The Baltic Sea Region INTERREG III B Neighbourhood Programme 2000—2006*, available at: <http://www.bsrinterreg.net> (accessed 22 September 2012).
3. *Baltic Sea Region Programme 2007—2013*, available at: <http://www.eu.baltic.net> (accessed 21 September 2012).
4. *Developing EXcellence — DEX*, available at: <http://www.dex.leontief.net/kolar.htm> (accessed 20 September 2012).
5. *Estonia — Latvia — Russia Cross Border Cooperation Programme*, available at: http://www.estlatrus.eu/eng/programme/about_the_programme/objective_amp_priorities (accessed 20 September 2012)
6. *Lithuania-Poland-Russia ENPI Cross-border Cooperation Programme 2007—2013*, available at: www.lt-pl-ru.eu (accessed 20 September 2012)
7. *Kolarctic ENPI CBC website*, available at: <http://www.kolarcticenpi.info/en> (accessed 20 September 2012).
8. *The Karelia ENPI CBC Programme*, available at: <http://www.kareliaenpi.eu/en> (accessed 20 September 2012).
9. *European Commission: CORDIS: FP7*, available at: http://cordis.europa.eu/fp7/home_en.html (accessed 19 September 2012).
10. Korneevets, V. S. 2010, *Mezhdunarodnaja regionalizacija na Baltike* [International regionalization in the Baltic Sea], St. Petersburg.
11. Baranova, Yu. V. 2011, Opyt transgranichnogo sotrudnichestva Litvy i Kaliningradskoj oblasti Rossii kak faktor razvitija nauchno-tehnicheskogo i innovacionnogo potenciala prigranichnyh territorij [Experience of cross-border cooperation of Lithuania and the Kaliningrad region of Russia as a factor in the development of scientific, technological and innovation capacity of border areas], *Issledovaniâ Baltijskogo regiona* [Baltic Region Studies], no. 1(7), p. 131—142.
12. Baranova, Yu. V. 2011, Predposylki formirovanija transgranichnogo regiona na territorii Programmy sosledstva «Litva — Pol'sha — Kaliningradsckaja oblast' Rossijskoj Federacii» [Prerequisites for the formation of cross-border region in the Neighbourhood Programme "Lithuania — Poland — Kaliningrad Region of the Russian Federation"], *Region sotrudnichestva* [Region of cooperation], no. 1 (55), p. 32—46.

About author

Anna V. Belova, Head of the Research Planning and Organization Unit, Research Division, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: ABelova@kantiana.ru

УДК 339.9:001.895 (474)

**О МЕЖДУНАРОДНОМ
СОТРУДНИЧЕСТВЕ
СЕВЕРО-ЗАПАДА
РОССИИ
В ИННОВАЦИОННОЙ
СФЕРЕ НА БАЛТИКЕ**

Ю. В. Баранова*

Рассматриваются аспекты сотрудничества субъектов Северо-Западного федерального округа России и стран Балтийского региона (в частности, Финляндии, Эстонии, Норвегии) в сфере развития инноваций на государственном, региональном уровнях и на уровне сотрудничества отдельных предприятий. Приводятся примеры успешных проектов с инновационной составляющей, которые реализуются в рамках программ приграничного и трансграничного сотрудничества. Наиболее значимые проекты связаны с развитием информационно-коммуникационных технологий в здравоохранении; созданием сети, объединяющей инновационные центры региона Балтийского моря; и межгосударственной сети бизнес-инкубаторов в регионе Балтийского моря.

Автор также делает выводы о перспективных направлениях сотрудничества Северо-Запада России, Финляндии, Эстонии и Норвегии в инновационной сфере, среди которых: телекоммуникационные, информационные, космические, биологические, природоохранные и нанотехнологии, программное обеспечение, медицина, образование, культура, энергоэффективность и экологическое строительство, развитие творческих индустрий; и уделяет внимание таким крупным проектам на государственном уровне, как «Санкт-Петербургский коридор — Двухмодельная открытая инновационная платформа» и «Партнерство в коммерциализации российских инноваций».

Ключевые слова: Северо-Запад России, Финляндия, Эстония, Норвегия, сотрудничество, инновации, проект в области развития инноваций

---

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 2.10.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-12

© Баранова Ю. В., 2012

«Инновационный союз», одна из флагманских инициатив стратегии «Европа 2020», призвана способствовать тому, чтобы новаторские идеи «превращались» в инновационные продукты и услуги и обеспечивали конкурентоспо-

способность Европейского союза. В этой связи планируется обеспечить большее финансирование исследований и инноваций в Европе и усилить научное сотрудничество с третьими странами [18]. Если интенсивность связей трансграничного взаимодействия между Россией и ЕС будет усиливаться при условии развития инновационной инфраструктуры, то можно предположить, что намеченные во флагманской инициативе цели будут достигнуты.

Сотрудничество Северо-Запада России и Финляндии в сфере инноваций

Сотрудничество России и Финляндии в сфере инноваций складывается из процессов взаимодействия трех уровней: государственного, регионального и на уровне отдельных предприятий. В целом речь идет о модернизации и развитии инновационного сектора.

На государственном уровне сотрудничество в данной сфере осуществляется на основе ряда двухсторонних соглашений о сотрудничестве в сфере инноваций и высоких технологий (в настоящее время действует около 90 межгосударственных и межправительственных документов, регламентирующих практически все сферы двустороннего взаимодействия). В качестве инновационного форума выступает Инновационная группа при Финляндско-российской комиссии по экономическому сотрудничеству, которая ежегодно рассматривает новые инициативы и способствует исследованию новых потенциально инновационных отраслей. Для ускорения совместного развития инноваций и их коммерциализации осенью 2010 г. стартовал проект под рабочим названием «Партнерство в коммерциализации российских инноваций». Проект выступает инструментом для превращения инноваций в бизнес, он учрежден Министерством труда и экономики Финляндии и Финноде¹, финансируется Министерством иностранных дел Финляндии и реализуется компанией «Лаппеенранта Инновейшн» («Lappeenranta Innovation»). В особом фокусе — информационные и коммуникационные технологии, программное обеспечение, нано- и биотехнологии [2].

На региональном уровне сотрудничество в данной сфере развивается на основе двухсторонних соглашений администраций субъектов Российской Федерации и регионов Финляндии, а также в рамках Программы транснационального сотрудничества «Регион Балтийского моря» на 2007—2013 гг. и трех Программ приграничного сотрудничества на 2007—2013 годы: «Коларктик», «Карелия» и «Юго-Восточная Финляндия — Россия».

В рамках пяти раундов подачи проектных заявок по Программе «Регион Балтийского моря» сегодня утверждены 83 проекта [13]. По приоритету «Содействие развитию инноваций» реализуются 26 проектов [14], среди них есть и такие, в которых российские организации участвуют в роли ассоциированных партнеров (табл., см. с. 159—161).

¹ Финноде — совместная глобальная сеть инновационных центров.

На сегодняшний день по Программе приграничного сотрудничества «Коларктик» утверждены 13 проектов [24], из них ряд с инновационной составляющей, такие, например, как «Коларктик ИТ образование, сетевое сотрудничество, партнерство, инновации» («Kolarctic IT Education, «Networking, Partnership and Innovation»), цель которого состоит в развитии и усилении конкурентоспособности региона в области ИКТ с акцентом на телемедицину, и «Прибрежная среда, технологии и инновации в Арктике» («Coastal environment, technology and innovation in the Arctic»), направленный на внедрение инновационных идей по решению экологических проблем в регионе Баренцева моря. В проектах участвуют партнеры из Швеции, Норвегии, Финляндии, а также Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Архангельский государственный технический университет, Северный (Арктический) федеральный университет и Ассоциация «РУССОФТ» [28] (в проекте «Коларктик ИТ образование, сетевое сотрудничество, партнерство, инновации») и Мурманский государственный технический университет, Мурманский морской биологический институт Кольского научного центра РАН, Мурманский государственный гуманитарный университет, Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н. М. Книповича, Архангельский государственный технический университет, Институт проблем промышленной экологии Севера [26] (во втором проекте).

По состоянию на апрель 2012 г. по итогам первого и второго раундов Программы приграничного сотрудничества «Юго-Восточная Финляндия — Россия» утверждены 32 проекта [30]. В качестве проектов, имеющих инновационный компонент, можно выделить следующие:

1. «Международное сотрудничество в области бизнеса и инноваций» («Innovation and Business Cooperation»). Проект нацелен на развитие сотрудничества в инновационной сфере между российскими и европейскими университетами и научно-исследовательскими структурами, увеличение числа сотрудничающих университетов ЕС и России; улучшение возможностей развития для инновационных компаний из сотрудничающих регионов путем реализации новых продуктов и услуг. Партнеры проекта — Городское агентство по инновациям, г. Лаппеенранта (главный партнер Финляндия), Комитет экономического развития, промышленной политики и торговли (Санкт-Петербург), Комитет по информатизации и связи Санкт-Петербурга, Российско-европейское инновационное партнерство (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Лаппеенрантский технологический университет (Фин-

ляндия), Городское агентство по инновациям г. Коуволы (Финляндия), Инновационный центр Миккели Miktech Ltd. (Финляндия), Университет Аалто (Финляндия) [27].

2. «Развитие технологий арктических материалов» («Arctic Materials Technologies Development»). Цель проекта — расширение и улучшение трансграничного сотрудничества между ведущими исследовательскими центрами и промышленными компаниями, работающими в области технологии металлов и конструкционных материалов в условиях Арктики. Проект касается, в первую очередь, судостроения, морских платформ, нефтяных и газовых трубопроводов. Партнерами проекта являются Лаппеенрантский технологический университет (главный партнер, Финляндия) и Центральный научно-исследовательский институт конструкционных материалов (Санкт-Петербург) [25].

Из числа утвержденных проектов Программы приграничного сотрудничества «Карелия» (всего 11 по результатам первого раунда [23]) можно отметить:

1. «Комплексное развитие регионального сотрудничества в области открытых инноваций в ИКТ» («Complex development of regional cooperation in the field of open ICT innovations»). Задача проекта — развитие инновационных принципов и инфраструктуры путем создания сети лабораторий и центров Международной ассоциации открытых инноваций FRUCT, способствуя таким образом привлечению талантов в регион. Партнеры проекта — Петрозаводский государственный университет (главный партнер) и Университет Оулу (Финляндия) [21].

2. «Зеленые города и поселения — устойчивое пространственное развитие приграничных территорий» («Green cities and settlements — Sustainable spatial development in remote border areas»). Его цель — содействие озеленению городов и поселений, что уменьшит вред, наносимый окружающей среде. Партнеры проекта — Университет Оулу и его отделение NorTech Oulu (ранее Арктический технологический центр) (главный партнер — Финляндия), Карельский научный центр РАН (Петрозаводск), Карельский региональный институт управления, экономики и права ПетрГУ (Петрозаводск), Институт Леннрота, Университетский консорциум г. Каяни, Университет Оулу (Финляндия), Автономная некоммерческая организация «Карельский центр энергоэффективности» (Петрозаводск), Объединенная администрация провинции Кайнуу (Финляндия), Совет региона Оулу (Финляндия), администрация Костомукшского городского округа (Россия) [22].

Анализ активности партнеров в реализации проектов с инновационной составляющей демонстрирует значительный взаимный интерес Финляндии и России к сотрудничеству в сфере инноваций. Наиболее мощной площадкой взаимодействия в данной сфере является еврорегион «Карелия», почти четверть проектов в рамках которого направлены на использование и развитие инноваций как инструмента решений проблем развития приграничной территории.

На уровне взаимодействия отдельных предприятий сотрудничество России и Финляндии развивается в сферах энергетики, «зеленой» эко-

номики, телекоммуникационных, информационных, космических и нанотехнологий, медицины и образования. Сегодня финские предприятия работают в Санкт-Петербурге, Москве, Ростовской, Калужской, Тверской, Московской, Ленинградской и Свердловской областях [9].

Нынешние успехи рыбных хозяйств, действующих в Республике Карелия и в других приграничных регионах, в значительной степени базируются также на финских технологиях выращивания товарной форели.

В растениеводстве Россия позаимствовала у финнов технологию производства овощей, благодаря которой в 4—5 раз сократилась трудоемкость производства. Планируется развивать сотрудничество в области растениеводства, овощеводства и в области биотехнологий [3].

Достижение договоренностей о сотрудничестве на государственном, региональном и корпоративном уровнях формируют действенную инфраструктуру трансграничного сотрудничества в сфере инноваций. Перспективы развития сотрудничества России и Финляндии в этом направлении связаны со следующими сферами: энергоэффективность и экологическое строительство, нанотехнологии и сотрудничество в сфере так называемых творческих индустрий, а также в тех областях, где Россия и Финляндия обладают конкурентными преимуществами: нанотехнологии, космос, энергетическое машиностроение, судостроение, новые материалы, оптоэлектроника, а также весь комплекс арктических технологий [8].

Сотрудничество Северо-Запада России и Эстонии в сфере инноваций

В приграничных регионах России (в данном случае на Северо-Западе) совместно с Эстонией и другими странами Балтийского региона реализован ряд проектов, в той или иной мере направленных на инновационное развитие.

В рамках Программы соседства «Регион Балтийского моря» по направлению Интеррег III А «Эстония — Латвия — Россия» приоритет «Север» в период с 2004 по 2009 г. реализовано пять проектов с инновационной составляющей, в том числе проект «Развитие кластеров, интернационализация малых и средних предприятий и проведение бизнес-встреч в приграничных регионах России и Эстонии» («Cluster development and B2B internationalization in Estonian-Russian transborder regions»), направленный на выявление группирований предприятий (в том числе применяющих инновационные технологии) и определение возможности развития трансграничных экономических кластеров на Северо-Востоке Эстонии и Северо-Западе России. Среди российских партнеров: Комитет по внешним связям администрации Санкт-Петербурга; Центр устойчивого развития Ивангорода; администрация МО «Сланцевский район» (Ленинградская обл.); администрация МО «Кингисеппский район» (Ленинградская обл.). Среди эстонских партнеров: городское управление г. Кохтла-Ярве; городское управление г. Силламяэ; Ассоциация предпринимателей Нарвского региона [12].

Проекты, реализуемые партнерами из России и Эстонии в рамках Программы транснационального сотрудничества «Регион Балтийского моря» на 2007—2013 год, представлены в таблице (см. с. 159—161).

Приграничное сотрудничество в сфере инноваций и развития технологий Северо-Западного федерального округа России и Эстонии также осуществляется в рамках еврорегиона «Псков — Ливония». Основные направления приграничного сотрудничества Псковской области в рамках еврорегиона — сотрудничество в области экологии и природоохранных технологий, в сфере культуры и образования, стимулирование деловой активности бизнеса в приграничных районах [1].

Рассматривая механизмы и инструменты приграничного сотрудничества Эстонии и России, нельзя не отметить достаточно активную международную российско-эстонскую организацию — Эстонско-российскую палату предпринимателей (ЭРПП). В рамках сотрудничества одним из основных направлений деятельности ЭРПП является поддержка и содействие внедрению новых технологий и научных достижений в реальное производство на предприятиях, расположенных в приграничных районах России и Эстонии. Сотрудничество ЭРПП с региональными торгово-промышленными палатами России — мощное подспорье для приграничного бизнеса; устанавливаются деловые контакты с зарубежными партнерами, осуществляется информационный обмен, а также трансфер инновационных технологий в различных сферах [10].

Приграничное сотрудничество Ленинградской области с Эстонией локализовано на сравнительно небольших территориях. Это Кингисеппский район, Ивангород и Сланцевский район Ленинградской области, но при всей важности этого сотрудничества для Ленинградской области оно не претендует на статус локомотива регионального экономического и социального развития. Безусловный лидер на Северо-Западе России в приграничном сотрудничестве с Эстонией — это Псковская область. В этом регионе высока активность региональных ассоциаций, образовательных и научных учреждений, бизнес-организаций и органов местного самоуправления.

Сотрудничество Северо-Запада России и Норвегии в сфере инноваций

На государственном уровне правовую основу российско-норвежских торгово-экономических отношений составляет Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве от 26 марта 1996 г., на базе которого действует Межправительственная российско-норвежская комиссия по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству. Комиссия является основным двусторонним органом, который занимается выработкой и реализацией договоренностей между правительствами, отраслевыми и региональными органами управления России и Норвегии [4].

Обзор проблематики встреч на высшем уровне с участием России и Норвегии в последние годы демонстрирует растущий интерес к двухстороннему и многостороннему сотрудничеству в сфере инноваций. Обеими сторонами признается существенный потенциал и «значительные точки роста» в ключевых областях промышленности и в области развития инноваций. Международное сотрудничество в данной области планируется развивать на базе обмена эффективными инновационными технологиями с целью содействия модернизации таких ключевых областей промышленности, как нефтегазовая, металлургическая, энергетическая и ЖКХ. На уровне межрегионального сотрудничества СЗФО России совместно с Норвегией участвует в ряде региональных программ и организаций международного сотрудничества, направленных на реализацию широкого круга задач региона Балтийского моря и государств Севера Европы, в том числе затрагивающих аспекты использования и развития инноваций. К ним относятся: Арктический совет, Совет «Баренц» Евро-Арктического региона, Совет государств Балтийского моря, приграничное сотрудничество и политика «Северного измерения», охватывающая территорию сотрудничества всех вышеназванных организаций. Регионы СЗФО России и Норвегии также участвуют в программах приграничного и трансграничного сотрудничества. Начиная с 2000 г. было реализовано 363 проекта, из них проекты с инновационной составляющей — около 25% (94 проекта). Наиболее активными участниками приграничного сотрудничества в сфере развития инноваций с Норвегией являются Мурманская и Архангельская области (в рамках Программы «Коларктик» Интеррег III А Север) и Санкт-Петербург, Калининградская и Псковская области (в рамках Программы соседства Интеррег III В региона Балтийского моря).

Следует отметить, что в проектах, затрагивающих аспекты использования и развития инноваций, Норвегия проявляет относительно высокую активность. Также активны и российские регионы (Санкт-Петербург, Калининградская, Мурманская, Ленинградская, Псковская области, Республика Карелия). Кроме того, и Норвегия и Россия, будучи отнесенными к так называемой «прилегающей территории» реализации Программы, проявляют более высокую активность к участию в проектах инновационной тематики, нежели республики Прибалтики и Польша, входящие в основную территорию реализации Программы.

В Баренцевом регионе в рамках совместных проектов Программы «Коларктик» Интеррег III А Север, так или иначе затрагивающих использование и развитие инноваций, регионы Норвегии и СЗФО России демонстрируют самую высокую степень активности. Именно Норвегия самый активный участник и инициатор проектной деятельности в Баренцевом регионе с привлечением регионов СЗФО России. Тематика проектов более проблемно ориентирована и носит прикладной характер: открытие новых производств с использованием зарубежного опыта, координация систем подготовки кадров и формирования регионального рынка труда, совместные научные исследования в прикладных областях.

На уровне сотрудничества в коммерческой сфере ввиду соседского положения, схожести экономико- и физико-географических условий и, как следствие, общности приоритетов и проблем регионального развития регионы СЗФО в наибольшей степени вовлечены в процессы приграничного и трансграничного сотрудничества с регионами Норвегии. Вместе с тем следует отметить, что относительная непродолжительность периода либерализации условий трансграничных взаимодействий России и Норвегии, а также преимущественная направленность вектора трансграничной активности с запада на восток обуславливает «макрогеографический» характер размещения центров норвежско-российского сотрудничества в сфере экономики в России. Крупнейшими центрами в данном отношении являются расположенная за пределами СЗФО Москва, Санкт-Петербург и Мурманск. Во многом эта особенность характерна для начальных стадий развития приграничного и трансграничного сотрудничества, когда «степень знакомства» с рынком и субъектами потенциальной зоны взаимодействия и кооперации имеет достаточно высокий уровень обобщенности. В последние несколько лет наметилась тенденция к диверсификации географии и специализации центров сотрудничества на территории России за счет их развития преимущественно на территории Мурманской, Архангельской, Ленинградской и Калининградской областей, а также в других регионах России (Нижегородская, Липецкая, Калужская, Сахалинская области). В целом развитие трансграничного сотрудничества в сфере экономики выглядит как процесс освоения норвежскими предприятиями и организациями российского рынка.

* * *

На региональном уровне благодаря реализации международных проектов в рамках программ приграничного и трансграничного сотрудничества кооперация между субъектами Северо-Запада России и регионами Финляндии, Эстонии и Норвегии приобретает устойчивый характер, что может быть основой для появления проектов, направленных на инновационное развитие. Санкт-Петербург в этом отношении, безусловно, — лидер на Северо-Западе России, а Финляндия — это страна ЕС, которую можно привести в пример как образцового соседа: в рамках приграничного сотрудничества реализовано более 300 проектов, которые принесли плоды не только в цифрах товарооборота, но и имели несомненные социальные, экологические и экономические эффекты.

Между районами Юго-Восточной Финляндии, Санкт-Петербургом и прилегающими к нему областями формируется новый тип стратегического регионального партнерства под названием «Санкт-Петербургский коридор», который сосредоточит свое внимание на развитии бизнеса, инноваций, охране окружающей среды и здорового образа жизни, туризме и транспорте и логистике. Партнерство укрепляется в рамках

реализации Финско-Российским инновационным центром проекта «Санкт-Петербургский коридор — Двухмодельная открытая инновационная платформа», главные достижения которого — создание Российско-Европейского инновационного партнерства и сети поддержки инноваций в Ленинградской области [5].

В качестве перспективной формы сотрудничества СЗФО с Эстонией предложено формирование трансграничных инновационных кластеров. В результате исследований в рамках проекта «Развитие кластеров и интернационализация системы В2В из числа действующих секторов экономики в Ленинградской области и уезде Ида-Вирумаа экспертами проекта были определены следующие потенциальные приграничные кластерные группирования: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых; деревообработка; химическое производство; металлообработка; туризм; транспорт и связь; производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов; производство машин и оборудования; строительство [7]. Для развития приграничных кластеров в Ленинградской области и уезде Ида-Вирумаа необходимо в первую очередь обеспечить обмен данными и доступ к накопленным знаниям [6].

Сотрудничество регионов СЗФО и Норвегии преимущественно осуществляется по принципу взаимодополнения спроса на российском рынке и норвежского предложения инноваций. В силу разности уровней экономического развития северные регионы России выступают контрагентами стран Северной Европы, воспринимающими, а не предлагающими повестку дня в вопросах, в которых Россия в целом является «ведомой» страной. В этом смысле международная коммуникация делает российские регионы в большей степени объектом сотрудничества и рынком сбыта, а также служит для российского региона источником идей, опыта и лучших практик для модернизации. Таким образом, стратегии «инновационного заимствования» как форма трансграничного сотрудничества регионов СЗФО и Норвегии наиболее типичны и широко распространены.

Наиболее перспективными направлениями норвежско-российского сотрудничества в сфере инноваций с активным потенциальным интересом и участием регионов СЗФО являются разработка эффективных транспортных решений в регионе Баренцева моря, добыча и переработка нефти, газа, руды и минералов, сотрудничество в сфере рыбного хозяйства и аквакультуры, промышленного производства и экологии.

В целом следует отметить, что в ряде субъектов СЗФО (таких, как Санкт-Петербург, Мурманская, Архангельская, Ленинградская области, Республика Карелия) уровень развития инновационной инфраструктуры в сочетании с развитостью и интенсивностью связей трансграничного взаимодействия уже сегодня формирует основы трансграничных инновационных систем, перспективное развитие которых связано преимущественно с реализацией крупных инвестиционных проектов в Баренцевом и Балтийском регионах.

**Проекты Программы «Регион Балтийского моря» на 2007—2013 г., одобренные по приоритету
«Содействие развитию инноваций» (по состоянию на август 2012 г.).**

Название проекта и сроки реализации	Направление проекта	Партнеры	
		из стран ЕС	российские
Устойчивые, энергоэффективные и ресурсосберегающие жилые здания, построенные с учетом единых процедур и новых технологий (LongLife). Январь 2009 — январь 2012 [29]	Внедрение новых технологий в строительстве с целью снижения энергопотерь в странах-участницах	Германия, Дания, Литва, Польша	Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет ОАО «Ленинградское областное жилищное агентство ипотечного кредитования» Некоммерческое партнерство «Инженеры по отоплению, вентиляции, кондиционированию воздуха, теплоснабжению и строительной теплофизики»
Инновационные центры региона Балтийского моря, объединенные в сеть (BaSIC). Октябрь 2009 — январь 2012 [11]	Создание условия для быстрого развития малых и средних инновационных предприятий в регионе Балтийского моря и включение их в сеть ведущих научных парков и кластеров	Германия, Латвия, Швеция, Эстония, Польша, Финляндия, Дания, Литва, Норвегия	Санкт-Петербургский фонд развития малого и среднего бизнеса Комитет экономического развития, промышленной политики и торговли администрации Санкт-Петербурга
«Люди лучшего возраста» — проект по передаче знаний и опыта профессионалов для ускорения развития бизнеса в регионе Балтийского моря (Best Ager). Сентябрь 2009 — декабрь 2012 [15]	Мобилизация сил 19 партнеров из 8 стран для разработки новых идей, использования опыта, знаний и навыков «людей лучшего возраста» для развития бизнеса	Латвия, Дания, Эстония, Германия, Великобритания, Литва, Польша, Швеция	Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики Союз промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга

Название проекта и сроки реализации	Направление проекта	Партнеры	
		из стран ЕС	российские
Информационно-коммуникационные технологии для здоровья (ICT for Health). Сентябрь 2009 — Декабрь 2012 [20]	Общая цель проекта — убедить граждан с хроническими заболеваниями и медицинских работников с большей готовностью применять возможности электронного здравоохранения и дать необходимые знания для использования технологии электронного здравоохранения в профилактике и лечении к концу проекта в 2012 г.	Дания, Финляндия, Германия, Литва, Норвегия, Польша, Швеция	Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова
Квалификация, инновации, сотрудничество и основные сферы для развития бизнеса малых и средних предприятий в регионе Балтийского моря (BSR QUICK). Сентябрь 2009 — декабрь 2012 [16]	Повышение квалификации владельцев и сотрудников малых и средних компаний, а также академическое образование	Германия, Польша, Литва, Эстония, Беларусь, Финляндия, Норвегия, Дания, Швеция, Латвия	Ремесленная палата Калининградской области Ремесленная палата Ленинградской области Ремесленная палата Санкт-Петербурга Ремесленная палата России Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики Фонд «Агентство регионального экономического развития» (Калининград)

Изменение климата, культурное наследие и энергоэффективные памятники культуры (COOL Bricks). Сентябрь 2010 — декабрь 2013 [17]	Решение вопросов сокращения потребления энергии в исторических зданиях без нарушения их культурной ценности и самобытности	Германия, Швеция, Дания, Эстония Латвия, Финляндия, Литва, Норвегия, Польша, Беларусь	Комитет по туризму и зарубежным связям администрации Великого Новгорода
Межгосударственная сеть бизнес-инкубаторов (IBI Net). Сентябрь 2009 — Июнь 2012 [19].	Создание и укрепление транснациональной сети бизнес-инкубаторов в регионе Балтийского моря — платформы для постоянного обмена информацией, ноу-хау и технологиями для содействия развитию инновационных и экспортно-ориентированных малых и средних предприятий в регионе Балтийского моря	Латвия, Швеция, Польша, Германия, Беларусь, Норвегия	Государственное учреждение «Ленинградский областной центр поддержки предпринимательства»

Список литературы и источников

1. Бударгин Г. Еврорегионы с участием России: история создания и перспективы развития // 4CS. Ru: Эксперты для гражданского общества. 2009. 16 мая. URL: http://www.4cs.ru/materials/publications/wp-id_620/ (дата обращения: 17.02.2012).
2. Копонен Т. Инновационное сотрудничество между Финляндией и Россией // FINNODE A STEP AHEAD. 2011. 21 марта. URL: <http://www.finnode.fi/files/71/.pdf> (дата обращения: 20.09.2012).
3. Интервью торгового представителя России в Финляндии Валерия Шлямина информационному агентству ИТАР-ТАСС // Торговое представительство Российской Федерации в Финляндии. 2011. Февр. URL: <http://www.rusfintrade.ru/site/article/1285> (дата обращения: 07.09.2012).
4. Информационная система торговых представительств России. Торговые представительства: Норвегия. URL: http://www.torgpredstvo.ru/torg_pred.php?id_land=59&contl=1 (дата обращения: 30.07.2012).
5. Открытая инновационная платформа — инструмент сотрудничества России и Европейского союза в приграничной области. URL: http://www.firusinno.ru/kuvat/Tmoipa/lpr%20inno%20esite_rus_esite_web.pdf (дата обращения: 10.09.2012).
6. Final cluster analysis. Identification of cross-border economic clusters in trans-border region of St. Petersburg, Leningrad region and Ida-Virumaa, Narva Business Advisory Services Foundation, St. Petersburg Information and Analytical Center, Synergy International Ltd, 2008. URL: <http://rus.kohtla-jarve.ee/uploads/documents/valissuhted/projektid/2/cd/en/final.pdf> (дата обращения: 12.09.2012).
7. Информационный бюллетень проекта “EstRuCluster Development. Cluster development and B2B internationalization in Estonian-Russian transborder regions”. 2009. №2. URL: <http://rus.kohtla-jarve.ee/uploads/documents/valissuhted/projektid/2/Infoletters/Rus2.pdf> (дата обращения: 12.09.2012).
8. Российско-финское сотрудничество // Фонтанка. FI — петербургский портал о Финляндии. URL: <http://fontanka.fi.dev.parohod.biz/rubrics/pages/35> (дата обращения: 31.08.2012).
9. Самуленкова А., Кожевников Д. Финляндия-Россия: партнерство сильных соседей // Бюджет. ru. URL: <http://bujet.ru/article/133856.php> (дата обращения: 07.09.2012).
10. Степанова Н. Готовим телегу зимой // «Бизнес-среда». 2009. 15 Апреля. URL: <http://www.moles.ee/business/09/Apr/15/03.php> (дата обращения: 17.08.2012).
11. BaSIC Baltic Sea Innovation Network Centres. About project. URL: <http://www.basic-net.eu/basic-brief> (дата обращения: 21.09.2012).
12. Baltic Sea Region INTERREG III B Neighbourhood Programme INTERREG III A Priorities. Project Compendium (2004—2007). Priority North. Riga, 2007.
13. Baltic Sea Region Programme 2007—2013. Approved projects. URL: http://eu.baltic.net/Approved_projects.4589.html (дата обращения: 20.09.2012).
14. Baltic Sea Region Programme 2007—2013. Approved projects. URL: <http://eu.baltic.net/index.php?id=5308&contentid=> (дата обращения: 21.09.2012).
15. BestAgers. URL: <http://www.best-agers-project.eu/> (дата обращения: 23.09.2012).
16. BSR QUICK. Summary of the project. URL: <http://www.bsr-quick.eu/4.html> (дата обращения: 19.09.2012).
17. Co2olBricks Climate Change, Cultural Heritage & Energy Efficient Monuments. URL: <http://www.co2olbricks.eu/index.php?id=55> (дата обращения: 19.09.2012).

18. *Turning Europe into a true Innovation Union* // Europa. Press Release RAPID. 2010. 2 октября. URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=MEMO/10/473&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en> (дата обращения: 11.10.2012).

19. *Short information on the project partners and their role in the IBI Net* // IBI Net Intercountry Business Incubator Network. 2010. URL: <http://www.ibi-net.eu/project-partners> (дата обращения: 20.09.2012).

20. *ICTforHealth*. Information Communication Technology. URL: http://www.ictforhealth.net/index.php?option=com_content&view=article&id=45&Itemid=27 (дата обращения: 20.09.2012).

21. *Complex development of regional cooperation in the field of open ICT innovations* // KARELIA ENPI CBC. URL: <http://www.kareliaenpi.eu/fi/teemat/cross-border-solutions/hankkeet/154-complex-development-of-regional-cooperation-in-the-field-of-open-ict-innovations> (дата обращения: 17.09.2012).

22. *Green cities and settlements — Sustainable spatial development in remote border areas* // KARELIA ENPI CBC. URL: <http://www.kareliaenpi.eu/fi/teemat/cross-border-solutions/hankkeet/160-green-cities-and-settlements-sustainable-spatial-development-in-remote-border-areas> (дата обращения: 18.09.2012).

23. *The projects* // KARELIA ENPI CBC. URL: <http://www.kareliaenpi.eu/en/themes/cross-border-solutions/projects> (дата обращения: 17.09.2012).

24. *2007—2013 Kolarctic ENPI CBC* // KEEP Knowledge and Expertise in European Programmes. URL: http://www.territorialcooperation.eu/frontpage/project_programme/43/2007%20-%202013%20Kolarctic%20ENPI%20CBC (дата обращения: 12.09.2012).

25. *Project — Arctic Materials Technologies Development* // KEEP Knowledge and Expertise in European Programmes. URL: <http://www.territorialcooperation.eu/frontpage/show/6457> (дата обращения: 16.09.2012).

26. *Project — Coastal environment, technology and innovation in the Arctic* // KEEP Knowledge and Expertise in European Programmes. URL: <http://www.territorialcooperation.eu/frontpage/show/5099> (дата обращения: 15.09.2012).

27. *Project — Innovation and Business Cooperation* // KEEP Knowledge and Expertise in European Programmes. URL: <http://www.territorialcooperation.eu/frontpage/show/6455> (дата обращения: 16.09.2012).

28. *Project — Kolarctic IT Education, Networking, Patnership and Innovation* // KEEP Knowledge and Expertise in European Programmes. URL: <http://www.territorialcooperation.eu/frontpage/show/5105> (дата обращения: 12.09.2012).

29. *About the Project Longlife* // LONGLIFE. URL: http://www.longlife-world.eu/project_en.html (дата обращения: 18.09.2012).

30. *Projects* // SOUTH-EAST FINLAND — RUSSIA ENPI CBC 2007—2013. URL: <http://www.southeastfinrusnpi.fi/> (дата обращения: 16.09.2012).

Об авторе

Баранова Юлия Владимировна, научный сотрудник Центра трансграничных исследований НОЦ «Социально-экономическое и инновационное развитие региона» Института балтийских исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: j.spirina@mail.ru

ON THE INTERNATIONAL COOPERATION OF NORTH-WEST RUSSIA
IN THE FIELD OF INNOVATIONS IN THE BALTIC

Yu. V. Baranova

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on October 2, 2012

This article focuses on cooperation between the constituent entities of the Northwestern Federal District of the Russian Federation and the Baltic countries (Finland, Estonia, Norway) in the field of innovations at national and regional levels, as well as at the level of inter-enterprise cooperation. The author reviews successful innovation projects implemented within cross-border and transnational cooperation programs. The most significant projects focus on the development of information and communications technologies in healthcare, the development of networks uniting innovation centres in the Baltic Sea region, and the transnational network of business incubators in the Baltic Sea region.

The author identifies promising areas of cooperation between North-West Russia, Finland, Norway, and Estonia in the field of innovations, including telecommunications, information, space, biological, environmental and nanotechnologies, software, medicine, education, culture, energy efficiency and ecological construction, as well as the development of creative industries. The article pays attention to large-scale national projects, such as “St. Petersburg Corridor — Two Model Open Innovation Platform” and “Partnership in commercialization of Russian innovations”.

Key words: North-West Russia, Finland, Estonia, Norway, cooperation, innovations, innovative projects

References

1. Budargin, G. 2009, Evroregiony s uchastiem Rossii: istorija sozdanija i perspektivy razvitija [Euro-regions with the participation of Russia: history and prospects], *4CS. Ru: Eksperty dlja grazhdanskogo obshestva* [4CS. Ru: Experts for civil society], 16 May, available at: http://www.4cs.ru/materials/publications/wp-id_620/ (accessed 17 February 2012).
2. Koponen, T. 2011, Innovacionnoe sotrudnichestvo mezhdru Finljandiej i Rosiej [Innovative cooperation between Finland and Russia], *FINNODE A STEP AHEAD*, 21 March, available at: <http://www.finnode.fi/files/71/.pdf> (accessed 20 September 2012).
3. Interv'ju Torgovogo predstavitelja Rossii v Finljandii Valerija Shljamina informacionnomu agentstvu ITAR-TASS [Interv'ju Torgovogo predstavitelja Rossii v Finljandii Valerija Shljamina informacionnomu agentstvu ITAR-TASS], 2011, *The Trade Representation of the Russian Federation in Finland*, February, available at: <http://www.rusfintrade.ru/site/article/1285> (accessed 07 September 2012).

4. Torgovye predstavitel'stva: Norvegija [Trade missions Norway], *Informacionnaja sistema torgovyh predstavitel'stv Rossii* [Information system of the Russian Trade Representation], available at: http://www.torgpredstvo.ru/torg_pred.php?id_land=59&contl=1 (accessed 30 July 2012).

5. *Otkrytaja innovacionnaja platforma — instrument sotrudnichestva Rossii i Evropejskogo sojuza v prigranichnoj oblasti* [Open innovation platform — a tool for cooperation between Russia and the European Union in the border area], available at: http://www.finrusinno.ru/kuvat/Tmoipa/lpr%20inno%20esite_rus_esite_web.pdf (accessed 10 September 2012).

6. *Final cluster analysis. Identification of cross-border economic clusters in trans-border region of St. petersburg, Leningrad region and Ida-Virumaa*, 2008, Narva Business Advisory Services Foundation, St. Petersburg Information and Analytical Center, Synergy International Ltd, available at: <http://rus.kohtla-jarve.ee/uploads/documents/valissuhted/projektid/2/cd/en/final.pdf> (accessed 12 September 2012).

7. *Project newsletter "EstRuCluster Development. Cluster development and B2B internationalization in Estonian-Russian transborder regions"*, 2009, no. 2, available at: <http://rus.kohtla-jarve.ee/uploads/documents/valissuhted/projektid/2/Infoletters/Rus2.pdf> (accessed 12 September 2012).

8. Rossijsko-finskoe sotrudnichestvo [The Finnish-Russian cooperation], *Fontanka. FI — peterburgskij portal o Finljandii* [Fontanka. FI — St. Petersburg portal of Finland], available at: <http://fontanka.fi.dev.pahod.biz/rubrics/pages/35> (accessed 31 August 2012).

9. Samulenkova, A., Kozhevnikov, D. Finljandija-Rossija: partnerstvo sil'nyh sosedej [Finland-Russia: Partnership powerful neighbors], *Bjuzhet. ru*, available at: <http://bujet.ru/article/133856.php> (accessed 07 September 2012).

10. Stepanova, N. 2009, Gotovim telegu zimoj [Preparing a cart in winter], *Biznes-sreda* [Business environment], 15 April, available at: <http://www.moles.ee/business/09/Apr/15/03.php> (accessed 17 August 2012).

11. *BASIC Baltic Sea Innovation Network Centres. About project*, available at: <http://www.basic-net.eu/basic-brief> (accessed 21 September 2012).

12. *Baltic Sea Region INTERREG III B Neighbourhood Programme INTERREG III A Priorities. Project Compendium (2004—2007), Priority North*, 2007, Riga.

13. *Baltic Sea Region Programme 2007—2013. Approved projects*, available at: http://eu.baltic.net/Approved_projects.4589.html (accessed 20 September 2012).

14. *Baltic Sea Region Programme 2007—2013. Approved projects*, available at: <http://eu.baltic.net/index.php?&id=5308&contentid=> (accessed 21 September 2012).

15. *BestAgers*, available at: <http://www.best-agers-project.eu/> (accessed 23 September 2012).

16. *BSR QUICK. Summary of the project*, available at: <http://www.bsr-quick.eu/4.html> (accessed 19 September 2012).

17. *Co2olBricks Climate Change, Cultural Heritage & Energy Efficient Monuments*, available at: <http://www.co2olbricks.eu/index.php?id=55> (accessed 19 September 2012).

18. Turning Europe into a true Innovation Union, 2010, *Europa. Press Release RAPID*, 2 October, available at: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=MEMO/10/473&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en> (accessed 11 October 2012).

19. Short information on the project partners and their role in the IBI Net, 2010, *IBI Net Intercountry Business Incubator Network*, available at: <http://www.ibi-net.eu/project-partners> (accessed 20 September 2012).

20. *ICTforHealth. Information Communication Technology*, available at: http://www.ictforhealth.net/index.php?option=com_content&view=article&id=45&Itemid=27 (accessed 20 September 2012).

21. Complex development of regional cooperation in the field of open ICT innovations, *KARELIA ENPI CBC*, available at: <http://www.kareliaenpi.eu/fi/teemat/cross-border-solutions/hankkeet/154-complex-development-of-regional-cooperation-in-the-field-of-open-ict-innovations> (accessed 17 September 2012).

22. Green cities and settlements — Sustainable spatial development in remote border areas, *KARELIA ENPI CBC*, available at: <http://www.kareliaenpi.eu/fi/teemat/cross-border-solutions/hankkeet/160-green-cities-and-settlements-sustainable-spatial-development-in-remote-border-areas> (accessed 18 September 2012).

23. The projects, *KARELIA ENPI CBC*, available at: <http://www.kareliaenpi.eu/en/themes/cross-border-solutions/projects> (accessed 17 September 2012).

24. 2007—2013 Kolarctic ENPI CBC, *KEEP Knowledge and Expertise in European Programmes*, available at: http://www.territorialcooperation.eu/frontpage/project_programme/43/2007%20-%202013%20Kolarctic%20ENPI%20CBC (accessed 12 September 2012).

25. Project — Arctic Materials Technologies, *KEEP Knowledge and Expertise in European Programmes*, available at: <http://www.territorialcooperation.eu/frontpage/show/6457> (accessed 16 September 2012).

26. Project — Coastal environment, technology and innovation in the Arctic, *KEEP Knowledge and Expertise in European Programmes*, available at: <http://www.territorialcooperation.eu/frontpage/show/5099> (accessed 15 September 2012).

27. Project — Innovation and Business Cooperation, *KEEP Knowledge and Expertise in European Programmes*, available at: <http://www.territorialcooperation.eu/frontpage/show/6455> (accessed 16 September 2012).

28. Project — Kolarctic IT Education, Networking, Partnership and Innovation, *KEEP Knowledge and Expertise in European Programmes*, available at: <http://www.territorialcooperation.eu/frontpage/show/5105> (accessed 12 September 2012).

29. About the Project Longlife, *LONGLIFE*, available at: http://www.longlife-world.eu/project_en.html (accessed 18 September 2012).

30. Projects, *SOUTH-EAST FINLAND — RUSSIA ENPI CBC 2007—2013*, available at: <http://www.southeastfinrusnpi.fi/> (accessed 16 September 2012).

About author

Yulia V. Baranova, Research Fellow, Centre for Cross-Border Studies, Socio-Economic and Innovative Development of the Region research and education centre, Baltic Studies Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: j.spirina@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШИ

Poland's Foreign Policy in the 21st Century / ed. by Stanisław Bieleń.
Warsaw : Difin, 2011. 462 S.

В течение нескольких последних лет едва ли ни единственным всеобъемлющим и предметным англоязычным исследованием по проблемам современной внешней политики Польши стала монография советника президента Польши по международным делам проф. Р. Кужняра «*Poland's Foreign Policy After 1989*». Книга была издана в 2006 г. и за короткое время стала популярной у специалистов-международников и дипломатов, а также в университетах как в Польше, так и за ее пределами. Она предлагала читателям авторскую периодизацию внешней политики Польши с 1980-х, основанную на успешном выполнении Польшей тех или иных задач на международной арене. Особое место в исследовании проф. Р. Кужняра заняло описание и анализ вступления Польши в НАТО и Европейский союз.

Рецензируемая монография — принципиально новое исследование современной внешней политики Польши. Во-первых, данное издание в большей степени выстроено по проблемному, а не хронологическому принципу, концентрируясь вокруг решения наиболее сложных и актуальных внешнеполитических проблем. Во-вторых, несмотря на то что монография написана коллективом авторов, они единодушны в том, что новой поворотной точкой во внешней политике Польши стал 2004 г., когда страна вступила в Европейский союз и оказалась в новых политических реалиях. Это, безусловно, требует нового осмысления и анализа. В-третьих, отдавая должное отдельным успехам Польши в международных делах, авторы уделили большое внимание рассмотрению системных проблем польской внешней политики и предложили профессиональному сообществу новые решения и альтернативы.

Одна из таких проблем — аксиологическое измерение современной польской внешней политики. Авторы подчеркивают, что польская идентичность претерпевает существенные изменения после вступления Польши в ЕС. Она сочетает в себе как национальные, так и общеевропейские ценности. Однако часть национальных ценностей препятствуют формированию в польском обществе общеевропейской идентичности. Имеются в виду остатки романтического духа средневековой польской знати, преувеличенный акцент на историческую политику и предубеждения по отношению к соседним народам и государствам, которые плохо уживаются с либеральными ценностями современной Европы. Действительно, данное противоречие часто проецируется на дейст-

вия Польши на международной арене. Романтизм и отсутствие прагматики зачастую ведет к плохо подготовленным действиям на международной арене. Кроме того, во внешней политике Польши присутствует идея мессианства и восприятие страны как бастиона западных традиций и ценностей в Центрально-Восточной Европе. Некоторые правые партии спекулируют на этом, воспроизводя идеологемы, которые с большим трудом увязываются с современными реалиями. На исторической политике делается чрезмерный акцент, что приводит к формированию образа Польши как страны самостоятельной, сильной и гордой, но с недоверием относящейся к своим ближайшим соседям. По существу, этот образ является производным истории взаимоотношений Польши со своими соседями — Россией и Германией. Но авторы справедливо указывают на то, что сейчас Польша, будучи частью ЕС, НАТО и других международных структур, находится в принципиально иных условиях, преимуществами которых необходимо пользоваться для укрепления своих позиций в мире.

К проблемам, препятствующим реализации эффективной внешней политики, исследование также относит склонность официальных лиц к экспромту и импровизации в международных делах; существенные расхождения во взглядах политических партий на внешнеполитическую повестку дня; неспособность польской дипломатии формировать коалиции в поддержку своих инициатив внутри ЕС. Особое внимание в книге уделено проблеме отсутствия в структурах польского МИДа достаточного количества профессионалов высокого уровня. После 1989 г. Польша унаследовала пул качественно подготовленных дипломатов, однако последовавшие потом многочисленные кадровые перестановки нанесли ущерб профессиональному потенциалу ведомства. До сих пор назначение нового министра иностранных дел, как правило, сопровождается многочисленными должностными назначениями. Кроме того, качество польской внешней политики не в последнюю очередь связано и с уровнем зарплат в МИДе, которые, будучи самыми низкими в ЕС, не способны привлечь талантливую молодежь на государственную службу.

Несмотря на имеющиеся проблемы, польские ученые, тем не менее, отмечают некоторое улучшение имиджа Польши на международной арене. Прежде всего, этому способствуют относительно хорошие экономические показатели страны. В последние годы рост польского ВВП заметно выше, чем рост ВВП ЕС, что позволяет Польше постепенно сокращать свое экономическое отставание от стран Запада. Однако и тут авторы исследования указывают на то, что опережающие темпы роста ВВП в обозримом будущем могут иссякнуть, так как они основаны лишь на относительно низкой себестоимости произведенных товаров и услуг. В связи с этим авторы исследования ставят перед польской внешней политикой амбициозную задачу создания внешних условий для сохранения темпов роста своей экономики, ориентированной на использование высоких технологий в производстве.

Главным региональным приоритетом внешней политики Польши признается ЕС. На этом уровне стране удалось добиться некоторых положительных результатов. В частности, немалая заслуга Варшавы в том, что «Восточное партнерство», а также вопросы энергетической безопасности постоянно находятся в повестке дня ЕС.

Однако примеров неудач польской дипломатии в Европе, сопровождавшихся имиджевыми и репутационными потерями, в книге гораздо больше. Очень часто их причины кроются в непоследовательности, неспособности искать компромиссные варианты решений с партнерами по ЕС и в использовании «двойных стандартов». Так, Варшава часто апеллирует к Брюсселю с просьбой проявить солидарность в том, что касается польских интересов («Северный поток»), но игнорирует принцип солидарности тогда, когда нужно идти на уступки (распределение финансового бремени для помощи развивающимся странам в проведении реформ, направленных на защиту окружающей среды).

Как полагают авторы монографии, для ведения более успешной внешней политики в ЕС Варшаве требуется больше опираться в своих действиях на Германию. Они подчеркивают, что в современном ЕС ни одно решение не принимается без одобрения Берлина. Даже успех «Восточного партнерства» будет во многом обусловлен степенью поддержки со стороны Германии. В связи с этим Польше следует прекратить самостоятельно выстраивать вокруг себя коалицию малых европейских стран, так как очевидно, что зачастую польские инициативы воспринимаются в Берлине с недоверием. Кроме того, польскому МИДу рекомендуется перенимать немецкий опыт обращения с инструментами «мягкой силы». Действительно, в Польше работают десятки немецких неправительственных организаций, в то время как Польша в Германии представлена лишь единицами. Однако следует признать, что на данный момент у страны нет достаточных финансовых возможностей, чтобы иметь сопоставимую сеть подобных институтов.

Серьезной критики со стороны авторского коллектива была удостоена внешняя политика Польши в отношении США. Прежде всего, речь идет о безальтернативном следовании курсу Вашингтона по многим вопросам в сфере международной безопасности. Примером этого может служить участие польских вооруженных сил в войне в Ираке, а также безоговорочная поддержка Варшавой планов США разместить в Европе элементы национальной системы противоракетной обороны. При этом Польша заняла одностороннюю позицию, не прислушиваясь к аргументам ни со стороны России, ни со стороны ЕС, не принимая во внимание даже тот факт, что данная американская инициатива не будет способствовать более тесной интеграции в рамках НАТО.

Слепое следование в фарватере политики США, по мнению авторов исследования, свидетельствует о некоторой дезориентации Польши на международной арене. Они настоятельно рекомендуют МИДу проводить более взвешенную внешнюю политику по отношению к США, так как только долгосрочное взаимодействие с ЕС может принести ощути-

мую пользу. Действительно, опыт показал, что Польша не должна втягиваться в глобальные конфликты, не согласовав свою позицию с Германией и Францией. Ведь именно в ЕС находятся реальные гарантии польской безопасности и благополучия.

Для российского читателя, вероятно, наиболее интересными будут главы, в которых анализируются российско-польские отношения (авторы: С. Белень и А. Шептицкий). Впервые за очень долгое время российско-польские отношения получили шанс на нормализацию. В этой связи авторы монографии высоко оценили усилия двух стран, направленные на сближение позиций по ряду вопросов политического и экономического характера. С 2010 г. Польша и Россия пытаются вернуться к построению двусторонних отношений на основе взаимопонимания и доброй воли. Однако стороны должны сбалансировать свои ценности и интересы и найти пространство для диалога и понимания.

Более того, можно согласиться с польскими коллегами в том, что на современном этапе у Польши нет внятной внешнеполитической стратегии в отношении Москвы, политика Варшавы в этом направлении носит явно реактивный характер. При этом, несмотря на членство Польши в многочисленных западных структурах, часть польской политической элиты пропагандирует страх в отношении восточного соседа, опираясь на геополитический детерминизм. В соответствии с последним, утверждается, что попытки России захватить Польшу никогда не прекратятся. Авторы книги справедливо считают, что такая логика несостоятельна, ошибочна и ведет к маргинализации Польши в мировой политике. Кроме того, это свидетельствует о существенной переоценке современной России. В реальности позиции России в Центрально-Восточной Европе в последние годы несколько ослабли, даже ее ближайшие союзники — Армения и Беларусь — настойчиво ищут возможности уменьшить зависимость от Москвы. Россия Польше не враг, она сама нуждается в диалоге с ЕС по многим проблемам. У Москвы нет другого пути кроме как сближение с Западом, так как только этот путь сможет дать России необходимые катализаторы для модернизации — инвестиции, технологии и стабильные рынки сбыта.

Достаточно широко в книге освещена дискуссия вокруг вопроса о возможности энергетического шантажа со стороны России. Польские ученые спешат развеять эти страхи и считают ничтожно небольшой вероятностью развития такого сценария в российско-польских отношениях, напоминая о том, что за счет переработки природного газа Польша удовлетворяет только 12% своих потребностей в энергии. В сумме лишь около 20% потребностей Польши в энергии удовлетворяются за счет импорта, в котором Россия, правда, занимает место главного партнера. Польские эксперты приходят к выводу, что Варшаве следует либо найти альтернативного поставщика энергоресурсов, либо перестать вести «словесные войны» с монополистом вокруг «Северного потока» и других его проектов.

В заключение нужно отметить, что данное исследование выполнено на высоком профессиональном уровне, является своевременным и пред-

лагает качественный анализ проблем и перспективных направлений внешней политики современной Польши. Как показывает исследование, она реализуется с различной степенью успеха и находится в фазе поиска наиболее эффективных способов достижения целей на международной арене. Однако с уверенностью можно сказать, что за последние 20 лет динамичная и многовекторная внешняя политика позволила Польше занять прочные позиции в Центрально-Восточной Европе и претендовать на статус региональной державы, не считаться с интересами которой сегодня невозможно. Поэтому книгу можно рекомендовать не только специалистам в области международных отношений и полонистам, но также политикам и дипломатам.

И. В. Грецкий

Об авторе

Грецкий Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: gretskiy@rambler.ru

About author

Dr Igor V. Gretsky, Associate Professor, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University.

E-mail: gretskiy@rambler.ru

Александров О. Б. Северный вектор внешней политики России: внешняя политика России на Балтике, в регионе Северной Европы и в Арктике. М. : Спутник+, 2012. 205 с.

Монография известного российского политолога-международника О. Б. Александрова (доцента кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России) подводит итог его многолетней работы по изучению «северного вектора» российской внешней политики в постсоветский период.

Автор поставил перед собой задачу рассмотреть особенности российского курса в отношении Балтийского региона, стран Северной Европы (Nordic countries) и Арктики, объединяя все эти направления в рамках единого «северного вектора» внешней политики Москвы. Этот «интегративный подход» не совсем обычен для современной российской международно-политической науки, так как традиционно отечественные ученые привыкли рассматривать эти регионы по отдельности. В этом плане исследовательский подход О. Б. Александрова близок к концепции «Нового Севера», выдвигавшейся исландским президентом О. Р. Гримсоном с начала двухтысячных годов [2] и развиваемой отечественной исследовательницей Н. Ю. Маркушиной (СПбГУ), чьи работы, кстати говоря, остались за пределами внимания автора рецензируемой монографии [4; 5]. И хотя концепция «Нового Севера» (равно как и «северного вектора» российской внешней политики) еще не устоялась ни в географическом, ни в содержательном планах (ее сторонники постоянно выдвигают различные версии этой концепции), несомненно, появление подобных «интегративных» понятий отражает современные тенденции в развитии балтийского, североевропейского и арктического регионов и формирования нового макрорегиона.

Структурно книга состоит из введения, четырех глав, заключения и списка источников и литературы.

Первая глава посвящена изучению процессов геополитической трансформации в балтийском и североевропейском регионах в период после окончания «холодной войны». В ней также анализируются двусторонние отношения России с отдельными странами этих регионов.

Автор отмечает, что, прежде всего, изменилась военно-стратегическая ситуация в этих районах мира. Резко снизилось военное присутствие России на Балтике, внимание Москвы переместилось с необходимости противостояния НАТО на вопросы торгово-экономического сотрудничества со «старыми» и «новыми» (бывшими советскими республиками Прибалтики) государствами региона. В то же время после присоединения Швеции и Финляндии к ЕС в 1995 г. эти страны утратили свой нейтралитет, которому они были привержены долгие годы, и обрели статус формально «неприсоединившихся» государств (хотя они обе приняли активное участие в формировании военных структур Евро-

союза). Несмотря на роспуск Организации Варшавского Договора, с блоковой политикой в регионе так и не было покончено, так как НАТО вместо того, чтобы последовать примеру ОВД, не только не самораспустилась, а, наоборот, начала активно расширяться (в том числе в Балтийском регионе).

Как отмечается в рецензируемой монографии, вдобавок к активизации НАТО на «Большом Севере» (еще одно название макрорегиона, формирующегося из Балтии, Северной Европы и Арктики), процессы военно-политической интеграции усилились и на субрегиональном уровне. Так, в начале 2009 г. был опубликован так называемый доклад Т. Столтенберга (известного норвежского государственного деятеля, занимавшего в разные периоды своей политической карьеры высокие военные и дипломатические посты), в работе над которым приняли участие эксперты из всех пяти стран Северной Европы. В нем предлагался ряд мер по военно-политической интеграции «нордической пятерки» (создание системы мониторинга за воздушной и морской обстановкой в Арктике и Северной Атлантике, включая создание спутниковой группировки для этих целей; образование совместных воинских и спасательных подразделений для проведения соответствующих операций в регионе; развитие совместной инфраструктуры; военно-техническое сотрудничество и пр.).

Идеи, изложенные в докладе Столтенберга, легли в основу соглашения о Североевропейском оборонном сотрудничестве (NORDEFCO), заключенного «пятеркой» указанных государств в ноябре 2009 г. Вдобавок к этому, отмечает О. Б. Александров, в январе 2010 г. оформилась еще одна группа, стремящаяся координировать свою военно-политическую стратегию в регионе. На этот раз это была уже не «пятерка», а целая «девятка»: к пяти североевропейским странам присоединились три балтийских республики, а в качестве инициатора создания группы и ее лидера выступила Великобритания.

Таким образом, налицо диссонанс между стремлением России демилитаризовать «Большой Север» и складыванием в макрорегионе различных военно-политических коалиций с явно антироссийским подтекстом. Москве приходится учитывать эти «жесткие» реалии при выстраивании своего «северного вектора» внешней политики.

В то же время хотелось бы подискутировать с автором относительно общей оценки геополитической ситуации на «Большом Севере». При чтении книги невольно складывается впечатление, что негативные тенденции (ремилитаризация макрорегиона) явно преобладают над позитивными процессами. В действительности же это не совсем так, и заинтересованность различных стран, расположенных в этих районах мира, в торгово-экономическом и гуманитарном сотрудничестве явно преобладает над остатками менталитета периода «холодной войны». Особенно зримо эта заинтересованность в сотрудничестве проявляется в сфере энергетики (как со стороны России, которая рассчитывает на западные инвестиции и технологии для освоения арктических газовых и нефтяных месторождений, так и европейских стран, остро нуждающихся в энергоносителях).

К тому же нынешние военные приготовления западных стран имеют совершенно иной характер, чем в период глобальной конфронтации между капитализмом и социализмом. За исключением стран «третьего мира», сейчас военная сила чаще всего используется Западом не для достижения стратегического превосходства над «потенциальным противником», а для отстаивания своих экономических интересов (в данном случае в Арктике).

В то же время, на мой взгляд, автор рецензируемой книги несколько преувеличивает возможности влияния новых военно-политических коалиций на «Большом Севере» («пятерки» и «девятки») на российский курс в этом макрорегионе. Так, он считает, что одной из причин, почему Москва пошла на уступки Осло в вопросе о делимитации морских пространств в Баренцевом море (договор 2010 г.), — это опасение остаться в изоляции перед лицом консолидированной коалиции NORDEFCO и «девятки» (с. 42—43, 165—166). Думается, что все-таки это преувеличение, так как ни военный потенциал указанных коалиций (он просто несравним с российским), ни степень их единства (интересы членов этих достаточно аморфных образований в той же Арктике весьма различны, а подчас и противоречивы) не дают оснований для того, чтобы говорить о создании широкого антироссийского «фронта» на «Большом Севере». У России существует достаточно широкий спектр дипломатических, экономических, военных, пропагандистских и иных инструментов для того, чтобы предотвратить как формирование такого «фронта», так и состояние своей изоляции в макрорегионе.

Желание поспорить вызывают и некоторые суждения автора по частным вопросам. Так, с одной стороны, он считает, что Исландия по-прежнему является «непотопляемым авианосцем» США (с. 34), а с другой — сам же упоминает о том, что Вашингтон ликвидировал свою военно-воздушную базу в Кефлавике в 2006 г. (с. 21, 35). Более того, дело доходило до того, что в 2008 г., когда Москва предложила Исландии, оказавшейся в кризисной ситуации, финансовую помощь, президент этой страны (уже упоминавшийся О. Р. Гримсон) выступил с инициативой передать базу в Кефлавике в аренду России для ее использования российской стратегической авиацией, совершающей полеты над Северной Атлантикой. Подобная инициатива не только шокировала западные страны, но и побудила NORDEFCO поскорее взять «шефство» над воздушным пространством Исландии.

В данном разделе работы много говорится о проблемах в российско-норвежских отношениях, но практически не упоминается о позитивном опыте сотрудничества двух стран — развитии приграничных связей, совместных проектах в области энергетики, культуры, образования, спорта, туризма и пр. В некоторых своих аспектах этот опыт просто уникален. Так, в ноябре 2010 г. Норвегия первой из входящих в Шенгенскую группу стран пошла на заключение с Россией фактически безвизового режима в пятидесятикилометровой приграничной зоне. Годом позже этот опыт был использован для заключения аналогичного

соглашения с Польшей по Калининграду и двум польским приграничным воеводствам. Норвежский Киркенес и российский Никель развивают приграничное сотрудничество в рамках уникальной модели «городов-близнецов» [1; 6]. Идет обсуждение проекта по созданию совместной Поморской промышленно-инновационной зоны, которая, помимо всего прочего, в будущем могла бы быть нацелена на перевалку и переработку энергоресурсов с арктического шельфа.

В противовес российско-норвежским отношениям российско-датское взаимодействие автор характеризует как менее проблемное и более позитивное (с. 44). Не оспаривая в целом позитивную динамику в отношениях между Москвой и Копенгагеном за последние 20 лет, в то же время нельзя не видеть серьезных проблем в отношениях двух стран. Так, Дания вела последовательный курс на поддержку чеченских «борцов за свободу», дав последним возможность создать свой центр в Копенгагене, «обслуживающий» всю Европу, и даже провести чеченский конгресс в октябре 2002 г. Последний привел к срыву саммита Россия — ЕС в Копенгагене (его пришлось переносить в Брюссель) и фактическому (негласному) бойкоту датских товаров российской стороной. Дания также придерживается строго проамериканского курса в вопросах европейской и мировой политики, что не может не вызывать недовольства Москвы. Копенгаген особенно жестко осудил действия России в период «пятидневной войны» с Грузией в августе 2008 г. Наконец, сам О. Б. Александров упоминает о серьезных российско-датских противоречиях по вопросу о разделе арктического шельфа (в частности, из-за подводного хребта Ломоносова). Кстати, в отличие от той же Норвегии, Дания вообще не проявляет гибкости в вопросе о разделе шельфа и разграничении морских пространств, жестко настаивая на принадлежности ей исключительных прав на Северный полюс.

Не совсем понятно также, почему автор рецензируемой монографии, анализируя многогранную деятельность Евросоюза на Балтике и Севере Европы, при этом не упоминает о Стратегии ЕС в регионе Балтийского моря 2009 г., которая до сих пор служит основной концептуальной платформой политики Брюсселя в этом районе мира.

Во второй главе изучается политика России в контексте «Северного измерения» (СИ) ЕС, которое началось как одна из региональных программ Брюсселя, а с 2007 г. превратилось в «совместное предприятие» (совокупность «партнерств») ЕС, России, Норвегии и Исландии. В этой же главе анализируется деятельность таких субрегиональных организаций, как Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Совет Баренцева Евро-Арктического региона (СБЕР) и Арктического совета (АС).

О. Б. Александров подробно изучает эволюцию как СИ, так и трех указанных субрегиональных организаций. Так, он отмечает, что СИ, начавшись как программа Евросоюза по интеграции постсоветских и постсоциалистических государств в общеевропейское социально-экономическое, правовое и гуманитарное пространство, после вступления

в 2004 г. большинства из них в ЕС (кроме России), потеряло свой первоначальный смысл и потребовались пересмотр его концептуальной основы и существенная структурная реорганизация. Теперь этот проект имеет более равноправный (по отношению к России) характер и основан на принципах реального партнерства. Вместе с тем, по мнению автора, СИ пока еще не приобрело «идеальной формы» (с. 86—88). Так, российской стороне не хватает в рамках СИ сотрудничества в сфере инвестиций и высоких технологий. В работе СИ пока не ликвидированы многочисленные параллелизмы и дублирование. Подчас СИ со стороны ЕС имеет виртуальный характер, так как реальную работу в рамках партнерств с Россией выполняют СГБМ, СБЕР, организации стран Северной Европы, международные финансовые институты. ЕС же просто «ставит себе галочку», засчитывая тот или иной проект в актив СИ.

Хватает проблем и в работе СГБМ. О. Б. Александров отмечает, что после присоединения Польши и трех балтийских государств к ЕС, фактического превращения Балтийского моря во «внутреннее море» Евросоюза указанные страны и руководящие органы этой наднациональной организации в значительной степени утратили интерес к Совету (с. 58). Во второй половине двухтысячных годов СГБМ фактически занимался реализацией малозначащих проектов. Соглашаясь в целом с критической оценкой автора книги деятельности СГБМ в «пострасширенческий» период, все же нельзя не отметить определенные положительные сдвиги в работе этой организации в последнее время. Под влиянием России, которую не устраивал «виртуальный» СГБМ, лишь симулировавший активность и не приносивший реальных результатов, в 2008 г. началась его реформа. Были определены приоритеты будущей деятельности СГБМ. В 2009 г. утверждена новая версия устава Совета, расширены полномочия его постоянного секретариата. В 2010 г. принята Вильнюсская декларация СГБМ «Видение региона Балтийского моря до 2020 г.», в которой намечались направления работы Совета на среднесрочную перспективу. Наконец, в период германского председательства в СГБМ (2011—2012 гг.) запущена программа «Юго-Восточный район Балтийского моря» (англ. аббревиатура — SEBA), нацеленная на модернизацию Калининградской области и сопредельных районов Балтии. В период российского председательства в СГБМ (2012—2013 гг.) ожидается дальнейшая активизация работы Совета.

О. Б. Александров описывает нелегкий процесс становления Арктического совета, который, несмотря на сопротивление некоторых его членов (прежде всего США), постепенно превращается из простого форума для дискуссий по проблемам Арктики в авторитетную субрегиональную организацию, где могут приниматься решения, существенно влияющие на ситуацию в регионе. Примером тому может служить принятое в мае 2011 г. Соглашение по сотрудничеству в аэронавигационном и морском поиске и спасении в Арктике. Тогда же было решено создать постоянный секретариат АС в Тромсё (Норвегия). На очереди

одобрение соглашения по борьбе с разливами нефти в Арктике. Свидетельством растущего авторитета АС является стремление ряда неарктических государств (КНР, Япония, Ю. Корея и пр.) получить в нем статус постоянного наблюдателя. Россия проводит в рамках Совета взвешенную политику, с одной стороны, содействуя повышению его авторитета, с другой — не допуская бесконтрольного расширения его состава, которое может подорвать позиции «официальных» арктических государств (в том числе в области раздела континентального шельфа, богатого энергоресурсами) [3].

В третьей главе анализируются внешние связи российских северо-западных регионов, роль этих субъектов РФ в формировании «северного вектора» международного курса Москвы, проблемы, с которыми приходилось сталкиваться регионам в процессе при- и трансграничного сотрудничества. В этом разделе работы подробно рассматривается, как формировалась правовая база внешнеэкономической и международной деятельности регионов, как выстраивались их отношения с федеральным центром во внешнеполитической сфере, какие формы и направления международной деятельности регионов российского Северо-Запада существуют. В частности, изучаются торгово-экономические, этнокультурные и гуманитарные связи регионов с соседними странами. Правда, некоторые из интересных форм международного сотрудничества российских регионов и органов самоуправления изучаются весьма схематично (например, их участие в «еврорегионах») или вообще обходятся стороной (побратимские связи, «города-близнецы»).

В четвертой главе исследуется становление нового международного региона — арктического, а также анализируются стратегии ключевых полярных «игроков». Особенно интересен критический «разбор» арктической политики России в постсоветский период. Автор книги отмечает, что до начала двухтысячных годов российское руководство фактически не проявляло интереса к Арктике и допустило множество просчетов в проведении своего курса в этом регионе. Лишь относительно недавно Москва начала более или менее осознанно формулировать свои интересы и цели политики в арктическом регионе, проводить научные экспедиции, нацеленные на сбор доказательств в пользу принадлежности хребта Ломоносова и поднятия Менделеева к российскому континентальному шельфу, принимать меры по укреплению своего военного потенциала в регионе и возрождению Северного морского пути и проч. Трудно не согласиться с утверждением автора о том, что Москве предстоит еще немало сделать для того, чтобы ее арктическая стратегия была приведена в полное соответствие с национальными интересами страны и существующими реалиями в регионе.

Практическое значение имеет ряд рекомендаций О. Б. Александрова по совершенствованию политического курса Москвы в Арктике. Исключением, пожалуй, является предложение автора о заключении международного соглашения по демилитаризации Арктики, включая запрет

на проведение военных учений в этом регионе (с. 166). Это вряд ли соответствует национальным интересам России, так как в арктической зоне размещены 2/3 ее стратегических подводных лодок, а военные маневры необходимы для поддержания боеспособности российских вооруженных сил. Иное дело, если можно было бы договориться с другими полярными державами о неразмещении систем ПРО в регионе, ограничении военно-морской и авиационной активности в определенных районах Арктики и развитии других мер доверия в сфере военной безопасности.

В целом же, несмотря на отдельные дискуссионные моменты, работа носит оригинальный и творческий характер. Автору удалось раскрыть тему и успешно решить поставленные исследовательские задачи. Публикация данной работы чрезвычайно своевременна и полезна как для развития научного подхода к изучению российской политики на «Большом Севере», так и в образовательной сфере — для повышения уровня профессиональной подготовки студентов и аспирантов-международников.

Список литературы

1. Анищенко А.Г., Сергунин А.А. «Города-близнецы»: новая форма приграничного сотрудничества в балтийском регионе? // Балтийский регион. 2012. №1. С. 27—38.
2. Гримссон О. Р. Новый Север: инновации и возможности в 21-м веке. URL: http://www.northernforum.org/peter_ga03.html
3. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Международные организации и сотрудничество в Арктике // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. №3. С. 27—35.
4. Маркушина Н.Ю. Северная безопасность и концепция «Нового Севера» // Обозреватель-Observer. 2011. №4. С. 92—100.
5. Маркушина Н.Ю. Концепция «Новый Север» и российская внешнеполитическая стратегия. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011.
6. Joenniemi P., Sergunin A. Laboratories of European integration: city-twinning in Northern Europe. Tartu : Peipsi Center for Transboundary Cooperation, 2012.

А. А. Сергунин

Об авторе

Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: sergunin60@mail.ru

References

1. Anishenko, A.G., Sergunin, A.A. 2012, «Goroda-bliznecy»: novaja forma prigranichnogo sotrudnichestva v baltijskom regione? [Twin cities: a new form of cross-border cooperation in the Baltic Region?], *Baltijskij region* [Baltic Region],

no. 1, pp. 27—38. doi: 10.5922/2074-9848-2012-1-3, available at: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/c9f/powjgmfrmkiewzmq%20tb.%20ms.,%20jdlasuijfgtuvpdc%20cj.%20uo._27-38.pdf (accessed 13 August 2012).

2. Grimsson, O.R. *Novyj Sever: innovacii i vozmozhnosti v 21-m veke* [New North: Innovations and Opportunities in the 21st Century], available at: http://www.northernforum.org/peter_ga03.html (accessed 17 August 2012).

3. Konyshov, V.N., Sergunin, A.A. 2011, *Mezhdunarodnye organizacii i sotrudnichestvo v Arktike* [International organizations and cooperation in the Arctic], *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja ekonomika* [Bulletin of international organizations: education, science, the new economy], no. 3, pp. 27—35.

4. Markushina, N.Yu. 2011, *Severnaja bezopasnost' i koncepcija «Novogo Severa»* [Northern security and the concept of "New North"], *Obozrevatel'-Observer*, no. 4, pp. 92—100.

5. Markushina, N. Yu. 2011, *Koncepcija «Novyj Sever» i rossijskaja vneshnepoliticheskaja strategija* [The concept of "New North" and Russian foreign policy strategy], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

6. Joenniemi, P., Sergunin, A. 2012, *Laboratories of European integration: city-twinning in Northern Europe*, Tartu, Peipsi Center for Transboundary Cooperation.

About author

Prof Alexander A. Sergunin, Department of Theory and History of International Relations, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University.

E-mail: sergunin60@mail.ru

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2012
4 (14)

Редактор *Н. Н. Мартынюк*. Корректор *Н. Н. Генина*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 26.11.2012 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,8
Тираж 1000 экз. Заказ 228

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14